

ОМЕТС

ISSN 0131-6656

№ 7 АПРЕЛЬ 1982

ЗНАНИЕ ЕСТЬ СИЛА,
СИЛА ЕСТЬ ЗНАНИЕ

АДРЕС:
Эстонская ССР

ПРОФЕССИЯ:
продавец

КОМСОМОЛЬСКИЙ

СТАЖ:

три года

МОИ СЪЕЗД

Когда я училась в школе, покалужий, удивительный
был, скажи мне кто-то, что я стану продавщицей.
После десятого класса поступала - и поступила! - в
политехнический институт. Но, к счастью, скоро поняла,
что техника не мое призвание. Ушла из института
и стала работать в магазине. Сначала просто
потому, что нужно было где-то работать, но с каждым
днем, удивляясь сама, начала замечать, что все
больше и больше влюбляюсь в свое новое дело.

Ведь работа в торговле - это прежде всего работа
с людьми. И самый лучший продавец должен быть и
педагогом, и психологом, и, конечно, знатоком своего
дела. Человек, приходя в магазин, вправе рассчиты-
вать на внимание к себе, должен испытать
вот радость, а не обиду. Представьте, сколько
нужно знать самой продавцу, чтобы помочь покупателю
сделать правильный выбор! Мы все постоянно учимся,
чтобы быть "на уровне".

После XVIII съезда ВЛКСМ, на котором Леонид Ильич
Брежнев призвал комсомолов взять шефство над сферой
торговли и бытового обслуживания, многое изменилось и в
нашем городе. Все камизе и камизе встречаются покупателей у
выхода в магазин таблички: "Здесь работает комсомольско-
молодежный коллектив!". И сейчас, в такую комсомольско-
кого съезда, я советую молодежи: идите смело в торговлю.
Здесь вам очень нужно.

Натрия Тяпки,
продавщица магазина "Сатурн"

УЧЕБА РАБОЧЕЙ УСЛОВИЯ, ВОЗМО

За годы десятой пятилетки аттестаты о среднем образовании получили более 6 миллионов молодых тружеников, занятых в народном хозяйстве. Подобных выпусков школы рабочей молодежи еще не знали. Причем одновременно многие из выпускников повысили свою профессиональную квалификацию, рабочий разряд.

Успехи налицо, но и проблемы, стоящие перед школой, призванной давать молодым людям образование без отрыва от производства, серьезны.

Требование времени: вечерняя школа переходит на новые, усовершенствованные программы и учебные планы. Предполагается, например, вместе с трехгодичным курсом обучения ввести параллельно двухгодичный — для тех, кому это по силам. Продолжается поиск органичного соединения общеобразовательной и профессиональной подготовки учащихся.

Сегодня вечерняя школа стремится быть как можно ближе к месту работы своих учеников. Все шире используется льготный день — когда учащиеся в один и тот же день недели освобождаются от работы, чтобы целиком посвятить его школе.

В постановлении ЦК ВЛКСМ «Об участии комсомольских организаций в дальнейшем совершенствовании подготовки специалистов с высшим и средним специальным образованием без отрыва от производства» подчеркивается, что предметом особой заботы комитетов комсомола должно стать создание необходимых условий труда, учебы и быта для учащейся молодежи как на производстве, так и в учебных заведениях. Для этого необходимо активно использовать договоры школ и предприятий о совместной работе. Договоры, в которых содержатся конкретные взаимные обязательства.

Дать каждому молодому труженику среднее образование — дело государственной важности, требование времени.

ВЕЧЕРНИЕ УРОКИ

Игорь
АЛЕКСАНДРОВ

Анна Афанасьевна

В Калининград переехали в январе. Сеял ласковый дождик, глаза подолгу не могли оторваться от свежей, яркой травы. Неожиданности на этом не кончились. В районе Анне Афанасьевне Каракозовой смогли предложить только часы в вечерней школе, пришлось вынужденно — чтобы не прерывался стаж — согласиться, хотя всю жизнь учила в дневной.

А школа — зеленый двухэтажный особнячок на лужайке среди запущенного сада — сразу понравилась.

...Через два дня шла по тихой Менделеевской на первые уроки и вдруг будто споткнулась: рядом с возникшей за мочуцими мокро-черными стволками старых лип школой стояли красные машины, показавшиеся неправдоподобно огромными, мелькали люди...

Школа ужаснула. Провалившаяся крыша, ряды выбитых окон, над каждым грязный след выльесков пламени, все вокруг в каких-то обгорелых ошметках. От тяжелого и резкого в сырость запаха гари кружилась голова, давило виски.

В стороне она увидела учительницу, сбившихся стайкой вокруг мучительно бледного директора, пошла к ним.

Во время следствия по делу о пожаре в вечерней общеобразовательной школе № 6 каждому учителю задавали один и тот же вопрос: кто из учеников мог участвовать в поджоге?

Аза Михайловна Большакова в ответ стыдливо залилась краской и еле выдавила из себя: «Ой, что вы! Да как можно об этом думать!» Тамара Александровна Ващинина искренне изумилась: «А при чем здесь они?» Людмила Леони-

довна Начинкина решительно отмахнулась: не то.

Натыкаясь каждый раз на одно и то же категоричное: «Из наших никто не мог!» — не выдержал следователь:

— Можно подумать, у вас тут одни ангелы собрались. А у нас на кое-кого есть совсем другие данные. За некоторыми — и вам это тоже известно — такое тянется... Кстати, и учеба у многих вот уже где сидит. Но заставляют — вот и нашли выход. Не утверждаю, что все именно так и есть, но версия выглядит вполне правдоподобно. А вы или слишком верите в них, или просто закрываете на все глаза, не хотите каких-то вещей замечать...

Целый год, пока с помощью шефов ремонтировалось здание, мыкались не самыми дорогими гостями по соседям, теряя учеников. Уходить в дневную школу в такой ситуации, решила Анна Афанасьевна, нехорошо и летом никаких шагов не предпринимала. Наконец, дождалась окончания ремонта. Школу было не узнать — еще лучше стала. Но они-то знали, что само по себе здание еще не школа. Здесь можно было разместить любую контору, а чтобы была школа, нужны учебные пособия, архив, библиотека, методический материал. Нужно то, что погибло в пожаре. И что — это они тоже прекрасно знали — обычно собирается годами, копится бережно и неустанно листочек к листочку, чертежик к чертежику.

С разрозненных листочков, с чудом сохранившихся крох и начали. Сами писали, рисовали, составляли, систематизировали. Несли из дома, везли из командировок, выпрашивали у соседей и знакомых, надоедали шефам и рай-

оно. А ведь еще и учили. И на Анну Афанасьевну обрушились все заботы вечерней школы. Первое, что задавило, заслонило собою все, — посещаемость и сохранность контингента. И набор. Вечный, нескончаемый набор — только учебный год начался, зимой еще и не пахнет, а уже опять давит, мотает по домам и предприятиям забота: кого в следующем году набирать?

На одном из собраний все по тем же вопросам Тамара Александровна Ващинина вдруг бросила:

— На самом деле надо просто всем ехать в Североморск.

— Чего вдруг? Почему Североморск? — А мы там в вечерней школе проблем с посещаемостью не знали никаких. Классы всегда были полны.

— Как? Не может быть. — Школа была для военных. По команде строились и строим — по классам. Красота. Нет проблем.

У Ващиной все так — весело, с напором, все нипочем.

Время в заторах летело — не углядишь. Шел всего третий год после пожара, когда Анна Афанасьевна — она уже была завучем — стала директором шестой вечерней. Школа уже прочно стояла на ногах, учителя собрались опытные, люди все неслучайные, беспокойные. Поэтому и не могли не видеть: вечерние занятия все же слишком тяжелы для работающего человека. Сидит — или с усталостью борется, или дергается — как там семья? Вот и думали на вечерних уроках не только о предмете, но и о том, что бы можно было изменить.

Предприятия получили возможность предоставлять тем, кто учится, раз в неделю льготный день. Целый день для учебы. С оплатой 50 процентов от среднего заработка. Надо было перестраивать работу. Как? Первое слово принадлежало директору.

И в эти лихорадочные дни вдруг свалилось: Виктор Захватов из девятого класса попался на краже, впереди суд, приговор, улики налицо. Анна Афанасьевна вызвала Большакову — классного руководителя. Узнала неутешительное: неблагополучная семья, раскаяния не проявляет, на работе о нем тоже самые нерадостные отзывы. Учится отвратительно.

— А ведь я его еще совсем маленьким знала, — тихо рассказывала Аза Михайловна, — его сестра у нас училась. Совсем другая была — старательная, отзывчивая девушка. Если пропустила уроки — значит, заболела или в семье что-нибудь. Придешь к ним, а там... Трезвыми я их родителей не видела. Семью же ничем не заменишь, ничем...

С самим Виктором разговор не получился. Он угрюмо молчал. Потом выдал из себя, что такого больше не будет. Наверное, вот таких ребят следователь тогда и имел в виду, подумала Анна Афанасьевна. Но ведь правы оказались учителя, а его версия была ошибочной. Она позвонила и сказала, что школа берет Виктора на поруки. Ей предложили подумать: стоит ли проявлять слабосердие, может, колония тут нужнее? Это не слабосердие, школа обязана попытаться вывести парня на правильный путь. Что ж, это ваше право. Но и за последствия отвечать вам.

...Дождь за окном все шлепал и шлепал по блестящим, будто масляной краской выкрашенным листьям. Дверь открылась, в кабинет тихо, словно виновато, вошли Наташа Заречнова, секретарь Октябрьского райкома комсомола по работе с учащейся молодежью, и Аза Михайловна Большакова. Сели, горестно храня молчание.

— А я даже не знала, что Захватов у вас учится, — вздохнула Наташа. — Он же в моем классе был, когда я в школе работала. Натерпелась я от него.

Аза Михайловна грустно улыбнулась. — До сих пор взгляд помню — тяжелый, насмешливый, — невольной поехала Наташа. — Я просто терялась. А он видит. Иногда сядет специально за первую парту — урок насмарку, — окончательно смутилась она.

— Он и сейчас такой же, — словно успокаивая ее, сказала Аза Михайловна. — С одной работы ушел, с другой. Учиться не хочет. А сейчас вот повестка в армию пришла... — Аза Михайловна быстро посмотрела на Анну Афанасьевну.

Уже все знали: Захватов приходил просить справку из школы, чтобы военкомат дал отсрочку, а Анна Афанасьевна сказала, что должна подумать. Не даст — пойдет служить. А ведь дотянули его уже до одиннадцатого класса. Но ведь справка о том, что человек учится,

ВЫСШЕЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. ОНО НЕ ТОЛЬКО В СУММЕ ЗНАНИЙ, НО И В ИНЖЕНЕРНОМ УРОВНЕ МЫШЛЕНИЯ, НЕ ТОЛЬКО В УМЕНИИ ПОЛУЧИТЬ И ЗАПОМНИТЬ ИНФОРМАЦИЮ, НО И В СПОСОБНОСТИ ПЕРЕРАБОТАТЬ ЕЕ, СОЗДАВ ЧТО-ТО СВОЕ... ЕСЛИ К ЭТОМУ ДОБАВИТЬ ВКУС К ОРГАНИЗАТОРСКОЙ РАБОТЕ, ПРИОБРЕТЕННЫЙ НАВЫК В ОДНОЙ ИЛИ НЕСКОЛЬКИХ РАБОЧИХ ПРОФЕССИЯХ, ТО МЫ УЗНАЕМ СОВРЕМЕННОГО ДИПЛОМИРОВАННОГО ИНЖЕНЕРА, ОТВЕЧАЮЩЕГО ТРЕБОВАНИЯМ ДНЯ, НЕОБХОДИМОГО КАЖДОМУ ПРОМЫШЛЕННОМУ ПРЕДПРИЯТИЮ. ГОТОВИТЬ ТАКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ — ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ЗАВОДА-ВТУЗА. СВЫШЕ ДВАДЦАТИ ЛЕТ ТАКОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ СУЩЕСТВУЕТ ПРИ МОСКОВСКОМ ОБЪЕДИНЕНИИ «АВТОЗИЛ». ЗДЕСЬ НА ДНЕВНЫХ И ВЕЧЕРНИХ ОТДЕЛЕНИЯХ ОБУЧАЕТСЯ 5 ТЫСЯЧ СТУДЕНТОВ. ИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СИСТЕМА ЗНАНИЙ, КОТОРУЮ ОНИ ПОЛУЧАЮТ, НОСЯТ НАЗВАНИЕ ИНЖЕНЕРНО-ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ. СТУДЕНТАМИ ЗАВОДОВ-ВТУЗОВ МОГУТ БЫТЬ КАК РАБОТНИКИ БАЗОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, ТАК И ВЫПУСКНИКИ СРЕДНИХ ШКОЛ. НАПРАВЛЕННЫЕ НА УЧЕБУ ЭТИМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ. КРОМЕ ЗИЛОВЦЕВ, НА ТРЕХ ФАКУЛЬТЕТАХ ЗАВОДА-ВТУЗА УЧАТСЯ СТУДЕНТЫ ДРУГИХ ЗАВОДОВ СТОЛИЦЫ.

Фото Алексея ФЕДОРОВА

МОЛОДЕЖИ.

ЭКОНОМИКА
И
ОБРАЗОВАНИЕ

ЖИВОСТИ ЭФФЕКТ

а он разве учится? Или нет подолгу, или придет, весь класс взбудоражит, занятия срываются. За ним другие тянутся. Янину Валентину Григорьевну, его нынешнего классного руководителя, просто жалко. Льготный день и так учитель выматывает, а тут еще такое терпеть. Да, может, и ошиблись, когда брали на поруки. Но ведь иначе не могли. И теперь ей снова нужно брать на себя ответственность решения.

Дождь лил все сильнее, и все они чувствовали себя непоправимо виновными в том, что произошло.

Тамара Александровна

Она мчалась с судоремонтного (КСРЗ) на целлюлозно-бумажный (ЦБЗ-2) вдоль забора, разделяющего территории двух предприятий, понимая, что опаздывает — через проходную не успеть. Остановилась, глянула опасливо по сторонам, отодвинула хорошо знакомую всем учителям шестой вечерней доску, просунула в дыру сумки, а потом и сама нырнула в нее.

— И ведь не совестно! — Пожилой рабочий осуждающе мерил ее взглядом. — А мы все молодых ругаем. Их бы постыдились!

Не поднимая виновато опущенной головы, Тамара Александровна подхватила сумки с томами «Войны и мира» и помчалась дальше. С этой дырой ей последнее время не везло. Как-то стала искать, дергает доску — никак. Слышит, сзади кто-то смеется. Оборачивается — секретарь парткома ЦБЗ-2 Василий Тихонович Соловьев.

— Здесь забили. Давайте вон у того столба попробуем.

Как ни летела Тамара Александровна, увидев Валу Пахтеву из ремонтно-строительного цеха, задержалась.

Была Валя в семье последышем, шестым, самым дорогим ребенком. И дома и в школе все у нее было всегда ясно и хорошо. В строительном училище была самой заядрой и неугомонной общественницей. Работать на ЦБЗ-2 принялась с тем же весельем и отвагой. Когда начальник цеха Добринский вызвал и по своему обыкновению спросил: «Закон о всеобщем образовании соблюдать собираешься?» — не выдержала, рассмеялась: «А как же!»

Училась старательно и без всякой натуги, над сочинениями ночами сидела. Когда во время следствия о пожаре ее спросили, не мог ли участвовать в поджоге кто-нибудь из учеников, изумленно вскинулась: «Да что вы! Разве можно? Мы же чуть не плакали, когда школу

увидели». И вот тут не сложилась у нее любовь, и осталась Валя матерью-одиночкой — такая ей выпала женская доля. И как подменили Валу, словно померкло для нее все вокруг, люди стали раздражать. Школу бросила.

— Как живешь, Валя? — улыбнулась Тамара Александровна.

— Нормально.

— Учиться дальше не собираешься? — опять улыбалась Тамара Александровна.

— Ребенок у меня...

— Да, мы знаем.

— Печку каждый вечер топить надо.

— Так ты же теперь днем можешь учиться — льготный день ввели, платят у вас 100 процентов. Занимаемся прямо здесь, на заводе. Тебе надо учиться. Мы твои сочинения до сих пор помним.

— Не знаю. Посмотрю как-нибудь, потом...

Тамара Александровна уже неслась в класс, когда к Вале подошла подруга по бригаде:

— О чем вы?

— Да все в школу уговаривают. Как будто не понимают, что жизнь у меня теперь другая. Какая тут учеба?

— Планы им, говорят, дают большие, вот они и стараются.

А Тамара Александровна думала о том, что с Валей есть надежда. Понятно,

что с ней сейчас творится, но подрастет ребенок, уляжется обида на весь мир, и она вернется в школу. Надо только, чтобы она знала: ее ждут.

Льготный день, на который они теперь так напирали в разговорах с учениками, был, конечно, аргументом весьма весомым, но на поверку он и для школы оказался штукой заковыристой. Льготы действовали по-разному. Кто-то, рассудив, что впереди свободный день, посвящал его хозяйству или другим своим делам. Кто-то вместо школы шел в цех — особенно повальным становилось это явление в дни контрольных и зачетов. Уходили с середины занятий. Десять часов учебы — пусть и с перерывом на обед — нагрузка, многие уже на третьем часу отключались, переставали что-либо воспринимать. Но здесь уже учителя создавали щадящий режим, а вот с посещаемостью и дисциплиной было все-таки неважно.

Возникла идея: перенести занятия непосредственно на предприятия. В комнаты, где уже давно были консультационные пункты.

Но не скажется ли это на уровне обучения?

А это уже зависит от нас, сказала Анна Афанасьевна, и решила: надо попробовать. В ней это было: могла выслушать бесконечное количество доводов, но в какой-то момент принимала

решение и стояла на своем. Хотя колебаться перед этим могла долго. Часто в женщинах-директорах появляется что-то от генералыш, некая ложная, бесполезная для дела власть. Анна Афанасьевна осталась по-учительски терпеливой, но брать ответственность на себя умела. «Настоящая черта настоящего директора»,— была убеждена Тамара Александровна.

На предприятиях к предложению отнеслись положительно. Тогда давайте так, негромким голосом, словно смущаясь своей неуступчивости, ставила условия Анна Афанасьевна, пропустил ученик во время льготного дня занятия — в таблице прогул. Согласно. Пришел вместо класса в цех — все равно прогул. Как же так? А если он смену отработал... А пусть его начальник цеха лучше сразу на уроки отправляет — классы-то будут под боком. А если производственная необходимость? Случится что-то действительно серьезное, школа всегда пойдет навстречу...

Какое-то время в учительской только и слышалось:

— Ощущение такое, что, кроме удара молота, ничего не слышно. Стараясь говорить погромче, чуть ли не ору, а сама чувствую, что даже тем, кто в шаге от меня, ничего не слышно.

— Это еще ничего, Тамара Александровна, а вот когда ветер в окно со стороны кислотно-варочного — это испытание посуровее.

— А мы в Прегольском в актовом зале занимаемся. Сразу двумя группами. В одном углу доска и в другом. У каждой по учителю. Потом меняемся углами. Хорошо, еще зал громадный, почти не слышим друг друга.

— А в «Майском» каждый раз с директором совхоза воевать приходится. «Не буду механизаторов отпускать — и все тут!»

— А знаете, в районе уже все безошибочно угадывают: если утром с полными сумками — значит, учительница вечерней школы.

И Анна Афанасьевна, ломающая пальцы, тут же. Взгляд горестный — все знаю, понимаю, так жалко вас всех, а губы поджаты упрямо, — но ведь и польза явная, не зазря все это.

Разговоры такие скоро угасли сами собой. Привычное дело. Год после пожара тоже мотались дай бог.

А польза и впрямь была очевидная. Наконец-то появилась возможность хоть как-то отвлечься от затмевавших все вопросы посещаемости и дисциплины на уроках. К примеру, на ЦБЗ-2 прямо против учебной комнаты — комитет комсомола. Секретарь Сергей Заостровцев несколько раз на дню заглянет: как дела? Еще и Соловьев завернет. Нина Игнатьевна Кудиненко из отдела кадров, самый отчаянный на заводе борец с «необразованными», посетит. Учителю уже можно о самом уроке думать. Недаром и другие школы потянулись следом.

А насколько проще стало уговаривать ребят идти учиться. Валя Пактеева, узнав у подруг поподробнее, что и как, сама пришла. В одной руке ребенок, в другой — заявление.

Многие прямо объясняли: учусь только потому, что есть льготный день. Василий Князев, токарь с КСРЗ, передовик, рассказывал:

— Я человек такой: решил на что — сделаю. Хоть кол на голове теши. Сказал, что после восьмого уйду из дневной школы — ушел. Для ясности: никаких семейных обстоятельств, толкавших на это, не было. Просто мы устали — я от школы, она от меня.

Потом учился в ПТУ, служил на Камчатке, в море ходил на «рыбаках». Помню, вместе с заявлением на работу заявление в вечернюю школу написал, иначе не брали. Написал — и в море.

На КСРЗ от школы отбивался долго как мог. Женится, парень у нас родился, казалось бы, какая теперь школа — конец. А вышло наоборот. Парень растет, а на меня просвещение опускается — надо учиться, пока мозги не заскорузнули. Пока есть куда рваться, тянуться. Есть такие ребята — имеют третий раз-

ряд, а другой им и не нужен. Это их дело, но у меня-то интересы попросторнее. У нас новый проект ремонтных работ на судне ввели — он настолько насыщен автоматикой, что без образования не разберешься. А ремонт двигательной установки возьмите. К нему без среднетехнического не подпускают. Не случайно среди наших молодых передовиков никого без среднего образования нет.

И вообще как-то не в своей тарелке себя чувствуешь: вокруг молодые или с образованием, или учатся, а ты что — с дефектами? Тут еще сын растет. Как-то, глядя на него, вспомнил историю. Идут два пацана, один другому говорит: «А папка вчера как ляпнет, что «Анну Каренину» Горький написал!» И заливаются. Нет, думаю, это не про меня.

А если честно, без льготного дня в школе бы не продержался. Четыре вечера в неделю после работы, когда дома семья, знаете... А теперь точно закончу. Но учителям нашим этот льготный день достается тяжело...

В прошлом году шестая вечерняя школа набрала восьмой класс. Один. В составе восьми человек. Набрала впервые за последние семь лет. У записавшихся учеников перерыв в занятиях от десяти и далее лет. Как же можно было не набрать восьмой класс, объяснят мне в один голос, если Николай Колотев с ЦБЗ мог пойти только в восьмой. Колотев, которого уже столько лет в школе знают! Прекрасный работник, а человек и вовсе замечательный!

Нет, ну, скажите: неужели можно было не набрать восьмой? Неужели таких, как Колотев, оставлять без образования?

И в какой-то момент ко мне пришла разгадка. Во всяком случае, так я почувствовал.

Я все никак не мог понять и объяснить себе это безграничное и доброе учительское долготерпение, в равной степени свойственное четырнадцати женщинам. Не мог добраться до истоков того, что помогает им пережить, простить своим настоящим и будущим ученикам все их прегрешения, глупости, дерзости. Как можно, не зная я, выкладываться на уроках, когда у многих в классе вид — я, мол, вам своим посещением одолжение делаю, это образование не мне, а вам нужно. Ведь не дети в классе, не ведающие, что творят! Как можно будто и не замечать равнодушия ко всем своим стараниям? Не бояться его, не злиться на него?

Так вот, я вдруг понял, что они — учительницы, женщины, матери — за каждым своим учеником видят и до боли ощущают неблагополучие. И страдают ему. И из него их силы и терпение.

— Ах, Тамара Александровна, и все-то вы недовольны, хотя у нас уже, похоже, государственный план отошел на второе место, на первом — шестая вечерняя школа. А ведь мы все-таки предприятие, а не учебное заведение. — Владимир Яковлевич Даниличенко, заместитель начальника отдела кадров КСРЗ, заместитель председателя заводского совета содействия школе, подполковник-артиллерист в отставке, смотрел вроде бы без улыбки, а глаз его за стеклами очков было не разглядеть.

— Преувеличиваете, Владимир Яковлевич.

— Ничуть, — спокойно и безмятежно возразил Даниличенко. — Только вчера догоняет меня Шаранда, начальник четвертого цеха, залпында вес: «Владимир Яковлевич, выручай! Помогите Князеву от занятий освободить. Судно ночью пришло, срочный ремонт, а у него льготный день завтра. Не могу же я ему приказывать: не ходи в школу...»

У школы были с ним самые лучшие отношения. Все дела Даниличенко вел по-военному четко и строго. Реагировал

на инциденты оперативно. Прекрасно понимал, что учиться и работать нелегко, что у всех учеников порой наступает период усталости и раслабленности, и важно уловить такой момент, не запустить, «дать импульс», как он говорил.

— А ведь скоро, Тамара Александровна, мы с вами, пожалуй, совсем редко будем встречаться.

— Почему же, Владимир Яковлевич? — Ну, а посудите. Молодых рабочих до тридцати у нас...

— 350 человек.

— Все-то вы знаете. Из них среднего образования не имеют... — сделал паузу Даниличенко. — Не хотите больше помогать? Не имеют 45 человек. Из них учатся, как вы знаете, 40. Запас у нас — пятеро.

— Да нет, Владимир Яковлевич, так просто мы с вами не расстанемся. В первых, неизвестно, когда мы всех, кто учится, доведем до конца. Ведь сами знаете — бросаю...

— А мы их импульсами, импульсами активизируем.

— Во-вторых, к этим пятерым в любой момент еще прибавятся наши кадры. В-третьих, тридцать лет для нас теперь не препятствие, мы все рады. А самое главное — вы сами не хотите, чтобы мы побыстрее всем вашим образованием дали.

— Вот как? — вежливо удивился Даниличенко. И как-то посерьезнел, как-то отодвинулся весь. Он знал, о чем речь.

— Ведь мы же никак не можем убедить вас включить в условия соцсоревнования пункт «Успехи в учебе и посещаемость».

— К производству это напрямую отношения не имеет. А социалистическое соревнование — вещь серьезная.

— Но ведь на ЦБЗ включили. И никому это не мешает, только помогает работать с учениками.

— Это их дело. — пожал плечами Даниличенко.

— И платить за льготный день 100 процентов...

— Как на ЦБЗ.

— Как на ЦБЗ, вы не хотите, — с наигранным отчаянием махнула рукой Тамара Александровна. — Я разговаривала с ребятами, они говорят, что теряют на этом довольно много. Некоторые сдельщики до тридцати — сорока рублей в месяц.

— Ну, это положим. А потом приобретают-то они больше — образование! Вот что им нужно толковать.

— Вот толкуем, — вздохнула Тамара Александровна.

— А вот падать духом не надо, — улыбнулся Даниличенко. — Наше дело правое? Значит, победим.

Валентина Григорьевна

Сияющий августовский свет из конца в конец просвечивал зеленую Красносельскую улицу. Бесконечные тени тянулись по пепельной брусчатке. Из домов, прятаясь среди деревьев, не слышалось ни звука, и ей казалось, что далеко вокруг нет никого, кроме них. Большая женщина вытерла тяжелыми рабочими руками заплаканные глаза.

— Господи, я всю жизнь руками работаю, а здоровая, как лошадь. А на дочку такая напасть... Вы уж извините меня, но не могу — измучилась. Иду по улицам и вдруг по лицам встречных понимаю — плачу. Сама уже не замечаю. Извини, дочка, пойду я.

Дочь этой женщины, талантливая девушка, готова была ради своей мечты работать и учиться дни и ночи напролет, а врачи из-за болезни с шестнадцати лет советовали ей утомляться как можно меньше. Она пошла в вечернюю, здесь ее несколько раз увозила «Скорая» прямо с занятий. А как она хотела учиться, знать, уметь все на свете! Но иногда не выдерживала, падала духом, смотрела на мать, на Валентину Гри-

горьевну, убеждавших, что скоро все образуется, ведь улучшение очевидное, пустыми глазами. И молчала. А они говорили, говорили...

Но, к сожалению, судьбы их учеников зависели не только от усилий учителей. Взять того же Виктора Захватова. Анна Афанасьевна после всех колебаний все-таки дала ему справку — вдруг призналась смущенно в учительской: «Давайте еще немного его поперевоспитаем. Жалко же парня бросать». А в армию Виктор все же ушел. Отец его лично ходил к военком, просил: призовите. Призвали. Школу он так и не закончил.

Валентину Григорьевну вдруг окликнули, она обернулась — Нина Чурилина. В прошлом году бросила десятый класс, куда-то уехала, сказала, что учиться больше сил нет.

— А я вот вернулась, — смущенно сообщила Нина. — Кабельщицей устроилась на заводе. Только мне не нравится, хочу по другой специальности работать, курсы какие-нибудь закончить. А откроешь газету — там все на базе среднего образования. Я вас третий день поджидаю. Знаю же, — засмеялась она, — что вы сейчас по домам ходите, учеников собираете — училась как-никак.

— Приходи, будем рады.

— Валентина Григорьевна, — еще счастливее рассмеялась Нина, — а я ведь не одна придю — с мужем. Мы с ним хотим в одном классе учиться. И вообще я теперь не Чурилина, а Соцкая.

«Повезло, — думала Валентина Григорьевна, — сразу двух учеников в подарок получила. Вот и ответ на вопрос: «Стоит ли убивать столько времени на бедного по ученикам и предприятиям?»

Валентина Григорьевна Янина работала в вечерней только второй год. Раньше работала в дневных, с детьми, привыкла к их открытости, ласковости, легким слезам и легкому смеху. А тут столкнулась с давно сформировавшимися людьми, повидавшими в жизни побольше. Судьбы у многих трудные, несложившиеся. Словом, поняла, что побивалась не зря.

И другое мучило: как учить? Пробелы в знаниях у многих обнаружили удручающие, непостижимые.

— А учить надо полегонечку, шажочками, — успокаивала ее Анна Афанасьевна. — Как тех, кто долго голодал, кормят? Самым легким, крошечными порциями, иначе исход печальный. У нас, конечно, не умирают, а просто бросают школу. Но для нас это и есть самое печальное. Начинаем с повторения. Математики наши в девятых классах начинают с программы шестого. И еще важно на каждом шагу доказывать — ведь можете, справитесь. Чтобы не отпугнуть. Терпение нужно большое. И нам и им. Нам — побольше.

Но сильнее всего мучило — уговоры. И так подбираешься и эдак, и то обещаешь и другое. А видишь скучно прищуренные глаза и растянутые ухмылкой губы:

— Не-а... А зачем мне все это нужно?

Начинала объяснять. Но в глазах та же пустыня, и вдруг появляется выражение внезапно пришедшей сильной мысли:

— А вы сколько получаете, а? Я что-то не помню...

Она вздыхала глубоко, переводила дух, отвечала. И слышала довольный хохоток:

— А я без всякого вашего образования иногда больше нашего директора выколачиваю. Ниче, а? Так на кой мне оно, а?!

И смех торжествующий — убил.

Обида иногда за горло хватала. В конце концов учеба сейчас — долг перед обществом. Райисполком, райкомы партии и комсомола, районо, профкомы, парткомы — кто только ими не занимался, неужели не понимают?! Обращалась примерно так к ученикам, но, странное дело, немудреная шутка «Буду на вас вашим детям жаловаться!» производила большее впечатление. Кстати, пер-

выми помощниками в борьбе за учеников оказались дети и бабушки. Родители встречались всякие, зато каждая бабушка была за образование горой. А стоило ребенку пойти учиться, как папа или мама, разок-другой не справившись с домашними заданиями, сами подавали заявления в школу.

Несколько раз — но ни разу в школе — Валентине Григорьевне приходилось слышать: «Заставлять надо — и все тут. Потом сами поймут и только спасибо скажут!»

Ну, предположим, заставили, думала она, но ведь против своих убеждений делать дело трудно, а делать добросовестно — нельзя. Значит, выход только один — одолевая в людях пренебрежение или равнодушие к образованию. Искать стимулы, мотивы, которые будут сильнее инерции, желания легкой жизни. И уже со временем, с опытом приходишь: для этого надо каждый раз добираться до истины. Продираться к ней сквозь самые правдоподобные и вроде бы искренние объяснения. Переносить грубость, глупость, дерзость. Потому что очень часто истина была за ними.

Мы все-таки очень хорошо умеем забывать. Те из нас, кто благополучно закончил школу, честно согласны со знаменитым вальсом: «Школьные годы чудесные...» И действительно помнят из них только «дружбу, книгу и песню». А ведь было и другое. Тоскливое пересчитывание стремительно улетающих дней каникул. Мучительно-бесконечные минуты урока, когда противно сосет под ложечкой: вызовут или пронесет? Безнадежное топтание под смех класса у доски. А вечерняя маета дома, когда ждешь отца с родительского собрания и прекрасно знаешь, с чем он вернется! А отчаянные стычки с учителями, где все равно будешь неправ!

Редко кто не пережил этого. Но для одних это лишь полузабытые эпизоды в общей светлой картине школьных лет, а для других — все их единственное содержание. От чего бежишь при первой же возможности — только подальше, только в другой мир, где ты еще не отмечен печатью неудачника, последнего человека среди других. И работа тут — это уже не просто работа, а раскрепощение, освобождение от осточертевшей принудилки, от всей этой безрадостной, унижительной мороки.

И вот, если ушел из школы именно так, где взять силы снова вернуться ко всему этому? Снова стать самым безнадежным, последним? Да еще если на работе все сложилось нормально, без шансов на успех попыткам? Тем более что забыто уже и то небольшое, что знал. Хотя и говорят, попытка не пытка, здесь как раз самая настоящая пытка и мерещится.

Вот ведь до чего бывает нужно докопаться. Вот что понять и вместе с человеком пережить. Если ты учительница. И потом еще убедить, что именно здесь, в шестой вечерней школе, все может быть и будет не так. Убедить, зная, какая это в общем-то трехлетняя каторга, какой хомут тяжеленный — работа и учеба. Да еще если дети. Или муж против. Или с девушкой поругался...

И все-таки, продолжала она по привычке додумывать до конца, добиться, чтобы человек все-таки пришел в школу, — начало. Потом надо пытаться перемелить все в нем так, чтобы он приходил на занятия не только за тем, чтобы «не привязывались» на работе, не только для того, чтобы отпуск получить летом, а очередной разряд побыстрее. А приходил потому, что понял: истинное образование — это новые горизонты, новые интересы, люди, новая жизнь.

Тут вдруг вспомнилось: тем, кто только начинает учиться, легче заниматься на предприятиях. А в десятых, одиннадцатых только и слышишь: «Когда же наконец перейдем в школу?»

Да, именно неблагоприятие. Именно ощущение его дает им силы. Не поняв этого, ничего ни в этих женщинах, ни в их работе не поймешь.

Неблагополучие — это необязательно горе в семье, искалеченное детство, неудачная жизнь. Хотя все это здесь тоже нередко. Но и даже там, где мы с вами не разглядим ничего, кроме лени и легкомыслия — какое там неблагоприятие! — они ощущают его — прошлое, настоящее и надвигающееся. Ведь подумайте: в стране всеобщего образования быть без этого образования, когда впереди еще огромная жизнь... Разве может тут сложиться по-настоящему благополучная жизнь? Это с сознанием-то собственной неполноценности? Это когда закрыты, обрублены пути роста, закупорены, не развивается духовный мир? Где же тут место для счастливой, наполненной жизни?!

Вот что они понимают, даже когда сам человек еще не догадывается о приближающемся. Он не догадывается, а они чувствуют, как ему будет стыдно, обидно и горько, если он откроет все это для себя, когда будет уже поздно что-либо исправлять.

Вот почему они идут на помощь, когда их еще и не зовут. Протягивают руки, даже если их отпихивают.

Ради предотвращения человеческого неблагоприятия.

И других объяснений — пусть они себе уже и готовы у кого-то — не хочется. И лично мне они просто не нужны. Потому что в нашем отношении к учительскому делу и назначению, к роли учителя в нашей жизни нужны трепетность и бережность. И уважение. Какое только возможно.

Как-то в учительской Валентина Григорьевна вдруг услышала по-детски гордое:

— А все-таки в прошлом году мы выпустили 144 ученика, а соседи, девятнадцатая дневная, — пятьдесят. И вообще каждый третий выпускник в области наш — вечерник.

— Так нам скоро учить некого будет — при такой работе, — тихо пошутила Валентина Григорьевна и смущенно поправила очки.

— А что, запросто, — весело откликнулась Тамара Александровна. — Средних ПТУ все больше — у нас молодежи все меньше. Сейчас почти все приходят на предприятия со средним образованием. Историческая тенденция!

Анна Афанасьевна только кивнула молча, строго поджав губы. Исторические процессы она понимала и уважала — как историк.

— Помните, у нас классы мастеров были? Взрослые мужчины, многим за сорок — их еще тогда обожали называть «сержантами индустрии» в газетах, — проходили ускоренный курс обучения. Канули в историю. Попробуй теперь на каком-нибудь предприятии найти мастера без среднего образования!

— Это давно было. А сейчас тенденция — среди тех, кто без образования, почти нет комсомольцев. Очень мало.

— Да уж, комсомол теперь надо называть не грамотным, а образованным. Я как-то даже одного товарища так поправила на совещании, — вспомнилось Анне Афанасьевне.

— Так что же нам делать? — Валентина Григорьевна никак не могла разрешить захватившую ее мысль. — Выходит, чем мы лучше работаем, тем вернее оставляем себя без работы в будущем...

— А что же делать, такая уж у нас судьба, — засмеялась Тамара Александровна. — Но не работать же нам из-за этого хуже! Не прятаться же от тех, у кого еще образования нет?! Да мы так и не умеем. Верно, Анна Афанасьевна?

Анна Афанасьевна кивнула, согласно улыбувшись.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 7 (1317) АПРЕЛЬ 1982

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
студенты Московского
института нефтехимической
и газовой промышленности
имени
академика И. М. Губкина

Фото
Льва
ШЕРСТЕННИКОВА

- 1 МОЙ СЪЕЗД.
Письмо продавца Катрин ПЯЛЛ.
- 2 XIX СЪЕЗД ВЛКСМ. ЭКОНОМИКА И ОБРАЗОВАНИЕ.
«УЧЕБА РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ:
УСЛОВИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ, ЭФФЕКТ».
- 6 АВТОБИОГРАФИИ.
Георгий ГРЕЧКО, дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР. «НЕБЕСНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ».
- 9 Рассказ Валентины ДОРОШЕНКО «НЕОЖИДАННЫЙ
ЗВОНОК».
- 11 Рассказ Олега ШЕСТИНСКОГО «НЕНИЛА».
- 12 XIX СЪЕЗД ВЛКСМ. УДАРНЫЙ РИТМ ПЯТИЛЕТКИ.
«РУННЫЙ ХОД». Фотоочерк Владислава
ЯНЕЛИСА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 14 60 ЛЕТ СССР. ВСЕСОЮЗНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ:
«ЭСТАФЕТА ДРУЖБЫ И ПОДВИГА».
Стихи чукотской поэтессы Антонины КЫМЫТВАЛЬ.
- 15 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».
- 18 ЧИТАТЕЛЬ — «СМЕНА» — ЧИТАТЕЛЬ.
- 19 МЕРЫ ПРИНЯТЫ. Ответы на письма читателей.
- 20 «ЧТО ЗНАЧИТ ЖИТЬ ТАЛАНТЛИВО».
- 24 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Таисия БЕЛЯЕВА.
«ПУСТЬ СТАНЕТ ДОРОГОЙ ТРОПИНКА».
- 26 А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».
- 28 Виктор ПОЛОЖИЙ. Роман «ПЕПЕЛ НА РАНЫ».
- 32 КОНКУРС «НАША РОДИНА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный
художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1982 г.

НЕБЕС

Георгий ГРЕЧКО,
дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР

Мои первые воспоминания связаны с деревней, где я жил у бабушки. Почему-то более всего помню, как я кормил кур. Они садились мне на голову, на плечи и были такими большими.

Войну хорошо помню, помню и наши опасные игры с патронами и взрывчаткой. Хотел я тогда стать то летчиком, то танкистом, то снайпером. Все это складывалось под влиянием событий и фильмов того времени.

Учили меня музыке — мучили и меня и моего преподавателя. Конечно, мама хотела как лучше, но вскоре поняла, что я создан для чего-то другого. Но для чего? Я понял это достаточно рано. А к музыке я искал пути уже самостоятельно. Но это было значительно позже.

...Мне уже пятьдесят. Много это или мало, не знаю. Во всяком случае, груз своего возраста я ощущаю лишь по тому, что удалось сделать за эти годы. Оглядываясь на них, я вижу, что едва ли не все они заполнены одной идеей и мечтой.

Да не покажется это странным, но полетами к далекому миру я заболел задолго до запуска перво-

го спутника, думал о космосе в те годы, когда не родилось еще само слово «космонавтика». Лет в четырнадцать я прочитал «Аргонавты Вселенной» В. Владко, «Аэлиту» А. Толстого, а чуть позже «Межпланетные путешествия» Я. Перельмана. Эти книги и подарили мне мечту о космосе. Мечту, похожую тогда больше на сказку, чем на серьезный выбор профессии. Но думал я об этом вполне серьезно, и не важно, что далеко еще было до начала космической эпохи, — я просто не знал этого, не знал, когда она наступит. Но так родилась мечта.

Причем тогда я замахивался не на какие-нибудь спутники, а сразу на корабли, которые полетят прямехонько к Марсу и никак не ближе.

Незадолго до окончания школы я из Ленинграда, где мы тогда жили, отправился в Москву для того, чтобы разузнать про институт, где учат на инженеров, проектирующих будущие спутники и межпланетные корабли. Оказалось, нет такого института. Не описать моего горя, отчаяния, разочарования. В общем, решил, что все равно нужно учиться, искать и ждать. Наверняка в скором времени что-то должно произойти. Короче, купил обратный билет и поехал в свой Ленинград поступать в механический институт.

Когда подходила к завершению моя институтская учеба, я еще не знал, что уже плавится металл для рукотворного первенца космоса, но зато был твердо

уверен, что есть такое конструкторское бюро, куда стоит попасть. Диплом с отличием давал мне преимущественное право выбора при распределении. Так, еще до окончания вуза, будучи дипломником, я оказался в КБ, которое возглавлял академик Сергей Павлович Королев. С тех пор прошло больше четверти века, я по-прежнему работаю на той же «фирме». Здесь я нашел дело своей жизни. Здесь я получил путевку в космос.

Мне выпало безмерное счастье быть участником развития нашей космонавтики практически на всех его этапах. «Мой» первый космический аппарат был первым и для нашей страны и для всей планеты. Это был первый спутник. И работа моя была нешуточной — расчет выведения спутника на орбиту. В общем, задача сводилась к расчету многочисленных траекторий с тем, чтобы выбрать из них одну, оптимальную.

Сейчас с помощью современных ЭВМ одна траектория просчитывается за секунды. Но когда ЭВМ у нас вообще еще не было, на расчет каждой траектории уходил день, а то и два.

В помощь мне дали четырех сотрудниц, которые работали с электромеханическими счетными машинками. В шесть часов помощницы мои сменялись, а я оставался в лаборатории. В полночь ложился спать. Здесь же, на рабочем столе. А с утра все продолжалось — так торопило время.

С какой благодарностью я вспоминал при этом нашего институтского преподавателя сопромата Сергиевского! Он учил нас точности. Он всегда проверял наши расчеты до последнего знака. Когда теперь я рассчитывал траекторию спутника, то понимал, что сам отвечаю за точность, за каждый знак, и не боялся этого, а был уверен в себе. Школу точности Сергиевского я помню всю жизнь, ощущаю ее влияние в любой работе. Вот что значит хороший учитель.

Но вот появилась первая и единственная в нашей стране электронно-вычислительная машина. И машинное время для расчета траектории первого в мире спутника Академия наук, конечно, сразу выделила. Но его нам требовалось несколько часов в сутки, и потому было решено: лучше работать ночью...

От первой вычислительной машины жар исходил нестерпимый. В комнате открывали все форточки, и тогда на некотором удалении от этого огромного «думающего» шкафа воцарялась температура окружающей среды.

Помню, я приезжал туда, на улицу Вавилова, уже за полночь, и начинал работу. Когда кончалось отведенное мне время, к своим делам на вычислительной машине приступали другие заинтересованные лица, а я в оставшееся до первого трамвая время заворачивался в ковровую дорожку и тут же засыпал.

И вот 4 октября 1957 года. Мы покинули стартовую площадку по тридцатиминутной готовности и перебрались на наблюдательный пункт. Прошли последние команды, мы видели, как вырвался огонь из сопел двигателя. Ракета устремилась ввысь. Затем, как и положено, немного отклонилась, потом еще. И тут многие закричали: «Падает, падает!» Но все шло в рамках программы, просто у людей сработали устоявшиеся инстинкты восприятия. А ведь здесь были только причастные, только специалисты.

Отчетливо помню стоявшего в эти минуты на крыльце Сергея Павловича, взволнованного, сосредоточенного. Поступавшая с борта телеметрия подтверждала, что все идет нормально. И вот из динамика раздался торжественный голос Левитана: «Внимание! Внимание! Работают все радиостанции Советского Союза!»

За участие в запуске первого искусственного спутника Земли я получил медаль «За трудовое отличие». Не покрывлю душой, если скажу, что она для меня не менее дорога, чем любая другая награда.

Работая в КБ, я еще заочно учился в МГУ, понимая, что мне явно не хватает полученных в институте знаний, особенно математических. Но была и другая учеба, другие экзамены. Тем институтом многие годы был для меня космосом, где я прожил едва ли не самую счастливую пору своей жизни. Да, да, я не оговорился, не четыре месяца в космосе, а годы на космосдроме я вспоминаю и переживаю памятью наиболее радостно и остро. Между прочим, это сейчас «Звездоград» наш красивый, благоустроенный и очень зеленый город, а в те

НОВОЕ ПРИРЯЖЕНИЕ

годы там было все иным. Трудно было с оборудованием, с инструментами, а более всего с бытом. Но, право же, никто об этом не думал с досадой. Мы словно не замечали многих жизненных неудобств.

Никто из нас не поднимал вопрос о заявках на патенты или авторские свидетельства, думали только о деле, только на это хватало времени. Это были годы дерзких идей, порожденных всеобщим энтузиазмом конструкторов и инженеров. И всех нас зажигал, увлекал за собой Главный конструктор. На космодроме работали люди одержимые.

Шла подготовка к запуску третьего спутника. Незадолго до старта мы получили новые таблицы на заправку ракеты-носителя. Прежде чем приступить к дальнейшим расчетам по этим таблицам, я снова и снова вчитывался в них, сравнивал со старыми и все больше убеждался в том, что в новом документе проскочила ошибка и что ракету пока заправлять нельзя.

Поделился сомнениями со старшими коллегами. Те сначала рассмеялись: смотри, мол, сколько на документе подписей. Однако, выслушав все мои доводы, сказали: «Придется идти тебе к самому «СП» и докладывать».

Сергей Павлович внимательно выслушал меня, потом снял трубку, связался с Москвой и сказал мне: «Сейчас будешь излагать все специалистам». На другом конце провода сказали, что минут через пятнадцать меня поставят на место. «Ждите,— добавили,— позвоним сами». Я остался ждать, а Королев тут же уехал в гостиницу. Тактично и педагогично — я это понял чуть позже.

Москва не позвонила ни через час, ни через два. А когда наконец под утро мне сообщили, что я был прав, честное слово, не чувствовал я ликования. Моей последней инстанцией была и есть логика цифр.

В общем, таблицы пересмотрели, а с ними и расчеты. В результате орбиту спутника пришлось приподнять на несколько десятков километров. Но позже за этим последовал и более существенный вывод: впредь ракету следует заправлять не по весу топлива, а по его объему. И этот принцип стал соблюдаться во все последующие годы. В том числе при запусках кораблей, на которых я сам полетел в космос.

Все новые и новые спутники взмывали в космос, затем полетел и первый человек.

В бешеной круговерти работы, казалось, некогда было оглянуться, отдышаться. Работа поглощала все время. И свободное тоже. Повторяю: таков был всеобщий настрой сотен и тысяч специалистов нашего КБ. Мне же вскоре стало еще трудней — я начал подготовку к личному участию в космическом полете.

Но однажды случилась беда: прыгая с парашютом, я сломал ногу. Причем здорово сломал — обе берцовые кости голени. На восемь месяцев, как потом оказалось, выбыл из привычного ритма жизни. Более того, долгое время под серьезнейшим сомнением находилась вообще вся моя судьба космонавта. И это меня мучило больше всех болей. Ко мне в больницу пришел Павел Беляев: «Не грусти, у меня было похуже».

У него в свое время тоже случился перелом обеих берцовых. Причем малая, более тонкая кость каким-то образом оказалась длиннее и не давала срастиваться большой. Время шло, дело не двигалось, и врачи уже собирались списывать Павла.

Тогда он взял отпуск и уехал домой. Стал лечиться сам. Вставал на большую ногу, взяв тяжелый груз. Подолгу, превозмогая адскую боль, стоял, стоял. И случилось чудо: эта малая берцовая кость как-то подогнулась, укоротилась, что позволило двум частям большой кости сойтись, а потом и срастись. Вернувшись из отпуска, он снова предстал перед врачами, а те, взглянув на рентгеновский снимок, просто не поверили глазам своим.

Пришел ко мне и Володя Комаров, принес состав из лимонного сока и яичной скорлупы, который якобы способствует срастиванию костей. Не знаю, помог ли мне тот странный эликсир, но твердо уверен, что прежде всего помогли горячее участие в моей судьбе друзей и товарищей, их вера в меня, их личный пример преодоления трудностей. Во имя большой цели.

Когда наконец сняли гипс и я положил ногу на стул, стало страшно. Она была настолько тонкой и безжизненной, что я подумал: вот-вот снова переломится от собственной тяжести.

Во время болезни я нежданно был одарен уймой

свободного времени. Тогда и решил написать наконец диссертацию, материалов на которую за эти годы накопилось очень много. Написал я работу быстро, выйдя из больницы, прошел предзащиту, причем на костылях. А защищался уже с тросточкой. Работа была посвящена вопросам прилунения автоматических станций. Если попытаться пере-сказать смысл и содержание ее в нескольких словах, то она сводилась к разработке рекомендаций, использование которых приводило к уменьшению скорости прилунения и повышало вероятность его успешного выполнения. Впоследствии эти рекомендации были учтены при создании станции «Луна-9», впервые в мире совершившей мягкую посадку на Селену.

Но вот я снова твердо стою на ногах. Снова делю жизнь между КБ, предприятиями, космодромом, Звездным городком. Задачи полетов все более настоятельно требовали личного участия самих космонавтов в работах по созданию космической техники. Чтобы все сделанное, накопленное, выношенное, вымученное проверить своими руками в реальных условиях полета. Чтобы самому прислушиваться к биению сердца станции, самому стать как бы живой ее частью.

Сами полеты в нашей служебной документации неизменно называются ЛКИ — летно-конструкторскими испытаниями. Испытаниями! Еще не скоро откроются кассы по продаже билетов на космические рейсы. Да и откроются ли вообще? А если так, то были, есть и будут риск, поиск, непредвиденные обстоятельства. Они-то и заставляют людей проявлять лучшие свои качества. На подготовку к этому уходят годы.

Но это отнюдь не означает, что личное участие в полете становится самоцелью. Потратить многие годы только на то, чтобы участвовать в двух-трех полетах — пусть даже самых интересных, важных, содержательных, — нет, это слишком расточительно. Да, полет — это самое трудное испытание для человека, служащего космонавтике. Мог бы и не полететь — разные обстоятельства могли стать тому причиной. Но уверен, что никакой катастрофы не произошло бы. Ни для меня, ни тем более для общего дела. Полетел бы другой, который поставленные задачи выполнил бы не хуже, чем я, а возможно, и лучше.

Комиссии по отбору в космонавты проходили сотни людей, а зачисляли, как известно, единицы. Есть у меня давний друг, который в те далекие годы тоже мечтал о космических полетах. Но вот комиссия не прошла, забраковали его по росту: слишком высок оказался. И что же? Друг мой стал крупным специалистом в области промышленных роботов, лауреатом Ленинской и Государственной премий. Но и эти роботы для него не самоцель, а просто этап на пути к достижению величайшей цели — созданию искусственного интеллекта. Вот и получается, что главное — это стремление к цели, преодоление. И уверен, что неудачником оказывается лишь тот, кто сдастся, кто отчаивается, кто ищет оправдания, обходные пути.

Мне повезло, я прошел все комиссии и был зачислен в отряд космонавтов. Но зачисление в отряд — отнюдь не гарантия того, что ты полетишь. Помню, перед первым полетом Виталий Севастьянов спросил: «Десять лет ты в отряде и вот наконец летишь. Скажи мне теперь, какое основное качество человека нашей профессии?» Я засмеялся и сказал: «Если ждешь десять лет, то основное качество — это терпение». И вот что получается. Годы и годы готовишься к чему-то важному и постоянно думаешь, состоится ли оно, произойдет ли. И нет-нет да подумаешь: а стоит ли выкладываться, работать с полной отдачей? Стоит, непременно стоит. Это «выкладывание» никогда не отзовется холостым выстрелом, обязательно окупится. Пусть не в этом, в чем-то другом, но окупится обязательно.

Я никогда не стремился быть во что бы то ни стало первым, возможно, это мне и мешало в определенных ситуациях. Но куда важнее другое: я всегда испытывал неутолимую потребность участвовать в событиях на переднем крае, потому что именно там всегда самое интересное, самое важное и необходимое.

В детстве и юности я мечтал о полетах к далеким мирам, о покорении бесконечных пространств. Но теперь я понимаю куда больше. Суть не в остроте ощущений, а в достижении поставленной цели. Полететь на другую планету? Да, это очень интересно. Но при одном непременном условии: в полете

должны быть увлекательные научные и прикладные задачи. Сама по себе романтика — это не стимул.

Вот, скажем, тысячи или сотни тысяч людей увлекаются туристическими походами. Есть и у меня много друзей-туристов. Но я с ними не хожу. Нет, не осуждаю я их, не иронизирую над ними даже в душе, но тупоходы — это не для меня. Просто идти, просто наслаждаться природой, запахами леса, костра — не по мне это. Может быть, я где-то и догматичен, но всегда привлекать видеть конечную цель, иначе мне неинтересно. Просто так устроен, другие устроены иначе, а нередко и лучше меня. Но другим я быть не могу и не хочу. Всегда и во всем видеть цель — это очень помогает жить и работать.

К космическим полетам я стал готовиться в 1966 году, и это было естественным, логическим продолжением моей работы в КБ. К тому времени стало очевидным, что скоро на борту космических кораблей понадобятся инженеры. Прежде чем подать заявление о зачислении в отряд космонавтов, я направился в аэроклуб и записался сразу в две секции — парашютную и планерную, а затем и в самолетную.

Конечно, в управлении самолетом или планером мало общего с работой на борту космического аппарата. С его борта не приходится теперь катапультироваться, как это делали первые космонавты на «Востоках». Здесь дело в подготовке к работе в экстремальных ситуациях, в настрое, в заряженности на постоянную готовность к точному мышлению и решительным действиям.

Известно, что в подготовке по программе полета большое место занимает отработка так называемых нештатных ситуаций.

Космос — удивительный, своеобразный мир. Много в нем еще не познано, потому многое как бы противоречит нашей сложившейся земной логике. И человек должен быть готов ко всему, к любой неожиданности. Значит, отклонения от расчетных режимов работы бортовых систем как бы заранее предусматриваются, а значит, предусматривается готовность к ним человека.

Перед тем как отправиться в полет, каждый из нас сдает до тридцати экзаменов — такие сейчас требования. Так вот, во многих экзаменационных билетах вопросы начинаются со слов: «А если...» Помимо этого, экзаменаторы любят давать волю неукротимой фантазии, создавая подчас «на борту» просто немыслимые ситуации. А соображать и отвечать нужно в реальном масштабе времени реального полета. Этого требует жизнь.

В августе 1979 года завершился полугодовой полет Владимира Ляхова и Валерия Рюмина на орбитальной станции «Салют-6». По завершении последнего эксперимента — с космическим радиотелескопом — нужно было отстрелить его огромную антенну с тем, чтобы освободить стыковочный узел для работы следующей экспедиции. И вот по команде на отстрел сработали пироболты, но полного отделения антенны не произошло.

Никакими ухищрениями антенну отделить не удавалось. Остался лишь один выход, в буквальном смысле — выход в открытый космос. И это после шести месяцев невесомости и изнурительной работы, за два дня до расчетной даты посадки. Причем ясно было, что операция потребует и мастерства, и знаний, и недюжинных физических усилий.

Никто на Земле не был тогда уверен в благополучном исходе операции. Но была абсолютная вера в людей. И они сделали свое дело. Это было невероятно трудно, и не зная, смог бы, например, я выполнить то же самое. Как мы гордились за своих товарищей!

Уверен, что каждый, кто начинает готовиться к космическому полету, должен как-то иначе, по-новому посмотреть на себя. Со стороны и изнутри. И мне кажется, что у каждого, кроме обязательной, разработанной программы подготовки, должна быть и индивидуальная. А вместе с тем и личный «психологический алгоритм» подготовки.

Вот, например, я увлекаюсь автомобильными гонками, участвую в соревнованиях, выполнил норму кандидата в мастера спорта, причем выполнил не бог весть когда, не в «докосмическую» свою пору, а уже в зрелом возрасте, всего несколько лет назад. Но не смею никогда утверждать, что опыт автогонщика нужен каждому космонавту. А для меня это является важным элементом профессиональной

подготовки, хотя, не будь я космонавтом, все равно бы участвовал в автомобильных соревнованиях.

И сына своего Алешку тоже приобщил к этому увлекательному делу, вместе гонялись. У него уже первый спортивный разряд. В космонавты ему не идти, другие у него интересы, но просто я считаю, что автомобилизм — это и приобщение к технике и вообще настоящая мужское занятие. В конечном счете умение действовать в острых ситуациях всегда пригодится.

Как-то мы с коллегами по космическому отряду пришли к странному на первый взгляд, но единодушному мнению: все трудности полета, переживания, опасности забываются скорее, чем просто штатные детали самой работы по бортовой программе. Так, перед стыковкой и переходом напроць выброшены из памяти предстартовые волнения. Состыковались, перешли, забыли и это, потому что надвигается новая трудность — выход в открытый космос: нельзя сделать ни одного неверного движения. А вернувшись в станцию — и все напряжение быстро исчезает, уходит на второй план: предстоит что-то новое, например, встреча экспедиции посещения. И все повторяется. И каждый раз такое ощущение, что самое трудное впереди.

Я участвовал в двух космических полетах. Сначала в месячном — на станции «Салют-4», затем втрое дольше работал на борту «Салюта-6». Во время первого полета на станции произошло событие, не грозившее ни нам с Алексеем Губаревым, ни самой станции, но тем не менее изрядно потрепавшее нервы всем причастным к полету. Не пошла работа с самым крупным прибором станции — орбитальным солнечным телескопом — ОСТом. Но обо всем по порядку.

ОСТ был в принципе таким же, как и многие его земные собратья. Но он способен был принимать излучение в так называемой далекой ультрафиолетовой области спектра, то есть в той, что закрыта атмосферой для наземных оптических инструментов. И самое главное здесь то, что в этой спектральной области таится наиболее важная информация о процессах, протекающих во вспышках, солнечных магнитных полях, протуберанцах.

Конструкторы схитрили: выполнили ОСТ как часть корпуса самой станции — ведь в космосе каждый килограмм на учете, а здесь получилась такая экономия веса.

Главная задача при работе с нашим телескопом — найти наиболее интересное образование на солнечной поверхности. «вонзая» его в щель спектрографа, а затем сфотографировать спектр. Начинать эксперимент, мой партнер Леша Губарев ориентировал станцию в пространстве так, чтобы ось телескопа нацелилась на Солнце. Затем, включив гиросприбор, переводил станцию в режим стабилизации. Теперь она летела как бы неподвижной, то есть ось телескопа оставалась все время нацеленной на Солнце. Но этого, конечно, было недостаточно. Затем в дело включался я. Управляя положением следящего зеркала телескопа, я устанавливал изображение таким образом, что наиболее интересные детали на поверхности Солнца оказывались на щели спектрографа, а затем фотографировал спектры на пленку.

Такая работа требует очень хороших навыков и потому серьезной наземной подготовки. Перед полетом мы с Алексеем много времени провели в Крымской астрофизической обсерватории, где разрабатывался и строился ОСТ. Работали на солнечных инструментах, слушали лекции по астрофизике, изучали массу специальной литературы. И полет подтвердил: все это оказалось нужным.

Вот, например, на Солнце могут одновременно появиться две-три, а то и более вспышек. Исследовать же надо наиболее интересную. Кроме того, поиск вспышки затруднен наличием многих других похожих образований светила. Так что научно обоснованный поиск нужного участка Солнца и получение хорошего спектрального снимка под силу только человеку с серьезными знаниями астрофизики и хорошими специальными навыками оператора. Космонавт при этом должен не только научно обоснованно настроить и наладить телескоп на ту или иную программу, но в случае необходимости и изменить ее. Так что здесь, как и астроном при наземных наблюдениях, человек на борту является активным и непосредственным участником эксперимента.

А теперь о том, что произошло у нас с ОСТом. Итак, за несколько дней до проведения первого программного эксперимента с ним Алексей, получив с Земли необходимые данные, начал разворачивать станцию в заданном направлении. Вот-вот должны сработать солнечные датчики. На бортовом пульте загорелся транспарант, из чего следовало, что датчик поймал Солнце и пока все как будто идет нормально.

Но, посмотрев в окуляр, я обнаружил, что Солнце в главное зеркало не попало. Тогда я заглянул в

следящее зеркало и увидел на нем вместо яркого круглого пятна какой-то уродливый блик.

Ошибка?! Но в чем? В конструкции ли телескопа, в расчетах ли баллистиков, сообщивших неверные данные на развороты станции, в действиях ли Алексея? Стали ломать головы и мы с ним и в Центре управления полетом. Я подумал, что, вероятно, засветка идет от какой-то детали в самом отсеке научной аппаратуры. Ею мог оказаться, скажем, некий «посторонний» научный прибор или часть внутренней поверхности самого отсека, от которой отскочил кусочек изоляции, отсюда блеск.

Сообща мы решили сделать следующее. Выставить подвижное зеркало в центральное положение и зафиксировать. Затем разворотами станции ловить в это следящее зеркало Солнце до его появления в главном зеркале.

Но как найти это центральное положение? Ведь на пульте управления ОСТа соответствующей градуировки углов поворота нет: никто перед полетом не мог предвидеть подобной ситуации.

И тогда независимо друг от друга Константин Петрович Феоктистов и я предложили сначала измерить полное время перемещения следящего зеркала от упора до упора, а затем, поделив полученное число пополам, найти таким образом необходимое центральное положение.

И вот мы с Алексеем приступили к спасению солнечного телескопа. Его следящее зеркало, говоря инженерным языком, имеет две степени свободы, то есть вращается вокруг двух осей. Но получалось так, что при вращении вокруг одной оси мы хорошо прослушивали стук упоров, а вокруг другой — тишина, таковы особенности конструкции. Снова начались раздумья.

Не знаю уж, как меня вдруг осенило: а что, если прослушать телескоп... стетоскопом (!), имеющимся в бортовом наборе медицинских инструментов?

Чуть ощутимыми маневрами станции мы ловили Солнце на теперь уже неподвижное следящее зеркало, пока наконец яркий и уже не фальшивый, а настоящий, ликующий солнечный зайчик не попал туда, где мы его давно и с нетерпением ждали. И тогда я, глянув в окуляр, закричал: «Вижу протуберанец!» Это был счастливый миг долгожданной победы. Это был едва ли не самый острый и памятный эпизод всей моей четырехмесячной жизни в космосе.

Я недаром так подробно описал эту чудную историю с ОСТом. Так вот: готовишься к полету годами, проигрываешь на Земле, кажется, все, чем может одарить тебя космос, а он все равно пытается сотворить нечто неожиданное. Ясно одно: чтобы быть готовым ко всему, даже самому непредвиденному, нужна — как бы это сказать? — «свобода маневров» мыслей, а для этого необходимо знать гораздо больше того, что требует программа подготовки к полету. Нужно чувствовать корабль или станцию, на которой летаешь, как самого себя и даже лучше.

В общем, человек должен знать по своей основной специальности все. Достаточно хорошо нужно разбираться в близких вопросах. И быть осведомленным понемногу обо всем. Обо всем! Как видите, эту мысль я не разбавляю вводными извинительными сентенциями: «Я думаю», «Я полагаю». Это бесспорно, это истина!

Так получилось, что нам с Юрием Романенко пришлось первыми вступить на порог станции «Салют-6». Нежданно-негаданно первыми. Перед нами к станции на корабле «Союз-25» полетел отличный экипаж — Владимир Коваленок и Валерий Рюмин. Не повезло им. Из-за нерасчетного режима причаливания стыковка корабля со станцией не состоялась.

Через некоторое время к станции направились мы с Романенко. Состыковались, все нормально. Вскоре после перехода на станцию нам предстояло выяснить, не поврежден ли все же стыковочный узел кораблем «Союз-25». Это можно было определить, только выйдя в открытый космос.

Над Тихим океаном я открыл люк стыковочного узла, и в переходном отсеке воцарился космический вакуум. Я высунулся по пояс. Затем, выйдя наружу, внимательно осмотрел торец стыковочного шпангута. Он оказался совершенно новым, как будто только со станка. Экранно-вакуумная теплоизоляция не имела никаких следов повреждений, все элементы станции были в полном порядке.

И тогда, окончательно убедившись в том, что все в норме, я нацелил телекамеру во Вселенную и стал рассказывать Земле о том, как она прекрасна, как чудесен и неповторим открытый Космос, как красива и величественна наша станция. В такие минуты чувства сдерживать трудно, да и нужно ли?

Примерно за полчаса до открытия люка оператор связи Центра управления, зная остроту и сложность предстоящего действия, сказал мне: «Спокойно». На что я ответил, что совершенно не волнуюсь:

«Посмотрите, какой у меня пульс». Пульс действительно был недалек от исходного.

И вот — о чувстве страха. Конечно, знакомо мне это чувство, хорошо знакомо. Но в полете отношение к этому довольно несложное. Если я никак не могу повлиять на ситуацию, то страх в себе легко подавляю. Поэтому спокойно переношу полет в ракете, отлично сплю в станции, хотя и осознаю, что голова моя находится всего в пятнадцать сантиметров от вакуума. Между прочим, за 126 суток двух своих полетов я ни разу не принял снотворное, хотя нашими врачами такое не возбраняется.

Мне пятьдесят, я уже дед, но впереди еще работы да работы. Надеюсь в ближайшее время закончить докторскую диссертацию. Материал для нее дали эксперименты, проведенные в космосе. Околоземная атмосфера оказалась удивительно щедрой и плодотворной на чудеса и загадки, и я решил здесь кое-что разобрать. Но пока работа не закончена, говорить об этом не стоит. Поживем — увидим.

Полечу ли снова? Знать бы! Но если доверят, то снова буду готов. Уверен.

В общем, дел, как всегда, невпроворот, и нужно постоянно быть в форме. Мне легче: здоровьем природа не обидела, но важно и самому относиться к своему здоровью достаточно почтительно. Логика тут простая: здоровый человек делает свое дело лучше.

Отец мой никогда не курил, не употреблял спиртного. Я тоже не курю, никто никогда не видел меня подвыпившим. Вообще личный пример старших очень важен, и мне в этом отношении везло всю жизнь.

Какое счастье, что я встретил на своем пути Сергея Павловича Королева, человека, обладавшего необъяснимым даром заражать людей идеями, энтузиазмом, создававшего вокруг себя единомышленников. Человека, замечательно сочетавшего в себе романтику и реализм.

Какое счастье, что я встретил на своем пути Сергея Николаевича Анохина, который, сам того подчас не ведая, учил меня многому. Например, безотказности и обязательности. Не было такого задания, которое нельзя было ему поручить. Все всегда знали — он сделает. Учил скромности. Человек удивительной, невероятной отваги, Герой Советского Союза, человек, первым в нашей стране получивший звание «Заслуженный летчик-испытатель СССР», живая легенда, живая история нашей авиации, он никогда не говорит о себе, никогда не улавливать в его голосе менторских ноток. Удивительно доброжелателен, чуток к людям. Как много дал он нам, новобранцам космического отряда.

Такие люди способны оказывать сильнейшее влияние на человека. На его взгляды, характер, даже на судьбу. Мне очень везло в жизни на замечательных людей.

Друзей у меня много, и это люди разных профессий. Есть среди них и рыбаки, и летчики, и художники. Для меня человек интересен прежде всего не своей профессией, а отношением к ней и к жизни вообще. Поэтому можно быть в каждом деле. Но поэтов не так уж много.

Как-то я разговорился с одним человеком. У него хобби — переделка автомобилей. Он меняет машинам форму, устройство. Когда слушаешь его, начинаешь думать, что нет на свете ничего более интересного.

Или Елена Образцова, великая певица. Но я сейчас говорю не о ее голосе — о ее рассказах про музыку, музыкантов, про встречи с разными людьми. Она так рассказывает, что ее можно слушать часами.

Много сделал для нашей космонавтики член-корреспондент Академии наук СССР, замечательный ученый-механик Борис Викторович Раушенбах. Но весом его вклад и... в искусствоведение. Десятки лет он занимается серьезной исследовательской работой в этой области, хотя для него это всего лишь увлечение. Широко известна, например, его книга «Пространственные построения в живописи», выдержавшая несколько изданий. Глубина и фундаментальность во всем — это качество Бориса Викторовича не может не восхищать.

Как обогащает общение с такими людьми! За ними тянешься, хочешь быть лучше, чище, духовно богаче.

Помню, незадолго до своего второго космического полета в одной из бесед я обронил фразу:

— После того полета прошло почти два года.

Меня поправили:

— Почти три года.

Я крайне удивился и погрузился. Подумал: три года, а я их будто и не заметил.

В общем, нужно всегда торопиться.

Записал
Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ.

НЕОЖИДАННЫЙ ЗВОНУК

Валентина ДОРОШЕНКО

РАССКАЗ

Рыба никак не давалась: выскальзывала из рук, колола плавниками пальцы, чешуя не хотела счищаться или отходить вместе с кожей. Зря, конечно, купила такую: эта заокеанская особь не очень, видно, приспособлена к нашим ножам. Да и Галка свой человек — на худой конец могла бы сосисками обойтись. Или филе трески. Намного проще, и она его обожает. Но, честно говоря, про Галку и про ее любовь к обитателям морских глубин я вспомнила уже потом, когда увидела за прилавком эти длинные серебристые тушки.

«Как хочется рыбы! — подумала вдруг. — Под маринадом, как угощала меня когда-то Галка. Потрачу час, может, и все полтора, но сделаю. Сегодня я могу себе это позволить».

Пока стояла в очереди, пыталась вспомнить, что входит в маринад. Томатная паста — это точно. А что же еще? Впрочем, у меня где-то должна быть кулинарная книга. Ее подарил мне Игорь на третий день после свадьбы. Только где ее теперь искать? На антресолях? Там все завалено, легче съездить в Ленинку и законспектировать.

Вот тут-то и возникла идея позвонить старой школьной подруге и проконсультироваться с ней. И вообще пригласу-ка ее в гости. Кстати и повод есть: должна же она поздравить меня с защитой!

Из рыбного ринулась в кондитерский. Без торта торжество не торжество. Выбор, по счастью, оказался большой, и я минут десять решала, какой же взять. Наконец, остановилась на двухкилограммовом гиганте с большим шоколадным зайцем наверху. «Куплю к нему бутылку сухого: гулять так гулять!»

Радуясь удачным покупкам, выскочила на улицу. Куда я спешу? Привычка. Всегда жаль времени на ходьбу и на еду. Но сегодня я себе позволю... Снизилась темп. Иду по улице Горького — спокойно, медленно. Даже странно: еще вчера была запарка, напряжение, судорожные исправления в ответах оппонентам, суета с букетами... И вдруг оказалось, что сегодня у меня уйма времени.

Спускаясь к проспекту Маркса, стала вглядываться в лица. Просто так, неистребимое любопытство исследователя-экспериментатора. Вовсе не надеялась встретить Евгения Павловича, хотя он и живет где-то рядом. Я ведь отлично знаю, что профессор Угрюм не оставляет своих научных поисков даже на выходные и трудится безвылазно дома. Вот разве что в булочную вдруг спустится. Больше ведь некому...

И тогда, столкнувшись с ним нос к носу, я страшно удивилась: «Ах, это вы? — скажу, преодолев естественное смущение. — А я сегодня совершенно случайно торт купила...» Нет, это глупо. Я бы сказала: «Вы, как мой научный руководитель, должны знать, как я живу...» Еще глупее. Может, сказать просто: «Как хорошо, что я вас встретила!» Но опять: мне-то хорошо, а ему?

Пока я отработывала приветственную фразу, прошла все булочные и очутилась у входа в метро. Может, повернуть и пройти другой стороной до «Маяковки»? Нет, это уже слишком.

Спустилась в гулкое, душное подземелье и прошла по переходу до «Площади Революции».

А наверху буйствовало, укрепляясь в своих правах, лето...

В схватке с рыбой я все же одержала верх. Правда, пальцы мои основательно пострадали, но зато и рыбе досталось: ее бока были в глубоких шрамах, с выхваченными кусками мякоти, словно после нападения стаи акул. Ничего, под маринадом это незаметно.

Все готово, а Галка не шла. Я уже успела и вчерашнюю посуду вымыть, и пыль с подоконников стереть, и даже разбить вазочку для цветов из чешского стекла. Тоже подарок Игоря. Прощальный. Когда мы, прожив вместе полгода, признались друг другу, что не созданы для семейной жизни.

Уже на полчаса опаздывает моя гостья! Я даже не знаю, чем будет оправдываться: неожиданно выяснилось, что у Катюши все штанишки грязные, а в понедельник они с детским садом выезжают за город; у Аленки неожиданно сломалась коляска, в которой она возит куклу Дашу, и пришлось ее чинить; неожиданно позвонил с дежурства Андрей и просил продиктовать ему по телефону какую-то бумагу; неожиданно задержалась где-то бабушка; неожидан- но...

Подошла к письменному столу, открыла по привычке правый ящик. Он весь заполнен перфокартами. И тут же захлопнула: не могу больше их видеть. Перебор — переработала, перезанималась. Больше не могу!

Включила телевизор. Шел «Клуб кинопутешествий». Немного посмотрела, попутешествовала. Снова пошла на кухню. Что бы приготовить? Помелю кофе: Галка его любит — по несколько термосов выпивала, когда ночами готовились к вступительным в аспирантуру. Все же зря она не захотела попытаться на

следующий год. Ну, кандидатскую она бы, наверное, не защитила, не всем дано — тут я не смогла все же сдержать самодовольной улыбки...

Разве можно заставлять так ждать?! Что значит неделовой человек. И телефон молчит, как отрезанный. Все уже отпоздравлялись. Позвоню-ка Угрюму. Может же у меня возникнуть какой-нибудь вопрос в связи с темой даже после защиты? Сам-то не догадается: ни разу за три года не позвонил. Только на работе, только в официальной обстановке. Хотя звонить домой, в воскресенье...

Снова пошла в столовую, села перед телевизором. Концерт детской самодеятельности. Две девочки в коротких пышных юбочках и с огромными белыми бантами на головах исполняют «Танец с куклами». Одна из них очень похожа на Галкину Аленку. Как старательно тянет она маленькую свою ножку. И так же, как Аленка, хитро скашивает глаза, грозя пальцем своей непослушной кукле. Неужели все-таки Аленка? А Галка со своим семейством сейчас сидит у телевизора...

Задернула шторы: солнце повернуло и теперь светит прямо в окно. Вообще-то оно меня не очень балует, заглядывает только перед заходом, и то летом: окна на северо-запад. Даже специально письменный стол к окну передвинула: когда работаю, солнце светит, отраженное от окон соседнего дома.

«Вы смотрели выступление хореографического коллектива детского дома номер 3», — мило улыбувшись, сообщила дикторша. Нет, это не Аленка. У нее бабушка, дедушка, папа с мамой от любви к чаду своему совсем голову потеряли...

Вдруг зазвонил телефон. Вскочила с кресла, но трубку взяла не сразу. Даже не знаю, почему. Телефон звонил упорно, назойливо...

— Добрый вечер. Это говорит Юрий Иванович, сын Ивана Ивановича.

— А, здравствуйте, Юрий Иванович! — сказала так радушно, будто весь вечер только и ждала его звонка. А сама судорожно листала в памяти списки дальних родственников и случайных знакомых. Юрия Ивановича, сына Ивана Ивановича, в них не было. Кто же это такой и откуда он меня знает?

Юрий Иванович продолжал:

— Простите, Федор Александрович или Ирина Афанасьевна в Москве? Они, кажется, собирались приехать.

— Да, собирались — на мою защиту. Но отец заболел, и мама осталась за ним ухаживать.

— А-а...

Последовала долгая пауза. Я вспомнила наконец: Иван Иванович — знакомый отца, его фронтовой друг. О нем я знала по папиным рассказам. Слышала, что у него есть сын приблизительно моего возраста.

Пауза затягивалась. Мне казалось, что разговор исчерпан, но первой положить трубку было как-то неудобно.

— Дело в том, — снова заговорил Юрий Иванович, — что у меня несчастье... «Бедный, — подумала я, — такой чудесный вечер, а у него... Впрочем, почему он решил поделиться своим несчастьем именно со мной? Мы ведь знакомы только заочно».

— умер папа.

Юрий Иванович снова замолчал. Молчала и я. А что было делать — выразить дежурные соболезнования?

Наконец он произнес:

— Похороны в среду, в старом крематории, в двенадцать дня...

Как я поеду, если я почти их не знаю? Как и зачем?

— В среду я занята, к сожалению.

Среда была у меня абсолютно свободна — праздник безделья. И тут же на себя разлилась: зачем понадобилось врать? Будто я должна была перед ним в чем-то оправдываться.

— Я понимаю, это я просто так, на всякий случай, — будто стал оправдываться Юрий Иванович. — Дело в том, что сейчас лето, в Москве почти никого нет. Я только самым близким... До свидания.

«Он и меня относит к числу близких? — подумала я. — С чего бы это? Я отца-то его раза два за всю жизнь видела...»

Тут раздался новый звонок: на этот раз в дверь. Галка!

— Ну, наконец-то! А то уже рыба совсем засохла и торт увял. Разве на улице дождь? — спросила ее, помогая стащить мокрый плащ...

На следующее утро проснулась раньше, чем собиралась, чем могла себе позволить. — многолетний рефлекс. В аспирантуре выработала железный распорядок дня: подъем в шесть тридцать, зарядка, душ, завтрак — все за полчаса. Потом лаборатория, бесчисленные опыты, пробы, неудачи и опять — опыты, опыты... Потом библиотека. И там до предела, до последнего звонка. До колпик в мозгу. У каждого аспиранта на столике, рядом с набором ручек — набор разнообразных пилюль. «Тебя не угостить аналгинчиком?» «Да, спасибо. И валидолчиком тоже». Неужели все это позади? Как прекрасна жизнь!

И вдруг: «Похороны в среду. В старом крематории...» Зачем? С какой стати? Я этого человека не знаю: только по рассказам отца.

Достала из холодильника остатки вчерашней рыбы, позавтракала. Ничего, даже вкусно. И Галка вчера хвалила: «Насчет твоих способностей в области неорганической химии я не знаю, не мне судить. А вот в кулинарной области они неоспоримы. Это уж точно».

После завтрака решила сходить в институт. И необязательно, и неделя эта целиком отгульная. Но все же...

Первым, кого я увидела на кафедре, был профессор Угрюм. Он сидел один и разговаривал с кем-то по телефону.

— в Ленинграде? Вы слышите мое присутствие обязательно? — услышала его ровный, неторопливый голос. — В таком случае я поеду...

Я в нерешительности остановилась у двери: уйти? не мешало ли?

— Входите, Людмила Федоровна. Что у двери стоите, как бедная незачетница? — сказал Евгений Павлович, вешая трубку. — Кстати, у вас нет желания поехать в Ленинград, на симпозиум?

Нет ли у меня желания?! Вместе с профессором Угрюмом! Я закивала, наверно, слишком поспешно и радостно, потому что Евгений Павлович добавил деловым, даже несколько суровым тоном:

— Профессор Стоун из Калифорнийского университета будет делать доклад на близкую вам тему.

— Когда? — только и смогла вымолвить я.

— В среду. Будете готовы?

«Да я хоть сейчас готова!»

— Конечно!

— Вылет в тринадцать пятьдесят. А в двенадцать я буду ждать вас на аэровокзале.

Вечером, лежа в постели и читая журнал «Химия и жизнь», я никак не могла сосредоточиться на процессе вытягивания столба расплава и получения кристаллических изделий сложных форм из материалов с разными физико-химическими свойствами. Никогда не шел из головы профессор Стоун, который так кстати приехал в наш Ленинград с лекцией на очень близкую мне тему... Скорее бы среда!

«В среду... в двенадцать... в старом...»

Постаралась прогнать эту мысль — закрыла журнал, стала вспоминать защиту. «Работа представляет большой научный интерес и является несомненным вкладом в науку о полимерах...» «Практическая ценность исследования неоспорима...» «Следует рекомендовать к изданию в виде самостоятельной публикации...» Председатель совета потом сказал, что такой защиты у них давно не было. Жаль, что родители не смогли приехать.

Отец... Что с ним? Мама сказала, что ничего серьезного. Наверное, не хотела волновать. Может, опять открылась рана? Среди его орденов есть маленькая прозрачная планочка. На ней три красных полоски: три ранения. Последнее — в Берлине. Второе — под Феодосией. А где же первое? Отец любил рассказывать о том, как воевал. Вся жизнь его была теперь в этих рассказах. После войны он еще долго работал, потом ушел в отставку, занялся общественной работой — стал, как говорят, общественником. Но это все происходило как бы в стороне от него, как бы не с ним. Память прочно сохранила и выдавала лишь то, что было связано с войной. «Помню, в августе сорок первого у деревни Глухое мы с ротой автоматчиков...» «Помню, в мае сорок второго наш взвод поднялся на штурм высоты у поселка Смоляная Заводь...»

В детстве мы с братом слушали его рассказы с удовольствием. А когда подросли, нам они приелись, стали казаться однообразными, скучными. Да и времени не хватало — сидеть и слушать. Тогда отец стал рассказывать за едой, когда все собирались за обеденным столом. Вначале мы делали вид, что слушаем. Но это стало повторяться изо дня в день. И как только отец начинал: «Помню, в июне сорок третьего...» — мы с братом в один голос кричали: «Папа, ты это уже рассказывал!» Отец мужественно молчал дня два-три, а потом начинал снова... Так продолжалось, пока мы не разъехались из родного дома: вначале — брат, потом — я.

«Где же все-таки он получил свое первое ранение? Когда? Что-то я подзабыла. А ведь знала: он рассказывал... Кажется, под Вязьмой. Или не под Вязьмой, а под Волоколамском?»

«В среду, в двенадцать...»

Ну, были они друзьями — Федор, мой отец, и он, Иван. Всю войну вместе, в одном окопе лежали, одной плащ-палаткой укрывались, одним снарядом контужены. Но какое это имеет отношение ко мне?.. К тому же в среду у меня важное мероприятие: доклад профессора Калифорнийского университета. По моей теме. Это бывает раз в жизни, и упустить такой случай нельзя.

Встала с постели, взяла чемодан, стала собирать вещи: шерстяную юбку, меховую кофту на случай холода. Говорят, она мне очень идет. И как раз под цвет глаз... Нет, это платье слишком уж яркое для научной конференции. Может, коричневое взять? Нет, коричневое — чересчур мрачное. Будто в трауре...

«Старый крематорий... В двенадцать... Только близкие...»

Отодвинула чемодан, взяла ручку, лист бумаги: надо, пожалуй, написать родителям, это безобразие, что до сих пор не сообщила им о защите. Нет, лучше телеграмма. И я бросилась к телефону.

Текст телеграммы сложился в момент: «Дорогие папа и мама! Диссертацию защитила. Крепко обнимаю и крепко целую. Ваша дочь Люда».

Утро в среду выдалось яркое, без единого облачка. «Нет ли желания... на симпозиум?» Как здорово жить, когда у тебя все ладится, все тебе удается, Ленинград, набережные туманов, Евгений Павлович и я... Как медленно тянется время!

«Лифт вызывать не стала: ползет. Бегом, через две ступеньки вниз! У подъезда на скамеечке сидят, как всегда, две старушки с верхнего этажа.

— Надолго уезжаешь-то? — успела поинтересоваться одна из них, увидев в моей руке чемодан.

«На всю жизнь!» — хотела разозлиться на их вечное, изнуряющее любопытство. Но почему-то мне стало жалко этих засидевшихся старушек.

— На два дня. В Ленинград... День-то сегодня какой теплый.

— Ох, уж что правда, то правда, — заворковали обе сразу, обрадовавшись моей коммунибельности. — Давненько такого лета в Москве не было, давненько...

«Понимаете, лето. В Москве никого нет...»

Хорошо, что нет отца: ему, больному, такие переживания ни к чему. Цветы, источающие не свой запах; деловой голос служительницы; и эта музыка... Нет, нет!

Спустилась в метро. До аэровокзала две пересадки. Села, развернула газету. «С полей страны... Нефтяники рапортуют... Дополнительно к заданию... Рабочие будни на орбите... Трудовая эстафета... Встреча ветеранов...» И мой отец — ветеран? Сколько ему было в войну? А ведь меньше, куда меньше, чем мне сейчас. И другу его, Ивану Ивановичу, — тоже. Им было двадцать. Они были веселыми. Где же он получил свое первое ранение? Вот если бы меня ранило, я бы знала точно, где, как, когда. Еще бы — это же меня. И все-таки когда ранило отца в первый раз? Это знает... знал Иван Иванович, уж он-то наверняка...

Кто-то наступил на ногу. «Извините, пожалуйста!» Извинила: «Пожалуйста».

Но меня не извинили. Вон тот худой старик в темном костюме, несмотря на жару, с двумя орденскими колодками на отвороте. Хотя смотрел мимо. Его толкали, сжимали и прессовали на остановках, как и всех остальных. Он смотрел мимо меня и не извинялся.

Встала и позвала его:

— Пожалуйста, садитесь.

Он не услышал, не пожелал услышать. По-прежнему покорно давал себя сжимать и разжимать. Когда я очень виновата и мой отец не желает иметь со мной дела, он так же не замечает меня. Не замечает — и все!

...Я выскочила из вагона. От волнения не могла сообразить, как проехать к старому крематорию. Женщина в красной фуражке объяснила толково и точно.

— Это очень просто, — сказала она...

НЕНИЛА

Я люблю бывать на старинных кладбищах. Наверно, нигде не ощутишь с такой ясностью прошедшие времена, как среди могил, вглядываясь и вчитываясь в полустертые надписи на камне. Помню, в Новой Ладге прочел я на черном щербатом граните над могилой молодой купчихи: «Благодравной жене от благодарного супруга» — и сразу возник передо мной заскорузло-тяжелый быт ладожских толстосумов, даже над прахом любимого человека не могущих сказать нечто человеческое.

...На третий день моей жизни в Белозерске, городе древнем, зеленом, продутом свежими речными ветрами, я отправился искать кладбище. Прошел через весь город, выбрался на широкую и пыльную проселочную дорогу и вскоре увидел среди разросшегося кустарника кресты, пирамидки, ограды... Я брел по белозерскому кладбищу, по узеньким тропкам и не встречал ничего для себя интересного. Могилы были последнего десятилетия: кресты, утонувшие в буйной сорной траве; деревянные пирамидки, выращенные в красный цвет с алюминиевыми блестящими табличками. Кое-где белела в траве яичная скорлупа и поблескивала светлым стеклом бутылка, оставшаяся, наверно, с Троицы.

Я хотел возвращаться, но заметил, что кладбище кончается, и решил пройти до его края. Шел, невнимательно поглядывая по сторонам, как вдруг наткнулся на могилу, обнесенную частоклом: простой крест, выцветшая фотография, белая и розовая кашка по склонам холмика и надпись «Ненила Нивина». С фотографии глядела женщина, пожилая, волосы тяжелой короной на голове, лицо широкое и грустное. А в нескольких шагах от ее могилы за кладбищенским забором простиралась настоящая, черная от пахоты, с проклюнувшимися стеблями ржи нива, от которой и шла, может, фамилия этого крестьянского рода. Поле раскинулось не ровню, но холмисто-округло, его верхняя кромка проходила полоской по синему, июньски безоблачному небу. И казалось, что за той кромкой уже нет ничего — ни земли, ни деревьев, ни лесов, а только одна бесконечная неоглядная синь.

Ненила Нивина. Какой была ее жизнь, я не знаю и знаю, потому что, верно, жила она так же, как и сотни других крестьянок в этой глубинной Руси: плясала молодой, растила детей, провожала их и мужа на войну, смахивала над русыми головами внучат тайные слезы по их отцам, не вернувшимся домой.

Потом я пошел назад, в город, и мое романтично-печальное настроение так бы и развеялось бесследно, но нежданно мне снова пришлось вспомнить о Нениле Нивинной.

...Через день я поехал с товарищем на Нов-озеро к местному учителю Ивану Алексеевичу порыбачить. Деревенька, в которой он жил, была чудесной, на берегу озера, окруженная полями, покатыми холмами, лесом. Когда-то в старину называли ее Кобылино, но в двадцатые решительные годы крестьяне на сходке отменили старое ее имя и нарекли деревню «Карл Либкнехт». Так она и до сих пор значится. Пишут «Карл Либкнехт» то слитно, то через черточку — кто как считает правильной.

Иван Алексеевич погрузил в лодку невод, и, рассекая волну, мы поплыли вдаль. Обогнули остров, суровый и пустынный. Пристали у пологого песчаного острова, густо поросшего ольшаником и осокой. Три раза выводишь лодку в озеро, закидывая невод, и три раза вытягивали сеть, разгоряченные азартом ловли. Ивовая корзина переливалась всеми оттенками: хищно разевали рот щуки в темно-зеленых кафтанах; металсь окуни, серебристые, с красными, точно окровавленными плавниками; тяжело дышали лещи, почти овальные, неповоротливые и обалделые; ерши, словно дремали, растягивая на спинке костлявую перепонку-плавник.

Мы погрузили корзину в лодку и тронулись к дому. Разложили костер, отобрали рыбы для ухи и устроились возле огня. Недалеке раздались удары топора. Иван Алексеевич встал:

— Пойду погляжу.

Он возвратился и, не присаживаясь, сказал:

— Парни мостки строят. — И добавил, чуть поколебавшись: — Рыбы-то у нас навалом, есть не переест, дадим-ка им.

Рослый молодец подбежал к нам и, вежливо поблагодарив, стал отбирать, стесняясь, мелкую и невидную рыбешку.

— Берите покрупнее, — сказал я, протягивая ему лещей и подлещиков. Он взглянул на меня и, еще раз поблагодарив, взял несколько рыбин.

Рядом с ним остановилась, причитаючи, бабка:

— Мосточки наладите — добро людям сделаете. А то весь берег скот да ходки растрапала...

Костер горел споро, и уха вышла замечательной. Мы ели не торопясь, смакуя и рассказывая друг другу всяческие истории. Но вот, подводя итог нашей ухе, заверещал «газик», посланный за нами из Белозерска.

Вместе с шофером к нам подошел молодой человек лет тридцати.

— Председатель районного спортивного общества «Урожай», — представился он, — Андрей Нивин.

«Нивин», «Нивин» — и тут я вспомнил Белозерск, кладбище...

— Так это бабка моя, — сказал Андрей.

— Расскажите о ней, — попросил я.

— И я ведь к вам с просьбой, — обратился к нам Андрей, когда мы тронулись в обратный путь, — сеструха у меня тут по дороге живет, именинница сегодня, давайте заглянем к ней... И на вашу машину, как на попутную, сел, думаю, уговорю вас.

Мы согласились.

— А о бабке что же сказать? Бабка как бабка. Ласковая. Всех нас жалела. Мой отец с фронта не пришел — сын ее. Дед — тот печник был, знаменитый на весь Север. Его в самый Кремль вызывали, когда там печное отопление существовало, при Советской власти уже. Он потом гордость от того непомерную имел. Говорил: «Владимир Ильич с морозцу придет и враз к моей печушке руки греть, а сам в то время государственные дела обдумывает. Вот я какой печник!» Сеструха у меня дояркой, а муж ее в леспромхозе. Передовик там — меньше чем на 150 процентов плана не дает. — Андрей нахмурился и дальше говорить не стал.

Мы въехали в деревню и остановились возле большого дома.

Рисунок
Аллы СОЛОВКИНОЙ

— Поля, — крикнул Андрей, — понаехало гостей со всех волостей!

Мы вошли в комнату. В доме было буднично, ничто не напоминало праздника. Вышел из боковушки муж Полины, Егор, в рубашке навыпуск, босой, заспанный.

— Гости! — хрипло воскликнул он, еще туго соображая со сна, что к чему. Но Андрей уже вынимал из карманов закуску, и это видение привело Егора в норму.

— Соснул после работы, — сказал он, — а и впрямь Поля-то именинница. Обратной причина, — добавил он, знакомясь с нами.

Поля, такая же, как Андрей, темноволосая, но с лицом бледным, словно испуганным от чего-то, показала мне не столько хозяйкой, сколь случайно зашедшей соседкой. Она и брата обняла, лишь когда он первым протянул ей руки. На стол не накрывала, и от этого нам было как-то неловко — свертки сиротливо лежали на краю стола. Но Егор повел бровью, уронил:

— Собери, — и она заматалась, как в убыстренном кинематографе.

Потом села с нами, но сидела робко, готовая по первому взгляду мужа выполнить его волю.

Мы подняли за нее рюмки, но лишь когда Егор, самодовольно оглядываясь, молвил: «Ну, что ж, давай и за тебя», — Поля чокнулась с нами и пригубила.

Благодаршия, которое обычно приходит в застолье, не появлялось в нас. Когда графинчик обмелел, Егор, раскрасневшийся и словно раздавшийся виришь лицом, мотнул головой в сторону Поли:

— Двигай.

Поля вышла и вскоре вернулась с вином.

Я сделал Андрею знак: мол, больше здесь невозможно быть, надо уезжать, но Егор вдруг предложил:

— Пошли во двор в футбол играть. Забейте мне гол!

И, черт знает почему, мы вышли во двор и стали бить по мячу. Егор стоял, раскорячась, с сигаретой в зубах, и мы все пытались не просто попасть в ворота, которые он обозначил, а в его физиономию, самодовольную и красную после невеселого нашего застолья.

Вдруг я заметил у забора девочку.

Приходилось ли вам хоть раз в жизни поймать тот удивительный миг, когда на раннем рассвете распускается цветок? Все лепестки его еще собраны, прижаты друг к другу, но мгновение — и они уже чуть отошли один от другого и какое-то прозрачно-розовое сияние вспыхивает в цветке.

И эта девочка находилась в том дивном мгновении жизни, когда исчезала ее голенастая подростковая, и неуловимо-преlestно выявлялась в ней юная женщина. Ее ноги — в комариных укусах и в ссадинах от беготни по колкой траве, но округлость коленок — девичья; лицо с мягкими простодушными чертами детства, но губы, чуть припухшие, как спелая ягода-черника, подернуты матовой пеленой неведенья. В ней еще так сплетены порывистость и угловатость девочки и девическая стать в изгибе спины, жесте руки. Завтра она станет прекрасной, но сегодня это прекрасное еще не вырвалось наружу, еще прячется внутри ее, еще таинственно наполняет ее. Она и сама понимает, что с ней что-то творится, и потому становится неожиданно для себя серьезной, и это удивляет ее.

— Ненилочка, — раздался голос Полины из окна, и девочка, словно очнувшись, побежала домой.

— Ненила? — спросил я Андрея.

— Как прабабку назвали.

Прабабка ее Ненила Нивина плясала молодой, растила детей, провожала их и мужа на войну, смахивала над русыми головами внучат тайные слезы по их отцам, не вернувшимся домой.

А что ждет эту маленькую Ненилу, ступившую на порог жизни?

Я принял мяч от Андрея и — верьте не верьте — именно с этого удара выбил сигарету изо рта Егора.

...Пора было уезжать. Егор спросил на прощание:

— Случаем не знаете, в Болгарии жарко?

— Не знаю, как нынче.

— Надо бы мне знать — туристом туда еду.

Андрей стоял рядом со мной; мы уже собирались садиться в машину, когда Поля бочком сбежала с крыльца, обняла Андрея, и я слышал, как шепнула ему:

— Не выдержит мне более, брат...

Андрей ничего не сказал ей, лишь, прощаясь, руки Егору не подал.

За баранку сел Андрей, гнал машину, распугивая важных петухов. Я не вытерпел:

— Слушай, что у них, если не секрет?

Андрей помолчал, сбавил газ.

— Ненила-то не от него. От летчика Ивана Першина, нашего местного. Разбился он — они и пожениться не успели. За Егора вышла потом, он ее крови от ревности лишил. А теперь уж, может, и не ревнует так, да привык лютым быть с ней. Я, честно сказать, с умыслом вас позвал. Думал, при посторонних образумится... Сколько раз просил ее: уйди от него — так не хватает ей женской силы...

Он снова включил газ, машина рванулась, я вскоре задремал и в полудреме все видел Егора: вот идет он по лесу, и топор его направо-налево деревья валит; вот на четвереньках по дому бегают, рычат; а вот в соломенной шляпе бредет вдоль голубой воды по золотому песку в далекой стране Болгарии.

РУННЫЙ ХОД

НА ДОЛГИЕ МЕСЯЦЫ УХОДЯТ В ОКЕАН МОЛОДЫЕ
РЫБАКИ. ПЛАВБАЗА — ИХ РАБОЧИЙ ЦЕХ И ДОМ.

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные
корреспонденты «Смены»

Так вышло, что на палубу плавбазы ступили мы вместе с ее капитаном-директором, догонявшим судно после шестимесячной с ним разлуки. Были эти полгода у Скворцова заняты неотложными делами на берегу — он оканчивал институт. Впрочем, на палубу мы не столько ступили, сколько приземлились, ибо подняли нас на борт в обыкновенной плетеной корзине с жестким дном — способ не самый комфортабельный, но вполне надеж-

МНОГОЭТАЖНЫМ ДОМОМ
СМОТРИТСЯ В ОКЕАНЕ
ПЛАВУЧИЙ ГИГАНТ.

ПОЛНИТСЯ
ЖИВЫМ СЕРЕБРОМ
ЖИВОРЫБИЦА
В НЕВОДЕ.

ПРИЧУДЛИВО
ГОРБАТЫЕСЯ СОПКИ
У БЕРЕГОВ
КАРАГИНСКОГО ЗАЛИВА.

ный. И пока Скворцов, окруженный моряками, без усталости жалуется товарищам, по которым безмерно соскучился, мы осмотрелись.

Удивительно, как переплелись во внешности судна черты корабля и сухопутного завода. Чисто материковыми казались его громадность (как-никак почти сто семьдесят метров в длину), непоколебимая устойчивость, распухшие от тары палубы-дворы, стрелы кранов, грузовые лебедки. Но немало было в облике базы и чисто морского — те же мачты с хитрой вязью антенн, подвешенные над бортами шлюпки, спада-

УДАРНЫЙ
РИТМ
ПЯТИЛЕТКИ

XIX
СЪЕЗД
ВЛКСМ

РЕФРИЖЕРАТОРНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ. ОТСЮДА УПРАВЛЯЮТ ТЕПЛОМ И ХОЛОДОМ НА ПЛАВБАЗЕ.

КОГДА ИДЕТ РЫБА, УЛЫБНУТЬСЯ В ОБЪЕКТИВ И ТО НЕКОГДА.

ющие за борт якорные цепи. Впрочем, плавбаза и есть, по сути, плавучий завод, обычный завод, который, постоянно находясь в океане, выпускает продукцию.

Тем временем Скворцов уже освободился от объятий и, не заходя в свою каюту, ринулся на мостик. Следом за капитаном-директором по трапам по-

следовали руководители судовых служб, первый и старший помощники и начальники производства. Пройдя рулевую рубку, заглянув к штурманам и радистам, Скворцов удовлетворенно кивнул—все сверкало чистотой. Ему уже намекали, что простывает обед в кают-компании, что можно бы отложить обход судна на потом, никуда оно, мол, не денется, но Скворцов будто не слышал, по-молодому сбежал со спардека по трапам на верхнюю палубу, пересек ее и полез в заводские помещения. И все остальные—что ж поделаешь!—за ним. Но и там все: гидрожелоба, транспортеры, технологическое оборудование, машины—матово лоснилось свежестью и ухоженностью. Наконец Скворцов, коротко кивнув «Добро», полез наверх. Облегченно вздохнув, люди за спиной капитан-директора заулыбались, заговорили, сначала негромко, потом смелее, шумнее. Было ясно, что обход судна пока что закончился.

Но тут Скворцов, уже направившийся к выходу, вдруг остановился.

— Сколько приняли рыбы?

Заместитель капитана по производству Анатолий Иванович Латюк, высокий, широкоплечий, усатый, еще молодой, кашлянул, на вопрос отвечать следовало ему:

— На тонны считаем. Александр Иванович, ход еще толком не начался.

Капитан-директор тряхнул головой, сбросил на лоб седоватую прядь.

— Ладно: завтра после капитанского часа поедем к рыбакам на невода, посмотрим, что к чему.

...Нет пока достаточно умных приборов, которые могли бы точно предуведомить людей, каким путем потянутся рыбные косяки к берегам и когда. Природа вносит свои, не познанные пока людьми поправки в сроки начала нереста, в маршруты движения косяков. Вот почему испокон веку волнуются рыбаки за исход лова, мучаются сомнениями—там ли стоят их невода, не упустили ли время хода. Пусть современная акустическая аппаратура ныне помогает увидеть косяки с любого более или

Песню не сложила...

В. Гланцу

Как я долго в поисках кружила:
тундру исходила
вкривь и вкось,
по тайге
помыкаться пришлось —
а вот песню
так и не сложила.

Как я долго в поисках кружила,
сколько рек,
морей переплыла,
у костров
и в пологах спала —
песню ходокам я не сложила.

На оленях,
в нартах
и пешком,
большаком
и по звериным тропам
из Восточной Азии
в Европу
и обратно в горы
с вещмешком.

Как я долго в поисках кружила,
пурговала
сутками в снегах,

снег остался в прядях
на висках —
только песню не приворожила.

Тридцать лет
я с рифмами дружила,
но крылатый конь мой
ускакал.
Я ищу созвучья,
как металл —
но не та мелодия по жилам.

Зря, выходит,
в поисках кружила,
камусные брюки
зря рвала.
Песня моя,
Гланц,
в тебе жила,
ей в твоих стихах
привольно было.

Если б это знала я,
прости,
то давно б в Бурятию свернула
и к истокам поиска
прильнула,
чтоб крупница истины
блеснула
и в моем лотке
в конце пути.

Печальнее не ведала я дней

Земля моя
тоскует без меня,
зовет,
и сердце зову отвечает.
Земля
моих детей не замечает —
а я без них,
как жирник без огня.

Тянусь
одной рукой
к родным снегам.
Другой —
дочурок к сердцу прижимаю.
Порой сама себя не понимаю,
живу,
как не желаю и врагам.

Смотрю
на растворенное окно —
в него мои пичуги улетели,
два малых попугайчика
посмели —
мне полететь за ними не дано.

Печальнее не ведала я дней.
Бесплоднее и горше
не жила я.
И если до сих пор еще жива я,
спасибо детям —
с ними я сильней.

Пойми меня,
Земля моя,
как мать.
Не сетуй,
что сейчас я не с тобою.
Я без того наказана судьбою:
домашней птице
вольною не стать.

Перевел с чукотского
Михаил ЭДИДОВИЧ.

Антонина КЫМЫТВАЛЬ

Туман

Пространство
меньше пятка.
Поселок —
островок в тумане.
Сомнение
черней зрочка:
дождешься ли
ты
в Магадане...

Прикручен к сопке самолет.
Свисают
с блестящих крыльев
пряди.
В глаза не смотрит мне
пилот.
Печаль в его суровом
взгляде.

Туманом
занавешен мир.
Никто мольбе моей
не внимлет.
Все пассажиру пассажир
понарасказывал
и дремлет.
И мне
прикажешь, что ли,
спать?
Смешной,
до сна ли мне
в тумане,
когда я здесь —
ты — в Магадане
и вот,
вот,
вот
устанешь ждать...

Рисунок Игоря СУСЛОВА

менее крупного судна, пусть мощные плавучие заводы способны в любой точке океана за день принять, заморозить и обработать рыбы столько, что ее хватит на прокорм крупного города, но если рыбы не будет, бессилена любая прогресс.

Вот почему при лососевой путине берут горбушу и чавычу, кижуча и нерку не всю подряд, а с расчетом, чтобы ни в коем случае не убавлялось маточное стадо. Берут осторожно, у самых берегов, куда не придет не выгулявшая свое рыба. Правда, рыбаки иных иностранных шхун не брезгают брать и в океане ту же горбушу. Перегораживают сетями несколько десятков километров зараз, тут уже взрослая и молодая рыба попадает в одну бочку, что, конечно же, наносит рыбной океанской казне ущерб немалый.

В наших путинных экспедициях за красной рыбой главный калибр — большие морозильные и рыбообрабатывающие суда. За каждым закреплено несколько ставных неводов. На неводах трудятся колхозные рыбацкие бригады. Взяв улов, они сразу сдают его на плавбазы, а если те далеко — на любое ближайшее судно, которое оснащено морозильным оборудованием. В самый разгар путинной работы у моряков и у рыбообработчиков — не продохнешь. Тут уж к разделочным столам, к транспортерам встают, помимо бригад, все свободные от вахты члены экипажа, да и помощники капитана, инженеры, и те надевают робы — лишь бы не пропасть пусть даже малой части улова, успеть

обработать все до последнего «хвоста».

...Но пока на «Советской Бурятии» затишье, как и на большинстве плавбаз экспедиции. Об этом же идет разговор и на следующее утро, во время «капитанского часа» — своеобразной радиопланерки, которую проводит с капитанами начальник экспедиции Александр Павлович Старцев, обосновавшийся вместе со своим штабом на плавбазе «Комсомольск-на-Амуре». Мы встречались со Старцевым, заместителем генерального директора объединения «Камчатрыбпром», еще в Петропавловске. Рассказывая о предстоящей путине, Старцев не особенно упирал на цифры (тут все мастики), больше говорил о строгом подборе на путину людей, организации взаимодействия флота и берега. За каждым его словом стояло знание подлинных, выверенных практикой производственных проблем, с которыми столкнется экспедиция.

Голос Старцева в динамике звучит чуть глуховато.

...Всем капитанам. Объявляю, что некоторые товарищи проявляют беспокойство по поводу задержки хода рыбы. Их беспокойство создает излишнюю нервозность в экипажах. Рыба будет. Ученые гарантируют. У меня их тут целая бригада. Люди деловые и толковые. Временную передышку используйте для отладки оборудования.

Мы благодарны Старцеву. Это он посоветовал нам идти на «Советскую Бурятию». Комсомольско-молодежный экипаж судна — победитель соцсорев-

нования на флоте, инициатор многих добрых починов. Вызывает уважение спаянность людей на борту судна, четкая организация вахт, безукоризненный порядок.

Сразу после радиопланерки Скворцов велел спускать бот.

— Поехали к Хижнякову на невод, поглядим, что и как. Ученые учеными, а слово рыбаков не последнее.

Через пять минут наш бот уже ходко идет к качающейся неподалеку от берега шилонке (так называют рыбаки свой плавучий дом), направляемый твердой рукой боцмана Геннадия Терентьевича Барбуса. Боцману, чей морской стаж перевалил за два десятилетия, не холодно в одной фуфайке, он только смахивает соленые брызги с лица да посмеивается. Шилонка уже хорошо видна, размером она чуть больше нашего бота. Остается лишь гадать, как живут в ней полтора месяца десять рыбаков.

С виду она неуклюжа — пузата, толстобочка, дом не дом, лодка не лодка. Двигателя у шилонки нет, весел тоже. Но зато легка, подвижна, любой катерок ее стронет с места.

Скворцов с бригадиром Хижняковым — приятели старые. Они на пару работают не первую путину. Так что трали-вали им разводить ни к чему, оба временем дорожат. Поставив перед собой по изрядной кружке густого чая, сразу к делу — какие виды на рыбалку?

— Снег с сопки сошел, — басит Хижняков, положив тяжелые большие ладо-

ни на стол, — значит, быть красной скоро. И еще верная примета — один наш колхозный сейнер проходил, капитан его говорил, что в район идут касатки, а эти зазря по морю шастать не будут, видимо, за косяками гонят... — Хижняков, чувствуя интерес капитана к теме, басит дальше: — Да и то взять, Александр Иванович, мы ведь тоже дело понимаем, из-за погоды вся задержка. Впрочем, сегодня еще переборку не делали, может и подошла, вчера-то к вечеру зараз тонн десять вам сдали.

— А ты, Пал Палыч, перебери при мне, — вдруг зажигает азартом Скворцов. — Мы поможем.

— Добро. — Хижняков встает. — Меня на это дело уговаривать не надо. Пошли, ребята...

Ставной невод — штука тонкая. От берега до ворот невода тянется центральная сеть, достояющая до самого дна. Натякаясь на сеть, рыба сворачивает и идет вдоль нее. Так она входит в ворота ловушки шириной двадцать метров. А сама ловушка под сто. Это тоже сеть, но формой своей напоминающая авоську. Зайдя в нее, рыба уже никуда не денется — гуляет себе, как в аквариуме. С шилонки, покачивающейся на самой середине невода, видно, много ли зашло. Бывает такой заход, что невод так и искрится серебром. Тут ворота ловушки закрываются, и начинается переборка невода прямо с шилонки. Дно «авоськи» поднимают и руками перебирают сеть метр за метром, пока вся рыба не сойдет в садок, тот же, по сути,

**КАЖДАЯ ПАРТИЯ РЫБЫ
ПОДВЕРГАЕТСЯ
ТЩАТЕЛЬНОМУ
ХИМИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ.**

**ОБРАБОТКА ИКРЫ—
ДЕЛО ТОНКОЕ.
ЗДЕСЬ НУЖНЫ ЖЕНСКИЕ РУКИ.**

Никогда я не видел Ивана Дмитриевича без галстука или в невыглаженных брюках. Свежевыбритый, с неизменной улыбкой, в белоснежном халате, царит он в цехе подобно дирижеру. Но тузлук — рассол для икры — готовит непременно сам: отмерит специи, соль, антисептик — все на аптекарских весах, засучит рукава и пошел помешивать в дубовом тридцативедерном чане ложкой.

Тут же в икорном цехе размещен автомат для закатки банок. Работа несложная — знай заряжай машину крышками, развешивай уже готовую икру по банкам да ставь их на станок. До восьмидесяти штук в минуту катает, только звон стоит. Работает цех, работает завод, делает рыбу для берега. Смена за сменой. Уже тесно в трюме от ящиков с замороженным лососем. Но до плана далеко. А план, к слову сказать, у коллектива «Советской Бурятии» высокий, как и положено инициаторам флотского соревнования, десятками миллионов рублей его продукция исчисляется за год. В переработанных центнерах и тоннах рыбы — конкретное выполнение продовольственной программы, намеченной партией. Комсомольско-молодежный коллектив это отлично понимает.

Как-то рано утром капитану была вручена радиограмма, в которой судну предписывалось сняться с якоря и пройти немного севернее. Там стоял еще один невод. Траулер, который вел прием и обработку рыбы в том районе, ушел, груженный доверху. Под рукой оказалась «Советская Бурятия», так что теперь предстояло обрабатывать улов уже с трех неводов. Скворцова эта весть только обрадовала: «Ничего, выдюжим. Экипаж, свободный от вахт, будет работать в цехах, весь без исключения».

Загremели цепи, поднимая якоря с морского грунта. И мы, успевшие привыкнуть к почти материковой устойчивости палубы под ногами, немало удивились резвости бега нашего плавучего завода, легкости, с которой совершал он повороты, огибая мели и рифы. Плавание наше было недолгим: от невода до невода рукой подать. До берега же теперь от нашей базы было и вовсе недалеко. Дни между тем летели за днями, и, каюсь, берег казался все более желанным.

Как бы велико ни было судно, ограниченность жизненного пространства давала о себе знать. Впрочем, если бы только это.

Распорядок дня на судне не отличался особенным разнообразием. Подъем, завтрак, работа или вахта. Вечером — фильм. И то не всегда, и то уже не однажды виденный. Правда, оставались еще шахматные турниры. Но их не бу-

ПЛАВБАЗА— ЭТО ЗАВОД В ОКЕАНЕ.

дешь проводить еженедельно, да и не все же любители шахмат. Понятно, что возможности судна по сравнению с материком в этом плане весьма ограничены. И тем обиднее, что и эти скромные возможности используются далеко не полностью. Такой вывод сделали мы на основании не одних лишь собственных наблюдений.

...Редкое это явление — муж и жена на одном судне, даже исключительное. Не положено морским уставом, и точка. Но нет, как говорится, правил... Да и что поделывать, если для него море — вся жизнь, а для нее вся жизнь — он. Так и плавают Сергей и Наташа Рыжковы, он — третьим помощником капитана, она — официанткой. Удивительно дружная, красивая пара. Так вышло, что мы сдружились с Рыжковыми, частенько заходили к ним в семейную каюту поговорить, послушать их споры. Наташа в

комсомольском активе судна, Сергей вроде бы представляет руководство. Вот на этом они и схлестывались. А начиналось все с малого.

— Ты бы, Сережа, сказал Скворцову, чтобы вертолетную площадку от бочек освободили, а то ведь даже в волейбол поиграть негде.

— А куда прикажешь, Наташа, бочки деть, может, по каютам раскатить? Производство есть производство.

— Это не довод, милый, на каждом производстве начальству положено думать об организации досуга подчиненных.

— А ты японские шхуны видела? У них не то что в волейбол, присесть негде, все свободное место под рыбой, снастями и тарой занято.

— Но мы же не на японской шхуне, Сережа...

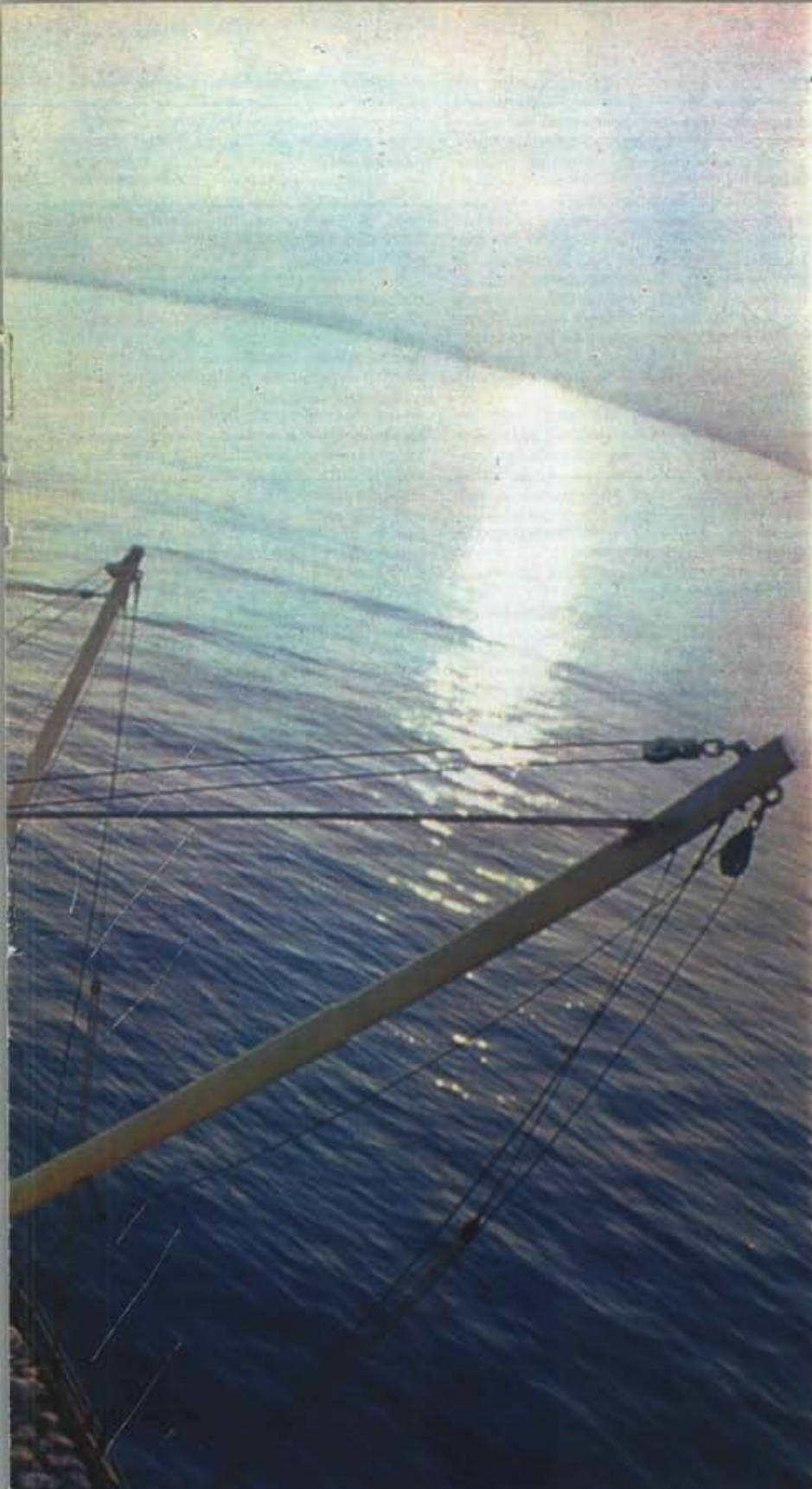
Постепенно страсти раскалялись, но за рамки спора никогда не выходили. Не желая давать преимущество ни одной из сторон, мы в эти разговоры не встре-

вали, мирно похлебывая чай в углу. Но во многом по-человечески были согласны с Наташей.

Да, безусловно, интересы производства страдать не должны. Но разве не в наших возможностях совместить производственные интересы с интересами коллектива? Бочки — конечно, частность. Мы не собираемся учить людей, которые получают зарплату за организацию путины и оснащение судов, как размещать на них тару, чтобы не лишать экипаж удовольствия в час отдыха сыграть в тот же волейбол. Но поскольку речь зашла о нормальной организации отдыха людей на судне и о том, что препятствует этому, считаем себя вправе кое о чем поразмыслить, так сказать, вслух.

Специфика труда моряков и особенно рыбообработчиков не предусматривает активного физического движения. Эта работа в чем-то схожа с работой станочника. Организм же человека требует движения.

Не случайно вопросам развития спорта на флоте в минувшем году было посвящено совместное заседание коллегии Минрыбхоза СССР, Спорткомитета СССР и Президиума ЦК профсоюза рабочих пищевой промышленности. Наряду со стратегическими проблемами обсуждалось на нем и то, как использовать для спорта любые возможности, которыми располагает флот уже сегодня. Согласитесь, что в свете этого волейбольная площадка, заваленная тарой, не такая уж мелочь. В ней под тарой сокрыто нечто более худшее, чем нераспорядительность служб, отвечающих за организацию путины. Что же именно — об этом пусть поразмыслят в Петропавловске-Камчатском, в управлении рыбной промышленности.

В разговорах с судовой молодежью мы не раз касались (не по своей инициативе) темы свободного времени. При всем при том, что его, увы, совсем немного, расходуется оно, как правило, без учета возрастных и духовных интересов большинства членов экипажа. А экипаж, повторяю, состоит преимущественно из молодежи. Почему бы, к примеру, говорили мне комсомольцы, не организовать на судне дискотеку, или свой драматический кружок, или даже просто художественную самодеятельность? Ведь надо же куда-то себя девать. Надо, спору нет. Насчет самодеятельности и драмкружка — тут, думается, сами комсомольцы виноваты, никакими волевыми усилиями их не создашь, если дальше пожеланий инициатива ребят не идет. А вот дискотека — дело другое. Без определенной материальной поддержки берега здесь уже не обойтись. И ведь это не такая уж роскошь — дискотека, помещение для нее на судне нашлось бы, подошла бы любая из кают-компаний.

Справедливости ради надо заметить, что работа судовой комсомольской организации в целом поставлена на плавбазе неплохо. Хватает у ребят энергии и инициативы интересно организовать совмещение между производственными бригадами. Активно работает и судовой «Комсомольский прожектор». Немало внимания уделяют на «Советской Бурятии» вопросам повышения профессионального мастерства членов экипажа. А вот подумать о том, как лучше наладить отдых молодежи на судне, тут, как ни странно, пороха у комсомольского актива не хватает.

В обиходе флота есть такой показатель, как сменяемость экипажа. На каждом судне этот показатель свой. Там, где хороший заработок, добротна организован быт, досуг людей, сменяемость экипажа незначительна. Моряки всеми силами стремятся после отпусков попасть только на «свой» корабль. Там, где какой-то из уже названных факто-

ров упущен, этого не происходит, сменяемость высока, экипаж формируют из людей случайных, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

На «Советской Бурятии» сменяемость в пределах нормы. А могла быть еще ниже, ведь дела там идут очень неплохо, особенно в сфере производства. Мы далеки от того, чтобы винить во всем администрацию судна. Но нельзя не учесть, что без соединенных усилий руководства судов, базы, флота, партийных и комсомольских организаций всех звеньев дело не поправишь.

Теперь несколько рассуждений общего порядка. Уже потом, в Москве, в Минрыбхозе СССР, узнали мы о том, что в проектах новых плавбаз заложены спортзал, парикмахерская, сауна, красный уголок, кинозал, помещение для бытовых нужд, исключительно одноместные и двухместные комфортабельные каюты и прочее. Эти плавбазы уже начали поступать на флот. В управлении судовой строительства сообщили нам, что именно такие суперсовременные суда и составят в будущем основу рыбодобывающего и рыбообрабатывающего флотов. Уже сейчас множество сухогрузов, чей экипаж не превышает тридцати человек, располагают собственными спортзалами, оборудованными велотренажерами, шведскими стенками и прочим.

Все это, конечно, радует. Но «Советскую Бурятию», как и другие суда этой серии, никто не собирается в обозримом будущем отправлять на переплавку. Работать им еще долгие и долгие годы. Экипажам их еще плавать и плавать. И чтобы не возникло столь уж очевидной диспропорции между устроенностью быта и отдыха на этих судах и тех, о которых рассказывали в Минрыбхозе СССР, самое время подумать о том, как использовать имеющиеся возможности.

И пусть простят меня за то, что повторю известную, очевидную для всех истину. А именно: несколько сот человек, составляющих экипаж судна, надолго оторваны от берега. Они заняты очень нужной всем нам работой. В их жизни с избытком хватает романтики в лучшем смысле этого слова, и получают они за свой труд совсем даже неплохо. Но у них при этом ограничены возможности удовлетворения своих духовных запросов. Одна девушка на судне как-то посетовала на то, что за два месяца у нее ни разу не было повода надеть выходное платье. Так уж случилось, что даже в дни праздников она работала в вечернюю смену. Она, наверное, надела бы свое платье, собиравшись на вечер в дискотеку или на концерт. Но ни того, ни другого за два месяца на судне не случилось. А ведь создавать «поводы» нужно, очень нужно. Так что давайте все-таки использовать имеющиеся возможности.

...Последние дни на судне работы прибавилось, три невода — не два. На разделку и погрузку встали механики и штурманы, судовые электрики и радисты. Даже капитан, и тот пропадал в цехах, надев поверх кителя рабочую куртку. Он так и пришел нас провожать в куртке, облепленной чешуей, и резиновых сапогах, блестящих от воды. С нами уходили с судна несколько матросов, у которых закончился срок плавания. Перегрузив вещи на БМРТ, который направлялся в поселок Оссору, мы последний раз взгляды валились в уже знакомый силуэт плавбазы, когда вдруг с борта судна грянула нам вслед мелодия известного среди моряков марша «Прощание славянки». Хотелось и нам сказать, вернее, крикнуть на прощание Скворцову что-нибудь, что не успели сказать прежде. Но между нами и судном уже пролегла полоса воды. Не услышит Скворцов. И все-таки хорошей вам рыбалки, товарищ капитан, хорошей рыбалки всем, кто выбирает невода и тралы в холодных и теплых морях и океанах. И вместе с тем побольше вам поводов надевать выходные костюмы.

А ЭТО УЖЕ ГОТОВЫЙ ПРОДУКТ. ЕШЬТЕ НА ЗДОРОВЬЕ.

СОТНИ ТЫСЯЧ БАНОК КОНСЕРВОВ ПРОИЗВОДИТ РЫБООБРАБАТЫВАЮЩИЙ ФЛОТ СТРАНЫ ЕЖЕДНЕВНО.

Игорь СЕРКОВ,
специальный корреспондент
«Смены»

Всего восемнадцать подписей. Магонова, Шазиянова, Халилова, Арипова, Бергер, Рахимов, Шарипова, Алиев... Ткачихи, прядильщицы, мотальщицы, поммастера, грузчик... Редко кто из них работает на Кайракумском ордена Трудового Красного Знамени производственном ковровом объединении два или три года, большинство трудится восемь, десять лет, а то и больше. Работают семьями. У некоторых уже и дети пришли на ковровый. Словом, все это кадровые работники предприятия, добившегося значительных производственных успехов. Те, кому предприятие этими успехами обязано.

И вот такое письмо:
«Мы, жильцы так называемого «семейного» общежития, решили написать в «Смену» в надежде, что вы нам чем-нибудь поможете. Потому что жить дальше так, как мы живем, и терпеть у нас уже нет сил. Тем более что общежитие для нас не временное пристанище, а родной дом, где мы растим и воспитываем детей. Но вы бы посмотрели, в каких условиях! Что наши дети видят!»

Горько и обидно писать, но дальше терпеть уже нет возможности. У нас очень большое и богатое объединение. О нем пишут в газетах, рассказывают по телевидению. Неужели оно не в состоянии помочь нам? Мы неоднократно жаловались руководству объединения, а изменений никаких нет. И так из года в год».

Это стоит увидеть — вторую очередь объединения, цех по выпуску ковров из искусственного сырья. Эту светлую громадину, начиненную автоматикой. Величавой рекой течет полотно будущих ковров. Пропитывается специальными составами, просушивается, покрывается изысканными сочетаниями цветов и узоров, разрезается на нужные куски. Ковровщики рядом, следят за автоматикой. И вот когда у готового ковра остается лишь обметать края, работники берут его в руки. Ковер тяжел. Но из стола, на котором он расстелен, бьют частые фонтанчики сжатого воздуха, и он, будто ковер-самолет, подрагивая, почти парит над столом. Управляться с ним легче легкого.

В цехах первой очереди объединения, выпускающих полушерстяные ковры, оборудование не столь современно. Но и здесь во всем виден отлаженный, надежный ритм предприятия, в десятой пятилетке четырежды награждавшегося переходящим Красным Знаменем. Успешно, расширяя свою производственную базу, работает коллектив коврового в новой пятилетке. И уже идет реконструкция, старое оборудование заменяется более производительным.

Объединение неуклонно развивается, растет: Начинили с выпуска 4 миллионов квадратных метров ковров в год. В нынешнем взяли изготвить уже 10,5 миллиона. Судя по всему, изготвят.

А вот на улице Ленинадской, 47, в бараке, утонувшем под откосом проезжей части — как раз он-то и отведен под «семейное» общежитие, — если что и менялось, то к худшему.

...Она была спокойнее остальных, Галина Халилова. Потому что она уезжает. Она отмаялась. Она уходит с коврового, где проработала восемь лет. Уходит вместе с мужем, а он тоже работает пока на ковровом. Работа нравится. Но у них дети. А там, на новом месте, им обещают большую комнату в благоустроенном общежитии. В таком, где можно жить семьей по-человечески.

Барак строили как временное пристанище. Строили в строгом соответствии с назначением — стать временным пристанищем, где можно перетерпеть какое-то время. Узкий длинный коридор, с каждой стороны десяток дверей,

за которыми десять квадратов для житья. Из удобств — две кухни по концам коридора с парой газовых плит и несколькими металлическими раковинами. Холодная вода. Все. Другие необходимые удобства — на улице. Да еще место для них нашлось только на господствующей над округой возвышенности. Деревянные эти сооружения местности никак не украшают, а добраться до них ребенку, особенно ночью, зимой, — рискованное предприятие.

Годы шли, росли дети, росло объединение, только барак под номером 47 ветшал и, казалось, все глубже уходил в землю. Зато он уже не назывался временным. Именовался «семейным» общежитием № 4. Хотя с самого начала ясно было, что именно семьями, с детьми жить здесь нельзя. Всякая семья — какое-никакое, а хозяйство. А здесь негде ни постирать, ни высушить белье. В кухнях по вечерам столпотворение у плит, посуду иной раз вымыть можно только ночью, когда другие спят.

— Хорошо еще, если в семье есть и отец и мать. А если воспитываешь детей одна? — Ткачиха Людмила Алексеевна Магонова, работающая на ковровом с 1971 года, сдерживать себя уже не может и не хочет. — У меня дочь, сыну шесть лет. В женскую баню я его взять не могу. Что делать? Помоешь в тазу голову, ноги, и все. Повела к подруге в ванне помыть, он плачет: не привык к воде.

— У нас здесь комната — это все на свете. И спальня, и овощехранилище, и туалет для детей, и кладовка. Ведь ни сараев, ни подсобок никаких нет. — У прядильщицы Фатимы Абдулиной двое маленьких. Новая мука — коляску некуда поставить. — Канализация замерзла, все прорвало, в некоторых комнатах такой залоха, что находиться невозможно. Мусорные ведра выставляем в коридор, где по вечерам дети играют, а куда их? Комнаты, сами видите, какие...

В комнатах и впрямь повернуться негде. Стулья, пристроенные на шкафах, телевизоры на холодильниках, разобранные столы. Люди прилично зарабатывают, у них есть возможность приобрести все необходимое. Да вот поставить некуда.

А сейчас стоит сказать вот о чем: даже в это общежитие работники объединения попасть непросто. В Кайракуме очень сложно с жильем. Причем сложности здесь как обычные, так и специфические. Город начинался с поселка при ГЭС. Никто тогда не предполагал, что он станет третьим в Таджикистане по объему промышленного производства. Это сегодня. Но уже начинают развиваться здесь и горная промышленность и металлургия. Город не может не расти. А расти ему практически некуда.

Кайракуму зажат между горами и драгоценными в Средней Азии поливными землями. Все свободные площади уже использованы. Выход один — вместо одноэтажных домиков времен строительства ГЭС и коврового объединения строить современные дома. Но, значит, предварительно нужно куда-то переселить людей. Другая проблема: в Кайракуме мало инженерных сетей. Чуть ли не к каждому новому дому нужно тянуть тепло, воду, свет. Министерства, готовые выделить своим предприятиям, расположенным здесь, средства на дома, отказываются выделять их на все остальное: зачем нам работать на коммунхоз? А при горисполкоме до сих пор нет отдела капитального строительства, который бы утрясал, совмещал интересы различных ведомств и предприятий. Строительные организации здесь маломощны для города из семи поселков, разбросанных на десятки километров друг от друга. Или они областного подчинения, что сказывается на их отношении к нуждам города. В результате вложения в капитальное строительство не осваиваются целиком.

И всему городу — впрочем, как и области — отчаянно не хватает строительных материалов. Как сказал замести-

тель председателя Кайракумского горисполкома А. Я. Цуриков: «Нас может выручить только строжайшая экономия материалов. Но, с другой стороны, только на экономленном жилье не построишь».

Все это прямо относится и к ковровому. А ведь существуют еще и сложные отношения с Министерством легкой промышленности республики и плановыми организациями, выделяющими средства и фонды на строительство объектов соцкультбыта достаточно скупое. Когда оценишь все это, хочешь согласиться со слышанным в горисполкоме: «Руководство объединения в настоящее время делает все, что может».

Но хочется лишь до того, пока не побываешь на улице Ленинадской, в доме № 47, и своими глазами не увидишь глаза тех, кто вынужден здесь жить. Годами. Пока не увидишь детей, играющих по вечерам в темном коридоре, на пронизывающем сквозняке, среди ведер с мусором.

Понять этого нельзя. И не должно в наши дни понимать.

— А летом им тоже играть негде: площадок нет, свалка рядом.

— Школьники наши уроки делать на полу или на кроватях пристраиваются: стол же письменный в комнате не поставишь.

В голосах уже безнадежность и отчаяние.

ВО ЧТО ОБХОДИТСЯ
РАЗРЫВ
МЕЖДУ
ЗАБРОШЕННЫМ ОБЩЕЖИТИЕМ
И ПЕРЕДОВЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ

— Мы уже до того дошли, что готовы самовольно занимать освобождающиеся комнаты. А что? Уедет Халилова, проблем дверь в стене, объединим две комнаты. Пусть делают, что хотят.

Когда-то они еще верили в перемены, сейчас махнули на все рукой.

10 вечерам в общежитие приходит техникка Сари Ибрагимова. Моет коридор, в кухнях наводит порядок должны сами жильцы.

— Плохо стали убирать, — чуть слышно ворчит Ибрагимова. — Ни за чем не следят. А убирать надо, а то тут совсем плохо будет. Раньше субботники устраивали, уже два года никто не выходит.

Она прибрала в кухне, где стены покрыты черным налетом жирной копоти, сломанные розетки болтаются на проводах, а у плит работает едва половина горелок. Но тут же прибежавший за водой ребенок чуть задел крайнюю раковину, та свалилась с прогнившей трубы, и грязная лужа попала на полу.

— У нас все так, — махнул рукой кто-то из взрослых. — Сантехник уже делать ничего не хочет — сгнило все, менять надо. А кто будет менять? Ковровый про нас забыл.

Вот так просто и необъяснимо — предприятие забыло о тех, чьим трудом стало сильным.

И вот ведь никак нельзя сказать, чтобы на ковровом вообще не думали о жилье, детских садах, столовых, пионерских лагерях. И делают, казалось бы, не так уж мало. Когда несколько лет назад заселяли общежитие № 2, объединение гремело по всей республике. Его ставили в пример. Общежитие вышло на славу — с подсобками в каждой комнате, буфетом, парикмахерской, спортивной комнатой. Сейчас объединение строит новую столовую на 400 мест

с залом национальной кухни — имеющихся, весьма приличных, не хватает. Каждое лето к приезду детей обновляется пионерский лагерь. Мне даже «шепнули по секрету», что заместитель директора по коммерческой части Икрамов как-то больше печется об общежитиях, а заместитель по кадрам и быту Сотиболдиев больше других болеет за детские сады.

Не так уж давно генеральный директор коврового объединения Ш. К. Каландаров, его заместитель по быту и кадрам А. С. Сотиболдиев, председатель профкома Е. Л. Казанина, секретарь комитета комсомола И. Шрайбер побывали во всех четырех общежитиях объединения, беседовали с людьми, рассказывали о перспективах — например, о строительстве микрорайона ковровщиков. И хотя объединение в последние годы почти не строило жилья — что такое 170 квартир за всю десятую пятилетку для предприятия, на котором занято более 5 тысяч человек? — люди входили в положение объединения, у них появлялась надежда. И жильцы четвертого общежития тоже решили надеяться. Но попросили о самом необходимом: построить рядом какие-нибудь сарайчики, площадку для детей, душевую — котельная же в трех шагах.

Все это было им обещано. И ничего не было сделано.

Сейчас все объясняется просто: стро-

или громадные складские помещения, которые не были построены в свое время, а после случившегося разорительного пожара стали самым настоящим горящим объектом. И вопрос вроде стоял так: или склады, или полный ремонт общежитий. На все у ремонтно-строительного цеха объединения сил не хватит. А подрядчика для ремонта не нашли. Склады строили хозспособом, всем ковровым миром. Здесь это называется «хошар». Вспоминают сейчас с удовольствием: хорошая работа!

Но на вопрос: «А нельзя ли на ремонт общежития так же навалиться?» — недоуменное молчание в ответ. А потом подробное перечисление причин, почему нельзя — лимиты, подрядчики, фонды...

И получается: в знаменитом общежитии № 2, которое жильцам четвертого представляется раем земным, ремонт тянется уже год. Причем не капитальный, как планировалось, как выделялись средства, а скромный текущий. Целое крыло здесь уже полгода живет без воды.

А в многоэтажном четвертом общежитии все лето меняли наружную проводку на скрытую. Розетки все лето были отключены. Чтобы работал холодильник — а в сорок градусов жары он для семьи первая необходимость, — провода подсоединяли к патронам для лампочек на потолок. Все лето провода под током висели в тесных комнатах, где были дети. К счастью, ничего непоправимого не случилось.

Нет, тут уж не в отношении с министерством, не в поведении подрядчиков хочется разбираться. Тут нужно говорить о другом. Об отношении к людям.

Попался мне как-то в объединении на глаза документ, называвшийся «План по улучшению жилищно-бытовых усло-

вий в общежитиях коврового объединения». План на весь текущий год. Хорошо, что он есть. Хорошо, что в нем есть такие пункты, как ремонт крыш — а то в том же четвертом протекает, — ремонт канализации, оборудование прачечной. Но некоторые пункты вызвали иные чувства. Например: «Утеплить входную дверь». Или: «Установить стойки и натянуть проволоку для сушки белья». Срок исполнения то ли первое полугодие, то ли просто весь год. Ответственные за исполнение — в одном случае заместитель генерального директора по капитальному строительству, а во втором — сам главный энергетик объединения. Размах, солидность!

Да ведь эти-то два дела можно было сделать наверняка за то время, что план составлялся. И нужно было сделать уже много лет назад.

Но и этот план, как считает секретарь комитета комсомола Иосиф Шрайбер, вряд ли будет выполнен. В лучшем случае процентов на семьдесят. И заместитель директора по капитальному строительству А. В. Устюжанин авторитетно подтвердил: вряд ли справимся, сил ремонтно-строительного цеха на все не хватит.

А может, дело все же не только в мощности цеха, но и в том, что сил ему по привычке не хватает именно на общежития? Или вот еще объясняли мне: «Наше предприятие самое крупное в городе. Чуть ли не каждый месяц комиссии. К приезду всякий раз необходимо все подлатать, подмазать, чтобы предприятие смотрелось». И оно смотрится. А в семейном общежитии люди в это время окончательно теряют надежды на улучшения в своей жизни.

Так, может, есть резон в признании Устюжанина: «Как-то общежития оказались у нас в загоне. Мало мы им уделяем внимания. Жильцы их тоже не берегут, кстате».

Что ж, бережного отношения к жилищному фонду добиваться, конечно, нужно. Но сначала надо все-таки создать людям хотя бы сносные условия. Беречь человек может то, что стоит беречь.

Есть еще одно объяснение столь горестной судьбы четвертого общежития. Такое: ведь оно вроде как бы и не совсем общежитие. Предприятию принадлежат здесь только плиты на кухне. Все остальное в комнатах — самих жильцов. Здесь нет вахтера, комендант только наведывается. Ну, вот и сложилось к этому общежитию такое отношение. Другим объединение всегда поможет — мебель нужна или что иное. Решил комитет комсомола создать во втором общежитии дискотеку — выделили несколько тысяч...

Объяснение, никакой ясности не внесшее.

Да и что тут можно объяснить! Стыдиться такого нужно. И исправлять положение, не теряя ни дня.

«Кайраккум славится своими ковровщиками. Люди хорошо работают, выполняют все задачи, которые ставятся перед ними, значит, они вправе требовать от нас соответствующей отдачи. А мы не всегда можем их требования удовлетворить. Вроде бы делаем, что можно. Но делать, видимо, надо больше», — так начался наш разговор с генеральным директором Ш. К. Каландаровым.

Прежде он долго работал на ковровом главным инженером. Инженер он, по общему признанию, дельный. И понятно его первоначальное желание решить вопрос с общежитием на Ленинадской, 47, по инженерному — радикально, разом. Или снести, или перестроить — сделать из трех комнат по две, но с подсобными помещениями и прочими удобствами. Не получилось разом, отложилось, затянулось. Нельзя решить радикально? Будем ждать возможности. А по мелочам возиться было неинтересно. И вот люди, находящиеся в тяжелейших условиях, оказались забытыми. Хотя если по-человечески, то именно им и нужно было

оказывать максимальное внимание, поддержку, помощь. Место-то самое больное! Средства, лимиты, стройматериалы посчитали. А человека, его боли и чувства забыли. Они в расчет не уложились.

Рассказывая о трудностях с жильем, Каландаров признал, что во многом они результат просчетов. Например, набирая пополнение в близлежащих поселках из молодежи местной национальности, посчитали, что сильно очередь на жилье она не увеличит. Согласно обычаям, молодые станут жить с родителями, а если придется отделяться, будут строиться там же. Следовательно, останется только организовать надежное автобусное сообщение. Забыли, что колхозы не выделяют землю под строительство для тех, кто работает в городе. Очередь за жильем выросла еще. Хотя она здесь такая, что в профком просителям из того же общежития № 4 с чистой совестью говорили: «Что вы хотите? У нас фронтовики, ветераны войны никак жилья получить не могут».

Несколько лет назад объединение вместе со строительством второй очереди построило общежитие, несколько жилых домов. Министерство легкой промышленности республики посчитало, что хватит пока. А объединение настаивать, бороться за жилье не решилось. Словно не знал никто, что в области очень высокая рождаемость, семьи растут, строить надо непрерывно, притормозили на год-другой строительство — разрыв становится просто губительным. Так, сейчас в общежитии с названием «девичье» живет уже 58 семей. Больше им жить негде.

В планах коврового объединения — рост предприятия, увеличение числа работающих. Если сегодня не заняться жилищной проблемой как главной, последствия будут труднопредсказуемыми. Но почему-то действует странная практика: решать другие проблемы за счет жилья. Не только проектируемого, но и существующего. Например, под ПТУ, опорный пункт милиции, почту, филиал техникума отдаются этажи и комнаты перенаселенных общежитий. Почта и опорный пункт, безусловно, необходимы. Но почему так легко находится каждый раз один и тот же выход — за счет жилья?

В отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии есть строка: «Надо улучшить условия труда и быта работников легкой промышленности». Подчеркнем: **труда и быта**. Одно связано с другим неразрывно.

А что получилось в Кайраккуме? Мощное, современное, передовое, процветающее объединение годами не предпринимает ничего, чтобы помочь довольно многочисленной группе своих кадровых работников, живущих с детьми в совершенно ненормальных условиях. Об этих условиях известно дирекции, профкому, а люди не могут дожидаться не то что помощи, но и слова участия.

Съезд партии позицию руководителей, считающих заботу об улучшении условий труда и быта людей чем-то второстепенным, побочным, охарактеризовал со всей прямотой, назвав «вредной, неверной». Еще раз настойчиво напомнил: «Конкретная забота о конкретном человеке, его нуждах и потребностях — начало и конечный пункт экономической политики партии».

Поэтому нет сегодня вопроса, как решать социально-бытовые проблемы: как главные или второстепенные? Недопустимо своими руками создавать разрыв между условиями работы и условиями жизни. Каждый факт такого разрыва должен становиться предметом особого внимания, тревожного беспокойства. Реагировать на него можно только конкретной и немедленной помощью. Ошибки и просчеты тут непростительны так же, как и равнодушие. Потому что и то и другое бьет по людям, портит им жизнь. Не дает жить так, как они заслужили своим трудом.

МЕРЫ ПРИНЯТЫ

Рабочим отвечает министр

«Уважаемая редакция! Весной прошлого года местная печать пообещала: мол, в четвертом квартале в городе будет работать еще одна программа телевидения. Сейчас у нас всего одна программа. Надо сказать, информационный мир, сопутствующий нашей жизни, небогат. Местное радио работает нечетко: обычно утренняя программа начинается не с 6 утра по нашему времени, а с опозданием на 10—15 минут, и если люди понадеются на него, то опоздают на работу. А с 16 до 17 часов — радиопередача, которую заполняют местные «радиолоубители». В эфире звучат их переговоры, они «гоняют» музыку низкого сорта. Кто должен пресечь все это, наладить работу городского радиовещания, добиться еще одной программы телевидения?»

Малыры-штукатуры из 11-го общежития 4-го микрорайона. Нижневартовск Тюменской области

«Министерство связи СССР рассмотрело письмо в редакцию журнала «Смена». В целях расширения зоны приема и организации трансляции второй телевизионной программы в г. Нижневартовске ведется строительство нового технического здания для передающей ТВ станции. Поставка передающего устройства для второй ТВ программы предусматривается во втором полугодии 1982 года, в связи с чем ввод передатчика может быть осуществлен в первом полугодии 1983 года.

Сообщение в местной газете об организации в 1981 году трансляции второй программы телевидения в Нижневартовске не было согласовано с Тюменским областным производственно-

техническим управлением связи (ПТУС), как это предусмотрено правилами публикации подобных материалов, и в результате оказалось ошибочным.

Перерыв в работе Нижневартовского радиотрансляционного узла с 16 до 17 часов местного времени предусмотрен расписанием работы и поэтому не является нарушением.

Тюменскому ПТУС дано указание проверить работу радиоузла и установить наблюдение в 4-м микрорайоне города для выявления радиохулиганов».

В. ШАМШИН, министр связи СССР

Если жалоб идет поток

В редакцию пришло письмо от группы сотрудников инспекции Госстраха Железнодорожного района г. Симферополя. В нем шла речь о нездоровой обстановке, сложившейся в коллективе.

Редакция направила письмо в Симферопольский горком Компартии Украины.

«Бюро Железнодорожного райкома партии г. Симферополя на своем заседании рассмотрело вопрос «О письмах и жалобах, поступивших из районной инспекции Госстраха».

За некорректный подход к оценке своей работы, упущения в дисциплинарной практике, нарушения порядка поощрения сотрудников по результатам социалистического соревнования члену КПСС, начальнику инспекции Госстраха района Г. Б. Яковенко объявлен выговор с занесением в учетную карточку.

Задачи парторганизации по выполнению постановления бюро Железнодорожного райкома партии обсуждены на закрытом партийном собрании первичной парторганизации инспекции.

В выступлениях большинства коммунистов отмечалось, что главной причиной потока жалоб являются упущения в работе начальника инспекции тов. Яковенко, ее несдержанность, а в ряде случаев — предвзятое отношение к отдельным работникам. Здесь же критиковалась деятельность секретаря парторганизации тов. Багина и председателя местного комитета профсоюза тов. Курилец, отмечалось, что воспитательная работа в коллективе поставлена слабо.

Собрание обязало членов КПСС тов. Яковенко, Багина, Курилец принять эффективные меры по созданию в коллективе здоровой, деловой обстановки».

В. ЖЕЛУДКОВСКИЙ, секретарь Симферопольского горкома Компартии Украины

Вот как бывает...

Редакция получила письмо от читателя, шестнадцатилетнего Алексея Дудки из г. Ровно. Алексей восемь лет воспитывался в интернате, затем окончил профессионально-техническое училище и стал работать каменщиком. «После окончания училища у меня была возможность переехать домой, — пишет Алексей. — У меня плохое здоровье, но вот беда: дом родной для меня закрыт. Отца у меня нет, а мать живет с отчимом, и для них я совсем чужой. Посоветуйте, как быть?»

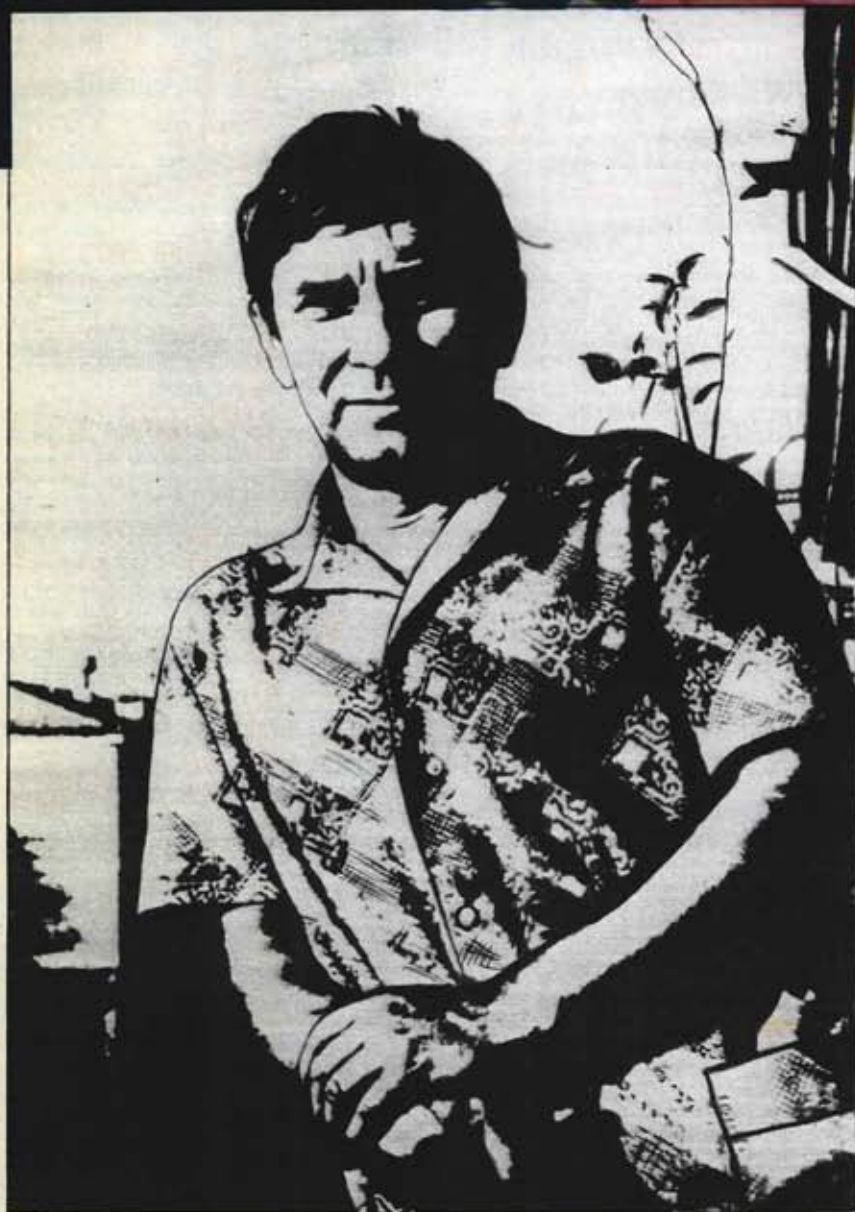
Редакция направила письмо в Ровенский горком ЛКСМ Украины с просьбой по возможности помочь молодому человеку, поддержать его.

Вот что нам ответил секретарь горкома комсомола Ю. Зуйков:

«В письме А. Дудки все верно... Над Алексеем взял шефство комитет комсомола колхоза «Ровнопромстрой». Алексей переведен на работу во Дворец культуры. Теперь он работает в коллективе с добрыми традициями, где люди заботятся друг о друге, умеют интересно отдохнуть. Алексей живет в рабочем общежитии, получает зарплату 100 рублей. А Дудка вступил в ряды ВЛКСМ».

Желаем тебе удачи, Алеша!

ЧТО ЗНАЧИТ ЖИТЬ ТАЛАНТЛИВО

Человек страстно хочет гармонии мира труда и мира желаний. Он всю жизнь изучает территорию своего «я». Но в итоге почему-то остается изрядное число белых пятен!.. Один меняет профессии, получает диплом за дипломом, другой пытается расширить содержание того, чем он сегодня занят...

«Душа обязана трудиться...»

И способность подчинять себе течение времени, в поисках все новых пространств для своей трудолюбивой души, не гонясь за красивой «упаковкой» работы, а глубже вникая в ее внутренний смысл,— своеобразная формула мужества.

Каждая персональная выставка художника Льва Фирсова становилась событием не только для ученых Сибирского отделения Академии наук СССР, но и для всех жителей Новосибирска.

Стихи Льва Фирсова переписывали в блокноты молодые геологи.

Имя доктора геолого-минералогических наук Льва Васильевича Фирсова широко известно и в нашей стране и за рубежом. Результаты его исследований обобщены в 250 опубликованных научных работах.

Предлагаем вам рассказ четырех академиков об увлеченном человеке, успевшем очень много сделать в науке, поэзии, живописи. Он всегда относился к своим стихам и акварелям, как к продолжению науки другими средствами. И однажды выяснилось, что любитель давно уже стал Мастером.

Мое время

Не верю в то,
что время неизменно,
Что бег его зависит не от нас,
Равны года друг другу
в вечной смене,
И дни равны, похожи час на час...
Тебя не вижу—
как же медлит время!
Тягуч его необратимый ход.
Мгновений нет,
когда разлуки бремя
Длину секунд растягивает в год,
С тобою я—
минуты слишком быстро
Текут сквозь пальцы,
как сухой песок.
Как краток миг, не длительней,
чем выстрел,—
Судьбой свиданью
отведенный срок.
Пусть в этой, в прошлой,
в будущей Вселенной
Законы мира общи и просты.
Но для меня,
в надежде сокровенной,
Пространство—ты и время—
только ты!

ОТКРЫТИЕ ОГНЯ.

ЗАКАТ.

Владимир МЕННЕР,
академик, заместитель директора
Геологического института АН СССР:

—...На свете есть одни поэты!—утверждал мой старый товарищ.—Просто не всем обстоятельства позволяют раскрыться вовремя и в полную меру их дарования!

Леву Фирсову, в первый послевоенный год открывшему своим докладом сессию студенческого научного общества Московского геологоразведочного института, обстоятельства мешали, пожалуй, как никому.

После защиты диплома ему пришлось заниматься вовсе не тем, к чему он себя готовил в студенческие годы. Но в результате свершившегося поворота он и на «чужом поле» стал «играть» не менее успешно. «Палеонтология—не мужское занятие!»—сказал ему кто-то из начальников, когда Лев прибыл в Магадан.—Займитесь золотом». Знал бы он тогда, что поселяет в дружном клане «золотарей» одного из самых шумных после знаменитого геолога Билибина возмутителей спокойствия.

В конце пятидесятых годов мне довелось несколько раз посетить Магадан в связи с занимавшими меня тогда проблемами. И я очень порадовался, увидев, что «мальчик», в студенческие годы с такой горячностью искавший свой «Тулун», уже близок к цели. Мы ходили на лыжах по самой южной на планете тундре, окружающей Магадан, я смотрел, как он рисует, сопровождал его в тир, где он демонстрировал снайперскую точность стрельбы. Ныне нашу-мевшая его работа о черных сланцах мезозойской толщи—носителях золота была еще впереди. И, рассказывая о своей текущей работе, Лев иронизировал: «Мы все глядим в Наполеоны!»

Еще в студенческие годы он находил новое там, где никто ничего и не собирался искать...

В учебных планах геологических специальностей с незапамятных времен присутствует более развлекательная, нежели имеющая действительную ценность крымская практика. Студенты познают азы профессии—картирование геологических слоев на хрестоматийной «Таврической формации».

Возраст формации был определен весьма приблизительно. Тогда, в конце сороковых годов, еще не существовало сколько-нибудь точных методов определения возраста геологических структур.

Но надо же—Лев смог отыскать несколько весьма редких образцов породы, про возраст которых можно было сказать что-то определенное. Тут я отметил и хватку молодого человека и его эрудицию. И подумал, что от судьбы рядового поисковика он скорее всего будет избавлен; его удел—большая научная стратегия.

По возвращении в Москву в бюллетене Московского общества испытателей природы появилась первая статья Фирсова. После чего он надолго погрузился в дебри палеонтологии.

О палеофиты, которыми занялся студент Фирсов, обломали зубы многие ученые мужи... Но он сумел выдвинуть и оригинально обосновать свою собственную гипотезу. На его студенческую статью о водорослевой структуре палеофитов до сих пор ссылаются в научной литературе.

После третьего курса он проходил практику на Дальнем Востоке. И его буквально поразила приамурская тайга. Он там увлекся вопросами структуры флоры, миграцией растений с континента на континент, опусканием морского дна вдоль параллелей островных дуг в северной части Тихого океана... Из всех этих палеогеографических вопросов вытекали догадки о закономерностях заселения Америк. Тогда о субконтиненте, названном Берингией, только начинали говорить. Фактического материала у исследователей в общем-то не было.

Когда зашел разговор о распределе-

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ.

Мачты лиственниц—вдоль по увалу,
В поймах рек—тополевые свечи.
День за днем, от привала к привалу
Лямки давят гудящие плечи.
Непрерыв комариного жуда,
В кровь расчесана шея от яда,
Но шагаешь, как робот, покуда
Не иссякнут амперы заряда.
Эй, романтики дальних скитаний!
Как вам нравится эта работа:
Допоздна от предутренней рани—
По тайге, по горам, по болотам?
Молотком сокрушая породу,
Израсходовав брус аммоната,
Проклинаешь себя, и природу,
И ничтожные блестящие металлы.
На коленях у речки, в поклоне,
Смоешь груды песка через силу,
И тогда засияет в ладони
Желтый дьявол подобно светилу,
У костра, под развезданным небом,
В самом центре громадного края
Пробавляешься каменным хлебом,
Котелком голубичного чая.
А наутро... опять вдоль увала,
Где кедровый кудрявится стланник,
Начинаешь тропить все сначала,
Будто ты—очарованный странник.

Против стотысячных
Ксерксовых сил,
Ведая каждый, что будет убит,
Стали заслоном вблизи Фермопил
Триста спартанцев и царь Леонид...
Срок наш ничтожен,
Нам вечно не жить,
Все в свое время из мира уйдем,
Но от былого к грядущему нить
Памятью тянем, сегодняшним днем.
Не возлагая надежд на богов,
Зная: для смертных
Бессмертия нет,—
Мы оставляем в звучании слов,
В знаках письма нестираемый след.
Нам удалось одолеть тебя, Хрон,
Врезав суть жизни
В короткой строке—
Дату рожденья и день похорон—
В камне, в металле,
В бумажном листке.
Пусть наши кости
Рассыплются в пыль,
Пусть наши души
Растают во тьме—
Явью предстанет туманная быль
Взору чьему-то и в чьем-то уме
Из эпитафий, из мифов, из книг—
Вот наша исповедь, дел пересказ!
Да, мы живем на Земле только миг,
Но и забвенье и смерть не для нас
И не для них, в беспримерном бою
Павших,—их память Эллады хранит:
В вечность шагают
Бок о бок в строю
Триста спартанцев и царь Леонид!

САПУН-ГОРА.

нии, Фирсов буквально потребовал от править его на Дальний Восток. Но отношение к нему комиссии было настроенным, и вместо Приамурья он попал в Магадан.

Там ему пришлось заняться рудной геологией. И в ней он выбрал самый трудный раздел—геохимию, которая закономерно привела его к проблеме определения абсолютного возраста изверженных пород. И создал вскоре прославившуюся на всю страну лабораторию.

Николай ШИЛО,
академик,
председатель президиума
Дальневосточного
научного центра АН СССР:

—...В пятьдесят третьем году весной я узнал, что из научно-исследовательского сектора геологоразведочного управления «Дальстроя» собираются выгнать молодого сотрудника. Мне он был совершенно неизвестен, но люди, мнению которых я доверял, утверждали: парень очень способный.

И вместо того, чтобы отправиться в поисковую партию на Чукотку—в район, считавшийся в ту пору абсолютно бесперспективным с точки зрения золотосности,—Лев Фирсов оказался сотрудником очень молодого тогда ВНИИ золота и редких металлов. Созданный для разработки технологических схем обогащения различных руд, добываемых вокруг Магадана, институт начал в то время собирать под своей крышей неплохих геологов.

Не могу сказать, чтоб новичок так уж сразу начал блистать. И вообще старого

магаданца, имевшего дело с такими титанами, как Билибин, Болдырев, Зверев, Обручев, трудно было чем-либо удивить.

Но удивляться пришлось-таки. Молодежь, прибывшая в Магадан после войны, несла с собой не только новый профессиональный язык—следствие общих сдвигов в геологической науке, но и удивительную внутреннюю свободу, несколько иной стиль человеческих отношений, от которого мы, признаться, несколько отвыкли.

Нас, «довоенных», тоже нельзя было назвать замшелыми таежниками—не так уж давно мы сами покинули берега Невы и академии Москвы. Но появление новичков заставило задуматься над тем, что не все совершенно в наших «Афинах».

Разделение на тех, кто приехал до войны и после войны, в значительной степени определяло и подход к оценке жизненных явлений, и круг общения, и методы самоутверждения. Замкнутость среды, в которой мы не один год работали, сознание собственной исключительности порождали изрядную инерцию мышления и профессиональный консерватизм.

Однажды вечером, проходя по коридорам института, я услышал из-за плотно прикрытой двери что-то вроде декламации.... Стишок был веселый, и в нем, между прочим, были такие строки: «Конференция решила до конца дослушать Шило...» Сначала я хотел обидеться. Но быстро взял себя в руки. И на состоявшейся вскоре институтской конференции, обсуждавшей итоги года, доклад Фирсова слушал с особым интересом. Тогда впервые обратил внимание и на его блестящую манеру излагать свои мысли и на его популярность среди геологов города. Многие специально приходили его послушать.

По моей просьбе Фирсов занялся проблемой определения абсолютного возраста изверженных пород и освоил в совершенстве весьма сложные по тем временам методики. Так, его стараниями у нас возникла одна из первых в стране лабораторий геохронологии, ставшая для института и геологов Северо-Востока примерно тем, чем для мореплавателей—изобретение компаса.

Позднее я узнал, что Лев пишет не только эпиграммы, но еще и очень умные стихи. Предметом поэзии становились и его собственные находки, и сам процесс научного поиска, и отзвуки только что отбушевавших дискуссий. Сама специализация его—геохронология—как бы подталкивала к аналогиям, сравнениям, наведению поэтических мостиков между различными эпохами. Он не выдумывал каких-то новых слов и обходился самой малостью научных терминов.

В наших отношениях не было идилии. Я не тянул на доброго пастыря. Так же как Лев—на очарованного странника. Но мне до сих пор кажется, что мы были примерно в равной степени необходимы друг другу.

В пятьдесят восьмом в Магадане проходило первое Всесоюзное совещание по производственным силам Севера. На него прибыли «отцы-основатели» Сибирского отделения Академии наук СССР академики С. А. Христианович и А. А. Трофимук. Фирсов вместе со своим «вторым я»—Измаилом Карташовым помогал мне в подготовке доклада, где мы доказывали, что Северо-Восток нужно не закрывать, как предлагали некоторые, а открывать дальше.

И он первым понял степень интереса гостей к увиденному ими: «А почему бы в финале не поставить вопрос об организации в Магадане академического института? В конце концов мы давно переросли технологические рамки! Люди могут гораздо больше, чем то, что они делают сейчас...»

А потом мы вместе создавали этот институт из молодых ребят не старше тридцати лет и хорошо в нем работали... Но он все же уехал, оставив после себя коллекцию печатных трудов, прибавивших институту известности, немало уче-

ников, до сих пор хранящих как реликвии листы своих первых отчетов с пометкой Фирсова «Хорошо!..», и тетрадки, наполненные любовными сонетами и ироническими балладами о всемогущих и загадочных сотрудниках ВАКА.

Через несколько лет я был оппонентом на защите им докторской диссертации. И в очередной раз подивился смелости его мысли да и его таланту «дразнить гусей». Он выдвинул не больше не меньше, как новую теорию образования золотых месторождений... Уже много лет была привычной схема, согласно которой золото, образующееся в глубинных мантиях земной коры в результате вулканических или еще каких-либо процессов, выносится с гидротермальными водами на поверхность планеты и оседает в разнообразных природных ловушках.

А Лев, много занимавшийся углеродистыми черносланцевыми отложениями, доказал, что они лучше других впитывали золото из Мирового океана, а потом вода при тех или иных обстоятельствах из породы уходила, унося с собой гомеопатические дозы золота.

Не все в его теории было бесспорно, но основные его положения было трудно опровергнуть... Диссертация была встречена в штыки некоторыми членами экспертной комиссии ВАКА, много лет пропагандировавшими прежнюю версию.

В иронических балладах, относящихся к этому периоду, он демонстрирует великолепное чувство юмора.

Александр ЯНШИН,
академик, заместитель директора
Института геологии и геофизики
Сибирского отделения АН СССР:

...Несколько лет назад я помогал Льву Васильевичу Фирсову «пробивать» книгу «Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического» в Сибирском отделении издательства «Наука». Между двумя основными разделами в ней удалось опубликовать большую поэму «Херсонес — Корсунь — Херсон» — размышления автора над историей конфликтов разных времен. Под одной обложкой собрались большая наука и поэзия.

Автор выстроил в строгий ряд все важнейшие события в истории города, который осаждали многие. И в том числе Владимир Красно Солнышко.

Первая версия осады Владимиром города и последствий этой осады изложена в «Повести временных лет», относящейся к XII веку. Но потом ее столько раз и так сильно подправляли, что в конце концов раздалась возгласы, что-де автор «Повести» искажил историческую правду и вообще он чуть ли не плагиатор. Литературно и идейно обработанная версия пробовала противопоставить чуть ли не единственным мотивом похода Владимира на Корсунь желание князя обратить Русь в христианство. Как же иначе писать о князе, причисленном к лику святых?

Но Фирсов, не один отпуск потративший на развалины Херсонеса, обнаружил в «слое киевской осады» лишь следы пепелища. Сжег Владимир греческий город, а все остальное — монархическая липа. «Нельзя отрицать», — писал он в своей интереснейшей книге, — что Владимир был дипломатом, но был он еще и деспот и завоеватель с привычками к крови, грабежам и разромам».

И что б ему просто написать: «Обнаружены угли, относящиеся к периоду между 900 и 950 годами!» Но как раз нежелание оставаться «в рамках» увлекло его археологией, поэзией, живописью, позволило достичь неожиданных результатов. Даже в количественном отношении эти результаты внушают почтение — все-таки больше 250 серьезных научных трудов.

Если взглянуть на геологическую карту страны, то к северо-востоку от Лены

будет видно большое число красных пятен, обозначающих выход на поверхность земли гранитоидов. А проявления золота и олова — основных для северо-востока минералов — и связаны в основном с гранитами.

Но какие из пятен перспективны для поиска, а какие нет?

Тут нужно или влезать в детальную минералогию горных массивов, или заниматься определением их абсолютного возраста.

Лев отправился сразу обоими путями. Он выделил разновозрастные генерации гранитов и установил, какие из них рудоносны, а какие нет. В пределах одной рудоносной генерации уже проще вникать в минералогические тонкости.

Исследования, выполненные Фирсовым, имели большое значение для поиска месторождений коренного или жильного золота. Со времен Билибина, отправившегося на поиски жильного золота, но везде наткнувшегося в основном на россыпи, эта проблема была одной из самых серьезных в геологии.

Все шестнадцать лет нашей с Фирсовым совместной работы — это годы моего почтительного удивления перед обширнейшими познаниями и поразительной практической квалификацией этого человека.

В начале шестидесятых годов, когда институты Сибирского отделения по-прежнему расселились в собственные корпуса, мы заметили неладу в деятельности нашей лаборатории геохронологии. Постепенно мы убедились, что верить данным, выходящим из лаборатории, нельзя. А это значит, что мы не можем правильно подходить к оценке рудных массивов в разных концах Сибири.

Между тем было известно, что в Магадане кускам каменной глыбы, рассылаемый из Москвы, ставятся очень точные «диагнозы». Про Льва Фирсова мы тогда знали мало, но высоко ценили его работы, регулярно появлявшиеся в научной периодике... Пока еще толком ничего не решив, мы послали Фирсову письмо с просьбой, чтобы по дороге на юг, где все свои отпуска он посвящал раскопкам Херсонеса, остановиться в Новосибирске.

Он прислал телеграмму, что встретиться согласен. И в июле шестидесяти четвертого года у меня собрались академики Б. С. Соколов, Ю. А. Кузнецов и прилетевший из Магадана Фирсов. Он делился своими планами на отпуск, рассказывал, что за два месяца едва ли раз успеваешь искупаться в море, увлекался археологией Крыма от четвертого до четырнадцатого веков — от скифо-сарматского до гунзунского периода. Ему и здесь сопутствовала удача, он уже выиграл несколько сражений относительно подлинности дат некоторых событий, имеет публикации по археологии.

Лев Васильевич вез с собой небольшой альбом художественных набросков, и его работы произвели на меня большое впечатление. Он увидел в моей библиотеке много сборников стихов. И как-то сам собой завязался разговор о поэзии. Фирсов обнаружил великолепную осведомленность о всех последних новинках, блестящее чувство слова. И я, тогда еще не зная его стихов, вдруг подумал: «Любопытно бы почитать его собственные вещи!»

Академики проводили гостя, пожелав ему хорошо провести отпуск. А когда самолет поднялся в воздух, я сказал коллегам: «Надо его брать к нам. Мыслит человек очень интересно. А с качеством его мышления мы знакомы...»

Меня поддержали, и появилась служебная записка на имя академика Трофимука, в качестве первого заместителя председателя СО АН СССР руководящего деятельностью периферийных институтов отделения. В ней мы писали, что Фирсов крайне необходим в Новосибирске, что в Магадане он вырастил себе хорошую замену, а потому мы не разорим магаданского института.

Зимой шестидесяти четвертого года

Лев прилетел в Новосибирск, и потянулись шестнадцать лет прекрасной работы. Выяснилось, что он может все — от глубоких расчетов до монтажных работ. И все это на фоне широчайшей эрудиции.

Сначала он наладил калий-аргоновую «диагностику» горных пород. И к нам в институт стали посылать образцы минералов для определения их возраста. К ответам, направляемым адресатам, Лев Васильевич всегда прибавлял комментарий о степени достоверности полученных данных. Ведь изотопы радиоактивного аргона, выпадающие из калийсодержащих руд, при высокой температуре выгоняются из минерала, и руды часто оказываются «омоложенными».

Забота о достоверности данных привела к тому, что Фирсов занялся более точными радиоуглеродным, рубидиево-стронциевым и изотопно-свинцовым методами определения возраста геологических формаций. А это каждый раз новый поход в дебри физики, точной механики и других очень далеко отстоящих от геологии областей знания. Он рассчитывал, чертил, паял, монтировал... Казалось, он умеет все.

Перебравшись из Магадана в Новосибирск, Лев Васильевич примерно год жил у меня в коттедже. До тех пор, пока не решился вопрос с квартирой и ему не удалось перевезти в Академгородок жену с сыном, я имел возможность наблюдать вблизи этого в высшей степени интересного человека.

Казалось, он ни минуты не сидит сложа руки. Выходные посвящал либо стихам, либо живописи. Меня просто поражали созданные им венки сонетов. Он в совершенстве освоил труднейшую поэтическую форму, введенную еще Петраркой. И по-моему, в них особенно явно виден масштаб Фирсова-поэта.

Каждое его новое увлечение выливалось в нашу долгую вечернюю, а то и ночную беседу, а потом и в доклад в стенах Дома ученых. Лев Васильевич быстро стал председателем художественной секции дома. Его вкус и его мнение, как правило, определяли, кого приглашать в Академгородок — артистов, художников, писателей.

Андрей ТРОФИМУК,
академик,
первый заместитель
председателя СО АН СССР,
директор Института геологии
и геофизики:

— Широко бытует мнение, что геология — это романтическая профессия. В известной мере это так. Трудности дальних маршрутов и опасности, подстерегающие геолога в горах и на речных стремнинах, в тайге и тундре, на поверхности земли и в глубоких подземных выработках рудников, особый быт полевых биваков с ночевками под звездным небом, порой многомесячная оторванность от обширных людских коллективов и напряженного темпа городской, насыщенной событиями жизни — все это, естественно, настраивает человека на романтическое восприятие окружающего, будь то природный ландшафт или маленькая группа людей, именуемая экспедиционным отрядом. При этом нельзя забывать, однако, ни гнетущей серости моросящих дождей, ни назойливого, изматывающего нервы комариного зуда, ни двухпудовой тяжести рюкзака за натруженными плечами, ни беспредельной усталости в конце долгодневного пути.

Все это рождает у человека желание — тем более сильное, чем необычнее обстановка, — не только достойным образом исполнить свои профессиональные обязанности и решить поставленные перед ним задачи, но и надолго запомнить условия и обстоятельства своей работы, выразить свое отношение к ним и поделиться своими впечатлениями с другими. Я не удивляюсь тому, что именно среди геологов, первоклассных

специалистов в своей области, есть много лиц, пишущих и в прозе и в стихах, всерьез занимающихся живописью и графикой, достигающих успеха в художественной фотографии, отдающих досуг резьбе по камню и дереву, скульптуре и керамике.

Л. В. Фирсов — геолог, немало повидавший за годы своих многочисленных поездок и экспедиционных работ. Север европейской части страны и Урал, Карпаты и Крым, Кавказ и Приморье, бассейны Колымы, Индигирки, Чукотка и суровое Охотское побережье... Экспедиции в студенческие годы и три десятилетия самостоятельных научных исследований... Полевые дневники, заполненные не только геологическими записями и зарисовками обнажений горных пород, металлоносных жил, но и торопливыми набросками карандашом, пером, фломастером характерных черт ландшафтов сухопутья и морских берегов, сцен экспедиционного быта и портретов коллег и незнакомых людей... Малоформатные альбомы — как раз для кармана штормовки или для полевой сумки — эскизов, детализировок, зачастую едва намеченных скрупами штрихами пейзажей, далеко не все из которых впоследствии будут отобраны автором для акварелей и листов графики...

В художественном творчестве Л. В. Фирсова находят ясное отражение характерные особенности знакомых ему мест. Его творчество реалистично, но

СИЛА ЖИЗНИ

Радиоуглерод

Глухая ночь
метелит за окном.
Приборов зуд
сверлит виски и темя.
Пора бы спать,
но я борюсь со сном
И не свое —
чужое мерю время.
Десятки,
сотни ампул на столе,
Как урны с прахом
в колумбарном холле.
Кто жил когда-то
где-то на Земле,
Растворены
до атомов в бензоле.
Вот — кроманьонец;
с палицей в руках
Зарыт в слоях
подскального навеса;

Леонид ФЛОРЕНТЬЕВ

В почте международного отдела нашего журнала немало писем, в которых читатели просят рассказать о различных сторонах жизни современной Америки, о проблемах и конфликтах, определяющих социальную и политическую ситуацию в государстве, претендующем на роль «лидера» в мире капитала.

Вот одно из писем:

«Уважаемая редакция «Смены»! Уже долгое время со страниц печати не сходит название американского города — Атланта. Оно стало чем-то вроде кошмарного символа расового террора. Есть ли какие-то особые отличия у этого города, предопределившие ту беду, в которую попали там чернокожие дети? Делается ли что-нибудь, чтобы пролить свет на причины и виновников трагедии?»

Об этом спрашивает военный служащий Виктор Красиков.

Предлагаю вниманию читателей очерк «Атланта: Америка против Америки», мы просим вас написать, о каких международных событиях, о каких странах вы хотели бы прочитать на страницах «Смены», что в жизни, труде, борьбе зарубежных сверстников вас особенно интересует.

Итак, отвечаем на письмо Виктора Красикова...

АТЛАНТА: АМЕРИКА ПРОТИВ АМЕРИКИ

Кто-то говорил, а кто-то верил, что этому городу суждено стать воплощением идей «нового Юга» Соединенных Штатов, моделью, покоящегося на принципах «равных возможностей» и всеобщего благоденствия, символом процветания и прогресса. И вот именно здесь разыгралась трагедия, превратившая Атланту в средоточие боли для тех, кто честен.

«Если вы не были в Атланте всего месяц — вещают, заходясь от восторга, «отцы города» — вернувшись, вы не узнаете Атланты». Да, облик города меняется с каждым днем. Позавчера, допустим, самым высоким зданием была башня страховой компании «Эквитиэл иншурэнс», вчера — колоссальный стеклянный куб «Коустл стейтс компани», сегодня над городом царит голубоватый цилиндр отеля «Пичтри плаза», а завтра его затмит сверкающий многогранник «Джорджия пасифик корпорейшн».

Вам растолкуют, что Атланта — динамично развивающийся центр деловой активности, что для начинающих бизнесменов этот город представляет собой своего рода промежуточную станцию на пути к коммерческому триумфу, а в деловых кругах слова «мистер Смит начинал свою карьеру в Атланте» будут восприняты как лучшая этому предпринимчивому Смигу рекомендация. И не преминут заметить, что по темпам своего развития Атланта оставила далеко позади другие крупные города.

«Новый Юг», увы, хранит на себе неизгладимый отпечаток недобрых традиций вековой давности. Отпрыски старых семей, до сих пор переживая поражение от «янки» в Гражданской войне 1861—1865 годов, упорно разъяняют приездом, что местный стадион «Грант-парк» назван так «вовсе не в честь этого ужасного генерала» (в годы Гражданской войны генерал Улисс Симпсон Грант, впоследствии 18-й президент США, был главнокомандующим армией Севера).

В роскошном кинотеатре «Фокс», где толпы изукрашены сверкающими звездами, а в холлах установлены огромные каминные уютно потрескивающими поленьями, дают специальный сеанс фильма «Развенчанные витреллы», поставленного по книге Маргарет Митчелл. Сеанс устроен с благотворительными целями: выручка решено было пустить на нужды местного госпиталя. В набитом битком зале тут и там виднеются одеяния членов ку-клукс-клана, явившихся на просмотр при полном параде и не желавших снять хотя бы свои колпаки на время сеанса — несмотря на жалобы сидящих сзади, кому эти предметы расистской амуниции не то чтобы были не по душе в силу каких-то моральных соображений, а просто мешали следить за происходившим на экране...

Белая молодежь, составляющая большую часть аудитории, своей реакцией на перипетии фильма убедительно доказывает верность заветам конфедеративных штатов: гневно шикает на «злодея» Шермана, генерала армии северян, и восторженным «оу!» встречает появление на экране «незабвенного» Джефферсона Дэвиса, президента конфедерации рабовладельческих штатов. К чернокожим же персонажам картины большинство зрителей относятся единодушно как к некой данности, с существованием которой приходится мириться, которую следует с максимальной отдачей использовать в своих интересах, которую, наконец, можно превращать в объект шуток, беззлобных или не совсем, но, конечно, не допуская и мысли, что между белыми и черными могут иметь место отношения, хотя бы отдаленно напоминающие равенство.

Глубоко уходит корнями в традиции некогда рабовладельческого Юга и распространенная по сию пору в кругу «старых белых семей» игра в патернализм, отвратительно высокомерное и в равной мере отвратительно лицемерное «снисхождение доброго белого к убогому дядюшке Тому» — с немым упованием собственной добротой, в чем, собственно, и заключается смысл этой игры. Вот что говорит, например, удалившийся ныне на покой бывший судья Верховного суда Джорджи Хирам Николс: «Здесь, на Юге, мы относимся к негру с куда большей добротой, чем жители Нью-Йорка, Кливленда или Детройта. Тут у нас негр знает, что если он поступится в какой-нибудь дом с черного хода, ему вынесут тарелку яичницы с ветчиной. Ну, конечно, если он подойдет к парадной двери, ему ничего не дадут... Зато, скажем, в Бруклине или где угодно еще в «стране янки», подойди он с парадного хода или с черного, он рискует получить оплеуху. А здесь у нас, — завершает мистер Николс с умилением, — негр знает свое место, поэтому-то с ним и добры»...

В кварталах трущоб по обе стороны проспекта Меморизлдрайв дети говорят о «том человеке».

Так привыкли называть здесь неведомого убийцу, жертвами которого за последние два с лишним года стали 28 негритянских детей и подростков.

Как утверждает полиция, нет таких деталей, которые четко бы прослеживались во всех преступлениях «того человека». Не совсем так. Все 28 жертв объединяет одно: черный цвет кожи.

Отсчет трагедии ведется с 28 июля 1979 года. В тот день собиравшая на пустыре пустые консервные жестянки женщина наткнулась на труп 13-летнего Алфреда Джеймса Ивенса. Он лежал ничком, без рубашки и ботинок, но с золотой цепочкой на шее. Прибывшая на место полиция обнаружила в кармане брюк Алфреда один доллар. Как выяснилось, мальчик исчез из дома за три дня до этого. Он ушел в кино и не вернулся.

В тот же день пропал 14-летний Эдвард Хоуп Смит. Его тело было обнаружено полицией в винограднике в 50 метрах от места, где нашли Алфреда Ивенса.

А 5 ноября в том же районе обнаружили труп Милтона Харвея, тоже четырнадцати лет. Мальчик был задушен, констатировала экспертиза.

Еще через три дня в подвале старой заброшенной школы был найден труп 9-летнего Юсефа Белла, пропавшего из дома 21 октября. Полиция установила, что он был убит не сразу после своего исчезновения, а примерно спустя неделю. Где держали его эту неделю, с какой целью — неизвестно. Одежда Юсефа производила впечатление свежестыранной.

Звено к звену — цепь убийств начинала казаться бесконечной.

18 мая 1980 года. Найдено тело 14-летнего Эрика Миддлбрукса.

22 июня 1980 года. Семилетнюю Латонию Уилсон выкрали из дома, пока ее родители спали. Труп Латонии был найден только в октябре.

7 июля. Найден труп 9-летнего Энтони Картера. Убит ножом.

Пять сыновей и две дочери было у жительницы города Уилли Мэй Мэтис. Теперь сыновей осталось четверо. 11 марта 1980 года Уилли Мэй дала сыну Джеффри доллар и попросила его сбежать за сигаретами в лавочку на углу Гордон-стрит и Ист-Онтарио-авеню, в каких-нибудь ста метрах от дома. Джеффри домой не вернулся.

Не вернулась домой и 12-летняя Анджея Тэйлор. Ее тело было обнаружено полицией накануне исчезновения Джеффри.

И 13-летний Кэртис Уолкер исчез.

И 11-летний Патрик Балтасар.

И другие жертвы «того человека». А может, «тех людей». Сие славным детективом из «штабеля нового Юга» неведомо.

Похоже, что убийца — или убийцы — вообще придерживается весьма скептического мнения о способностях стражей порядка Атланты. Получая, возможно, удовольствие от их беспомощности и собственной безнаказанности, ведет с ними своеобразный «диалог». Вот некоторые тому примеры. Начальник полиции округа Дикалб выступил с критикой действий (или, точнее, бездействия) полиции Атланты. Через 10 дней именно в его округе было найдено тело Патрика Балтасара.

Анонимные телефонные звонки заставили полицию обшарить дорогу в округе Рокдейл — там, дескать, брошен труп убитого подростка. Тщательнейшие поиски не принесли никакого результата. «В округе Рокдейл трупов не обнаружено», — констатировала полиция. Через две недели на упомянутой дороге нашли тело Терри Лью.

Не возникает ли впечатления, что «тот человек» подозрительно хорошо осведомлен о действиях стражей порядка?

Дети «черной» Атланты, может быть, вслух и не говорят о том, что появление в городе «того человека» заштриховало их дни, которыми и раньше-то не хватало светлых тонов, густой черной сеткой страха (языку трущоб не свойственна патетика). Зато об этом говорят некоторые приобретенные ими привычки.

12-летний Филипп Прайс вместо того, чтобы играть со сверстниками, проводит свободное время, сидя на крыльце собственного дома. Только здесь он чувствует себя в относительной безопасности. По словам его матери Инес Прайс, Филипп ни на минуту не хочет оставаться один.

В городе вводят комендантский час. Детям до 15 лет запрещено выходить на улицу без сопровождения взрослых — сначала с одиннадцатого вечера до шести утра, потом с девяти вечера, а потом и с семи. Мнение большинства по поводу этой акции властей выразила Камилла Белл (ее сын, 9-летний Юсеф, стал, как уже говорилось, одной из жертв «того человека»). «Власти хотят продемонстрировать, что они пекутся о безопасности детей. Есть во всем этом только одно несообразность: дети пропадают не по ночам, а среди бела дня».

Пассивность властей можно было бы считать удивительной, если бы речь шла не о «пасынках Америки» из негритянских кварталов Атланты. Вряд ли далек от истины священник Чарльз Кинг, заявивший: «Если бы в Атланте убивали белых, в город давно уже ввели бы части национальной гвардии и объявили чрезвычайное положение»...

И вот — свершилось! Доблестная полиция Атланты после двухгодичного странного бездействия произвела арест, доказав, что не даром ест свой хлеб. Не пора ли общественности успокоиться?

Но полиция Атланты перестала бы себя уважать, если бы не попыталась одним выстрелом уложить двух зайцев разом: арестованным оказывается... негр.

Бывшему телеоператору Уэйну Уильямсу, 22 лет, предъявлены обвинения в двух из 28 убийств, сделавших Атланту городом страха.

Но хотя детективы намекают, что за этими обвинениями последуют новые, они сами признают, что нет никаких оснований предполагать, будто Уильямс повинен во всех убийствах. Да и предъявленные обвинения нужно еще доказать. Если даже допустить, что бывший телеоператор действительно виновен в одном или двух убийствах, следует ли из этого, что он и есть «тот человек», который превратил в непреодолимый кошмар жизнь Филиппа Прайса, Камиллы Белл и тысяч других детей и матерей «черной» Атланты?

Вернемся к одному из излюбленных тезисов «отцов» Атланты — о том, что город приобрел международную известность. Вернемся к нему не для того, чтобы спорить, а для того, чтобы согласиться. И, соглашаясь, сказать: верно! Атланта известна сейчас далеко за пределами Соединенных Штатов.

Но известность может быть заслуженной и пустозвонной, а еще — доброй и недоброй.

Что бы ни говорили об Атланте те, кто с разной мерой искренности продолжает считать ее символом «нового Юга», в сознании большинства город ассоциируется не с аэропортом Хартсфилд, не с небоскребом «Джорджия пасифик», не с проектами грядущего величия, а с борьбой за человеческое достоинство «черной» Атланты, родины Мартина Лютера Кинга.

И с именами 28 детей и подростков, убитых здесь, с трагедией, отпечаток которой навсегда останется на облике города. Города, где с особой жестокостью предстала формула противостояния, выведенная не на бумаге — по живому! — Америка против Америки.

оно не низводит живопись и графику до скрупулезного копирования природы, до формального натурализма. Его работы отражают и мировосприятие художника, и его душевный настрой, и, главное, особые состояния и настроения самой природы, разные от места к месту, от сезона к сезону, меняющиеся от восхода до заката, в зависимости от погодных условий.

Мне, повидавшему немало на своем веку самых разнообразных сюжетов природы, небезразличному к ней, любящему ее, по душе такое искусство, которое не уродует ее, а представляет в свете таких состояний, которые mimoходом, но запоминаешь надолго, порой на всю жизнь, и, размышляя, ассоциируешь их с событиями личной жизни, не оторгнутой от жизни общества. Вот эта черта в работах художника-геолога и импонирует мне.

Я знаю Фирсова и как поэта. Его стихи, часто дополняющие живопись и графику или дополняемые ими, привлекают к себе внимание. Это поэтическая публицистика, призывающая к благородству, а именно к благородству мир стремится сегодня. Это — мысленное проникновение в прошлое, без которого не было бы настоящего. Это убежденность в том, что и дела человека и память его есть путь в будущее.

Публикация
Анатолия БАРАНОВА
и Михаила КАЗАКОВА.

Вот — в черной рясе
сумрачный монах:
Зарезан в день разгрома
Херсонеса...
А рядом —
скиф и тень его коня:
Из глубины алтайского кургана;
Здесь — перс,
поклонник Митры и огня:
Убит в шатре
Мардониева стана...

А эта склянка?
В ней — центурион:
Сожжен в костре
на мартовские иды.
А та?
Владыка Нила, фараон:
Из саркофага
в склепе пирамиды.

Еще одна —
поярковский стрелец:
Копьем даурским сбит у Албазина.
В соседней склянке —
горский раб, беглец:
Его накрыла
снежная лавина...

Не знаю их доподлинных имен —
Остались только граммы углерода
И от владык исчезнувших времен
И от рабов без племени и рода.

Сожжен,
зарезан,
погребен, убит?!
Нет, здесь они,
а не на кольцах ада!
Их пульс и ныне, вслушайся,
звучит
В щелчках ритмичных
радиораспада.

В глазах рябит неонем
круговерть —
Посмертных лет ведется счет
прибором.
Но перед мыслью отступает
смерть,

И жизнь веков проходит
перед взором.
Предел земного —
Стикс и Ахерон.
Необратимо время, точно знаю.
Но я, твой жрец, восстал,
жестокий Хрон,
И, как могу, бывое возвращаю.

ПУСТЬ СТАНЕТ ДОРОГОЙ ТРОПИНКА

Таисия БЕЛЯЕВА

В обыкновенной московской семье жила была девочка Наташа. Росла не капризной, не балованной, хорошо училась, любила литературу и иностранный язык. Занималась балетом и плаванием, ходила в музыкальную школу. Каждое из увлечений начиналось бурно, азартно, потом проходило, и все устойчивее обнаруживалась «одна, но пламенная страсть» — поэзия, литература. В семье было твердо решено: дочь станет филологом. Но когда на выпускном вечере она читала со школьной сцены стихи, отрывки из любимых произведений, ни ее друзья и подруги, ни родители не знали еще, что завтра она отправится поступать в театральное. Мама доверила, как тайну, свою мечту.

— Что ж, — сказала мудрая мама, — попробуй. Будешь знать, как проваливаются на экзаменах!.

Обычная московская девчонка появилась в Щукинском театральном училище, где сотни других, как и она, пришли попытать свое счастье. Наташа изумилась: до чего же все они красивые, модные, длинноногие! Даже настроение упало. Конечно, ее никто не заметит! Нужно срочно принимать меры. Юбка мгновенно укорочена до критического предела, у подруги выпросила туфли на огромной платформе. Пущена в ход вся мамкина косметика.

Перед экзаменаторами предстало странное существо: из-под густого слоя грима с испугом смотрели накрашенные глаза, ноги подгибались от непомерно высоких каблуков. Существо храбро провозгласило: «Басня. «Мартышка и очки!»» И тут Наташа увидела себя как бы со стороны и поняла, что смысл и мораль басни совершенно точно определяют все, что она только что проделала над собой. Она расхохоталась и выбежала из аудитории. Первая неудача не обескуражила, но заставила задуматься. Она поняла: главное — быть самой собой.

Она должна стать актрисой. Это ее мечта и цель. Преподаватели школы говорили о том, что у нее хороший вкус к слову, дар чувствовать нюансы, интонации, подтекст произведения. А что есть образ? Ведь это несыгранная роль! Любовью, состраданием и соучастием к человеку жива русская и советская литература, лучшие образцы зарубежной классики. Воплощая на сцене или экране характер, выписанный драматургом, актер возвращает его зрителю, вдохновляет жизнь, обогащает собственной индивидуальностью, создает художественный образ, в котором, как пульс, бьется время.

В приемной комиссии ВГИКа, куда Наташа пришла на следующий день, ее попросили прочитать стихи. Она их знала много и читала, пока не остановили.

Сидел в приемной комиссии человек с очень знакомым лицом. В прошлом — питомец института, в настоящем — всемирно известный актер и режиссер. Всякий раз на экзаменах он ждал чуда, страстно желал увидеть, открыть дарование и личность среди сотен робких и бойких девочек и мальчиков.

Вот перед ним стоит восторженная девочка — кровь с молоком, пышет здоровьем, пшеничная коса до пояса, открытый, смелый взгляд... Чем-то она выделяется, чем-то настойчиво привлекает к себе внимание — не внешностью только, а еще и легко угадывающейся искренностью характера. Но разве это говорит о скрытых в ней актерских способностях? Да и есть ли что скрытое?.

— Из прозы что-нибудь, — попросил он, прервав свои размышления.

Наташа чуть загнулась. Из прозы вспомнилась почему-то статья.

— Отпустим ее, — предложил кто-то из членов комиссии, когда Наташа закончила.

— Ну, что ж, — нехотя согласился человек. Он медлил, словно ждал еще чего-то, какой-то неожиданности.

Когда через несколько часов Наташа вновь пришла во ВГИК, чтобы узнать результаты тура, ей сказали:

— Андрейченко, где ты была? Тебя Бондарчук спрашивал. Нужно было пройти еще два тура — по вокалу и сценическому движению...

Наташа с ужасом поняла, что все пропало. Она рванулась в аудиторию:

— Я умею петь! Я музыкальную школу кончила! Слезы застилали глаза... Почему-то улыбался Бондарчук.

— Верхом ездить умею! — выкрикнула она с отчаянием. Слезы лились ручьем...

Бондарчук пристально смотрел на нее.

— Вас приняли! — сказал он.

Слезы высохли мгновенно. Наташа улыбалась.

Когда группа принятых на актерское отделение впервые собралась вместе со своими учителями — Ириной Константиновной Скобцевой и Сергеем Федоровичем Бондарчуком, внезапно распахнулось окно, ворвался дождь с градом.

— Видите, как вас приветствует стихия! — пошутил Бондарчук.

Начались будни. Студенты ставили отрывки из пьес, литературных произведений. Затем эти инсценировки снимались на пленку. Телекамера безжалостно фиксировала все: угловатость движений, недостатки дикции, пластики. Это было первое знакомство с камерой, первое испытание. Все они стояли сейчас у порога искусства, где, как известно с древних времен, много званых, да мало избранных.

Сейчас самое главное — открыть себя себе самой. Сбросить все суетное, мелкое, отрешиться, собраться с мыслями и... войти в это пламя. Как Иванушка-дурачок из русской сказки: прыгнул в огненную купель — и выйдешь добрым молодцем.

Преодолей себя, свой страх и неуверенность. Сейчас ты должна прожить чужую жизнь, стать кем-то, забыть себя...

На учебной сцене Наташа Андрейченко играла самые разные роли. Много читала. Порой ее видение образа бывало неожиданным для окружающих, даже парадоксальным: хотела докопаться до сути, до глубины, обнажить нерв роли. Иногда приходила в институт непривычно молчаливая, задумчивая, замкнутая. В студенческой аудитории, где всегда шутки, смех, она появлялась на пороге, произнося строго и непреклонно:

— Все. Работаем.

Такую Андрейченко ребята уважали больше всего: соб-

рванная, сосредоточенная, волевая, без промедления готовая к работе.

Простые истины, азбучные, прописные, давались после долгих поисков, мучительных размышлений над образом:

— Дидро прав: «Слезы актера падают из его мозга». Говорят — вот это актер: только что смеялся и шутил, а вошел в кадр — и заплакал. Актёру нужно «примерить на себя» состояние персонажа, его эмоциональный настрой. Необходимо «работать» и со слезами и с улыбкой — иначе заплачет или засмеется актер, а не его герой.

Наташа работала до поздней ночи, до полного изнеурения. Студенты московских театральных вузов ходили в ту зиму во ВГИК «на Андрейченко».

Она готовила роль в курсовом спектакле, когда ее пригласили на роль Танюши в фильме «Степанова памятька» по мотивам уральских сказов П. Бажова.

— Мы с самого начала не препятствовали тому, что она участвует в съемках, — говорит Ирина Скобцева, — не опасались, что она отстанет, зная о фантастической работоспособности Андрейченко.

Режиссера К. Ершова привлек тип былинно-сказочной русской красoty. Похоже, он надеялся, что внешние данные исполнительницы и определят успех роли. Начинаящая актриса удивила коллег не только отсутствием школярства, но и глубиной понимания образа. Актриса открыла в своей героине великое таинство личности, подчеркнула лукавое изящество дочери горного мастера. Фильм-сказка стал притчей о таланте русского человека, о мудрости его сердца.

Андрейченко снималась в фильме и одновременно

готовила роль в курсовом спектакле. Последний съемочный день был и последним днем перед спектаклем. Наташа без дублерства снялась в технически трудной сцене — когда Танюша в стене исчезала... Актрисе нужно было погрузиться в ванну с водой, подкрашенной гуашью, так, чтобы ни один пузырек воздуха не показался на поверхности, и пролежать в воде без дыхания, пока оператор не отснимет водную гладь. Делала несколько дублей, поэтому, вынырнув, актриса тут же бежала в гримерную, и снова шла съемка, пока, наконец, оператор крикнул: «Снято!» У Наташи не хватило времени смыть грим — надо было мчаться на вокзал, чтобы не опоздать на московский поезд. Ведь утром экзамен во ВГИКе — спектакль.

Бондарчук посмотрел материал фильма «Степанова памятка» и сказал: «Интересно. Хорошая актриса получается». Помолчал и добавил: «Очень». Кинематографисты знают, чего стоит похвала такого мастера.

Режиссер Борис Яшин, приступая к съемкам своей ленты «Долги наши», никак не мог найти исполнительницу на роль Верки. Весь актерский ансамбль был укомплектован, утверждены пробы, а Верка все не находилась. Режиссер пребывал в унынии. Людмила Зайцева, утвержденная на главную женскую роль, посоветовала:

— Что вы мучаетесь, Борис Владимирович? Пригласите Наташу Андрейченко.

Режиссер мысленно видел Верку худощавой, высокой, с грустными глазами, а перед Яшиным, лукаво улыбаясь, предстала статная, современно одетая девушка. Приятное, с мягкими чертами лицо.

«Какая же это Верка? — подумал режиссер. — Никогда никому невозможно объяснить, что тебе нужно! Ну, Зайцева, погоди!»

Начали репетировать. Сцена следовала за сценой, и от режиссерской твердости не осталось и следа. Он уже мысленно согласился, что Верка может быть и такой, как Наташа Андрейченко.

...Снимали эпизод в деревне. Стояли сорокаградусные морозы, замерзала смазка в камере. Пришел черед снимать очень важную сцену, когда Верка прощается с отцом.

Накануне на репетицию Андрейченко не смогла явиться, но в час съемок была на площадке. Яшин и слышать ничего не хотел о съемках, а репетировать на морозе было невозможно.

— Я готова, Борис Владимирович, — настаивала актриса.

Включили камеру, и произошло чудо: лицо Наташи преобразилось, глаза ожили, в них заблестели слезы...

— А хорошо придумала, — понял режиссер. Этот эпизод стал лучшим в фильме.

лихость и задиристость, а за всем этим ощущается тоска, боль и ожидание...

Мария полюбила Василия и сама же первая осознает невозможность счастья с ним. Не может Мария оторвать Василия от его корней, от родины, дома, матери его ребенка. Мария жертвует своей любовью. Ее счастье в другом — в самой возможности любить нежно, верно, бескорыстно. Этот нравственный урок, вынесенный из пережитой драмы, ее героиня сохранит на всю жизнь, и зритель верит, что она остается прежней — верной и нежной, щедрой сердцем, доброй умом.

Озорная женщина с грустными глазами вдруг становится иной, когда распрямляется душа ее. Драма Марии в том, что она сама себя не знала, сама своей души не ведала. Ей еще только предстояло открыть себе — себя.

— Я обычно долго после съемок живу под впечатлением событий, которые происходят с моей героиней. Знаю, что трагично слишком, наверное, это от неумения распределять свои силы, от отсутствия знания, когда эмоции заменяют их. Но иначе не могу. То же было и во время работы над фильмом «Торговка и поэт». Просматривая отснятый материал, я видела, что многое можно было сыграть иначе, лучше, достовернее. Но кино есть кино. Здесь ничего невозможно исправить. Можно только запомнить, чтобы не повторить подобной ошибки в следующей работе. Но все это происходит после того, как работа сделана. Остается чувство неудовлетворенности, которое проходит не скоро, точит душу.

Фильм «Жнецы» — не только киноповесть о любви, о ее нравственной силе, возвышающей человеческую душу. Он о самом дорогом нашем богатстве — о замечательных людях-тружениках, о молодых хозяевах земли.

Роли, сыгранные Андрейченко в монофильмах «Торговка и поэт», «Жнецы», подтвердили, что в советский кинематограф пришла актриса с яркой индивидуальностью. Ее персонажи — женщины, сильные духом, верные, страстные, твердо стоящие на земле, но в то же время у них «солнцем полна голова».

Актрисе грозила реальная опасность: стать исполнительницей ролей именно одного этого плана. Многие режиссеры предлагали ей похожие роли, но Наташа стремилась расширить свое амплуа, доказать, что способна на совершенно иные проявления. Андрейченко начали сравнивать то с Натальей Гундаревой, то пророчили ей судьбу Нонны Мордюковой. Но вот в комедии «Уходя — уходи» Андрейченко снималась вместе с Натальей Гундаревой, сыграла там эпизодическую роль. И стало ясно, какие они разные, Гундарева и Андрейченко.

...Андрей Михалков-Кончаловский, приглашая дипломницу ВГИКа в свой фильм, вероятно, сознательно шел на риск. По жанру «Сибиряда» — повествование в шести сказах. Роль Насти — дочери сибирского промысловика — сложна тем, что вмещает в себя, с одной стороны, эпический размах, а с другой — фарс с богатыми оттенками гиперболы, как у героя сказки. В момент работы у актрисы на счету было всего две

«Что ты предлагаешь?»

«Переснять! Сыграть все заново, по-другому!»

А однажды, вконец измученная, усталая, недовольная собой, с потухшим взглядом, она опять пришла к режиссеру:

— Все! Снимайте меня с этой роли!

И тогда он, сдержанный, корректный, интеллигентный человек, произнес огненный спич о том, что любой камень требует шлифовки, иначе не видно, стекло это или алмаз; о том, что ей, Наташе Андрейченко, многое дано, и он верит в нее, как в умную, талантливую актрису, что ей нужно работать над собой гораздо больше, чем актрисе среднего дарования, — до седьмого пота!

Раз в нее верит режиссер — должна же она поверить в себя!

И пришло то «второе дыхание», на котором и была сыграна потом вся роль.

...Словно огненный вихрь, подхватила Настю любовь. Она выносит героиню на гребень высшего духовного подъема. Такая любовь не знает преград. Настя сама себе выбирает жениха, потом бежит от него почти из-под вена, уходит из отчего дома, бросая вызов домострою. В бедняке Николае, бунтаре, мечтателе и романтике, распознала она свой единственный жизненный шанс, и всем сердцем поверила в ту правду, за которую пошел воевать Николай, и сама погибла в «революционной буре», приняла мученическую смерть от рук белогвардейцев. Враги захватили лазарет, а санитарку Настю облили спиртом на морозе и сожгли. Этот негасимый яркий факел любви несут все героини Андрейченко.

Работает Наташа много, настойчиво, самозабвенно, неистово. В этой своей чрезмерной занятости не разбрасывается, это не творится, долго не соглашается на иную роль, но может выкроить несколько дней и блестяще сняться в эпизоде. Художнику нужно время оглянуться назад, подумать над тем, что и как сделано, отсечь, отрешиться, отбросить все ошибочное и в громком хоре похвал услышать критические нотки.

— Знаете притчу о таланте? — спросила как-то Наташа — Талантами в древности называли золотые монеты. Так вот, один человек дал своему самому верному слуге пять талантов, второму слуге — два, третьему — один и уехал. Через несколько лет вернулся и узнал, что первый своим трудом приумножил богатство, второй зарыл в землю, а третий растратил попусту. Тогда он вознаградил первого, отобрал таланты у второго и выгнал третьего. Я так понимаю, наше дело — умножать то, что нам дано...

В жизни Наташа Андрейченко — общительный, веселый, доброжелательный человек. Она любит и понимает своих друзей, на съемочной площадке ее партнеры становятся также ее друзьями. Кино — искусство коллективное. Андрейченко это хорошо усвоила. Ее интересует буквально все: музыка к фильму, рисунки, декорации, она может часами сидеть и слушать, как художники обсуждают эскизы к картине, или наблюдать в костюмерной, как одевают массовку. Ей хочется увидеть «лицо» будущего фильма. Понимание многочисленных деталей творческого процесса рождает высокий профессионализм.

Ее личное обаяние, добрый нрав, открытость души привлекают. Люди тянутся к Наташе. Не случайно Андрейченко — секретарь комитета комсомола Театр-студии киноактера. По ее инициативе и непосредственному участию нередко проводятся творческие вечера, на которых представлены лучшие работы дебютантов, эпизоды, сыгранные в фильмах начинающими актерами. Эти вечера помогли многим молодым получить путевку в жизнь, в искусство.

Андрейченко — частый гость на молодежных стройках, рассказывает здесь о своих героинях, о планах и ролях, над которыми работает. Потому и кажется естественным ее появление в семисерийном телефильме «Мужество» по одноименному роману В. Кетлинской. Она создала романтический образ комсомолки Тони, по зову сердца поехавшей строить город на Амуре. Вместе с группой кинематографистов Наташа побывала на БАМе. Съемки картины «Мужество» проходили в Комсомольске-на-Амуре. Актриса встречалась с молодыми зрителями и с теми, кто строил в 30-х годах замечательный, легендарный «город на заре».

Андрейченко не любит рассказывать о себе. Не услышишь от нее привычных актерских побасенок, забавных рассказов. Наташа относится к своей профессии серьезно и не разделяет мнение тех, кто считает, что работа в кино состоит из забавных и необычных происшествий.

...В обыкновенной московской семье жила-была девочка. Она поставила себе цель стать актрисой и стала ею вопреки всем сомнениям, трудностям, обстоятельствам. Ее путь к успеху не был простым и легким, да он и не может быть иным у настоящего художника. Для Наташи Андрейченко жить в искусстве — это значит наблюдать и познавать подлинную жизнь во всех ее проявлениях и, перенося ее на экран, выражать мысли и мечты своего поколения.

Фото Игоря ГНЕВАШЕВА

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМОВ: «СТЕПАНОВА ПАМЯТКА», «ЖНЕЦЫ», «СТЕПЬ», «СИБИРИАДА».

Режиссеры отмечают у Андрейченко «чувство кино» — способность ощутить необходимый уровень выражения чувств. Оно, это чувство, не позволяет актрисе сфальшивить. В любой сцене Андрейченко выглядит органично, легко и естественно двигается в кадре. Для нее жест — не только движение тела, но прежде всего — движение души.

Наташа совершенно не боится камеры. Свет юпитеров радует, оживляет, она вся преобразуется и работает, не жалея сил. Эта актриса беззаветно влюблена в кино, и оно отвечает ей взаимностью.

Когда Андрейченко прочла сценарий фильма «Жнецы», где режиссер В. Денисенко предлагал ей роль Марии Ковалевой, актриса увидела в этом образе второй план, который скупно проглядывал в строках сценария, но, если его разработать, сулил интересные поиски. Актрисе захотелось «развязать» образ — показать зрителю противоречие между видимостью и сутью характера Марии Ковалевой.

В начале фильма актриса играет маску, которую надела ее героиня. Надела мгновенно, на наших глазах. Актриса позволяет этой маске сползти и открывает за ней юное, чистое лицо, да не лицо, а лик, хрестоматийный лик некрасовской женщины-крестьянки, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет».

Мария Ковалева — комбайнер, лихая, веселая, что называется «огонь-девка». В ней чересчур всего — и задора и веселости, слишком явно проскальзывает этакая разухабистость. Этот-то перебор, бравада и настораживали, и заинтриговывали актрису, заставляя ее доискиваться: в чем же Мария настоящая, во что и почему играет? Играет в

роли в кино. А эпос трезует высокого мастерства...

Она стреляла из ружья навскидку. Десять дублей — точно в цель. Стреляла влет — девять, десять дублей, сколько нужно. (Позднее режиссер узнал, что Андрейченко из ружья стреляла первый раз в жизни.) Старинное охотничье ружье не игрушка. Отдача у него сильная. У Наташи на плече синяки, немела от тяжести рука. Но и после съемок она бродит с ружьем — тренируется. И продолжает сниматься. Без жалоб, ни разу не выдав, что ей больно, даже мимолетной гримасой. Сейчас она Настя — хозяйка тайги, которой все нипочем, она никого и ничего не боится, ходит по тайге с ружьем, не замечая его тяжести. Может раздавить в ладонях стакан со спокойной улыбкой на лице...

Можно ли дважды войти в реку, когда вода в ней всего одиннадцать градусов? Сильное течение уносит мгновенно, и актриса не попадает в кадр. Новый дубль. Наташу растирали спиртом, чтобы унять дрожь, снимали снова и снова. Через десяток дублей выяснилось: заело пленку, материал пошел в брак. Сцену переснимали потом в другом месте, в другое время года — в октябре. На экране она длится считанные секунды...

— Когда просматривали материал, меня поздравляли, а я была удручена до предела — так мне не понравилось все, что я увидела на экране. На другой день пришла к режиссеру и сказала:

«Все, что я здесь сыграла, — неправда! Я не чувствую этой женщины, а значит, ее не получилось».

А ЧТО У ВАС?

«СМЕНА»
ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД

«Мы должны
узнать свою страну»

ПРОЕКТЫ

ПО МОРЮ, АКИ ПОСУХУ

На одном из берегов Каховского моря стоит поселок Энергодар. Здесь идет строительство Запорожской АЭС. Однако вот непостоящая задача: как доставить электричество на другой берег водохранилища? Прикиньте, сколько металла и бетона для опор, сколько километров высоковольтного кабеля потребуется для того, чтобы опоясать море и пустить ток на юг Украины? Добавим сюда еще и неизбежные потери энергии на кружном пути... Дороговато!

А если проложить ЛЭП напрямую — через море? Специалисты выбрали именно этот шестиклометровый маршрут. И началась уникальная, не имеющая аналогов в мировой практике работа.

Сначала строители отгородили дамбой от Каховского водохранилища громадный котлован и осушили его. Так получился самый настоящий док. Только в нем рождаются не корабли, а железобетонные фундаменты — оплывки для 126-метровых опор ЛЭП. Когда монтаж закончится, в док снова вернется вода, и «оплывки» всплывут уже вместе с готовыми опорами. Затем моряки отбуксируют эти 130-тонные сооружения прямо на место назначения. Раздается команда: «Открыть кингстоны!» — пустотелые фундаменты заполняются водой и прочно лягут на морское дно в специальные ложа, устланные «перинкой» из щебня.

В 1983 году первый энергоблок Запорожской АЭС даст промышленный ток.

Юрий СУШКО

ТРАДИЦИИ

Трехсотлетняя история

У рабочих архангельского судоремонтного завода «Красная кузница», особенно у молодых, сквозь распахнутый ворот слезовки порой виднеется треугольник тельняшки.

«Мы не рвемся в моряки, — говорят на заводе, — но так сложилось исторически». Здесь, на Соломбальском острове, без малого триста лет назад было спущено на воду первое российское торговое судно. И сейчас на потоке суда, конструкция которых придумана их предками настолько удачно, что не нуждается в большой переделке уже которую сотню лет. Только плавают на тех судах теперь не купцы, а колхозники Архангельской и других приморских областей.

Василий ВОЛКОВ.
Фото автора

Седьмой номер «Смены» за 1932 год открывается призывом: «ОРГАНИЗУЕМ КОМСОМОЛЬСКУЮ РАЗВЕДКУ НЕДР СОВЕТСКОГО СОЮЗА! Каждому району — карту естественных богатств, изученных, изведанных, разведанных. Каждому району — план освоения этих богатств. Каждую мелочь — на учет. Мелочь может стать ключом к большим открытиям».

Заместитель председателя Совнаркома и председатель Госплана СССР В. В. Куйбышев ставит перед комсомолом задачу: «важнейшее условие для создания второй пятилетки: МЫ ДОЛЖНЫ УЗНАТЬ СВОЮ СТРАНУ».

Найден «клад озера Севан» — «миллионы лошадиных сил электроэнергии». Именно эти «лошадиные силы» сделают через некоторое время Армению индустриальной республикой. Тогдашние строители Севанозангинского каскада «добывали» их с не меньшим рвением, чем наши современники — строители тоннеля Арпа — Севан, призванного возратить уникальному водоему часть взятых у него в долг кубометров.

Седьмой номер украшает уникальная по тем временам фотосъемка Б. Игнатовича под заголовком «Ленинград с аэроплана». Этот фоторепортаж «Смена» печатает под рубрикой «Смотр городов». Все более красивыми и благоустроенными становились наши города. Росли их этажи, налаживалось движение общественного транспорта, все больше автомобилей различного назначения выкатывалось на городские улицы. Учитывая требование момента, под рубрикой «Цех занимательной техники» журнал предложил читателям-горожанам потренироваться «в технике пешеходного движения в большом городе» — особым образом реагировать на каждый из постоянно меняющихся сигналов светофора. Пора, пора: «недавно в Москве было несколько сот автомашин, а сейчас их уже десятки тысяч».

лись к полету в Новосибирск. Но в душе каждый из нас мечтал о рейсе к папанинцам. И вот командиру дирижабля Н. Гудованцеву сообщили о решении послать нас на спасение папанинцев. Стали готовиться. Руководил работой Владимир Адольфович Устинович, бортинженер «В-6».

Отлет назначили на 5 февраля 1938 года из тогдашнего дирижабельного порта Долгопрудный. Стартовали ночью в сильную пургу. В Петрозаводске приземлились 6 февраля около часа дня. Все проверили и взяли курс на Мурманск. Примерно к четырем часам дня погода ухудшилась, понизилась видимость. Но корабль, уверенно выдерживая курс, плыл на высоте 600 метров. В 19 часов 40 минут, когда «В-6» был на подходе к Кольскому полуострову, перед нами в темноте неожиданно появилась гора. Отвернуть в сторону было уже невозможно. Раздался сильный удар, за ним — треск разрушающихся частей дирижабля.

Шесть человек из девятнадцати остались в живых. В их числе бортинженер В. Устинович и бортмеханик Д. Матюнин. «Вскоре я вернулся к труду, — говорит Дмитрий Иванович. — Летал бортмехаником на самолетах, работал на машиностроительном заводе, где и сейчас работаю слесарем-испытателем по новой технике. А после трудового дня под руководством энтузиаста дирижаблестроения В. Устиновича я в числе других ветеранов-дирижаблистов участвую в создании городского музея в Долгопрудном».

Виктор ТУРЬЯН.
Фото Владимира РУБАНА

ВОСПОМИНАНИЯ

Комсомольский экипаж

...1938 год, 2 февраля. С папанинской льдины пришла тревожная радиogramма. В ней сообщалось об интенсивном разрушении льда, образовании больших трещин. «Живем на льдине пятьдесят на тридцать метров. В пределах видимости посадка самолета невозможна», — сообщал Эрнст Кренкель.

«Еще в 1937 году, когда И. Папанин, П. Ширшов, Е. Федоров и Э. Кренкель начали выдающийся дрейф на льдине, мы с неослабным вниманием следили за отважными исследователями, — вспоминает Дмитрий Иванович Матюнин, бывший бортмеханик дирижабля «СССР В-6 «ОСОАВИАХИМ». И продолжает рассказ. — В то время мы готови-

ТРЕТИЙ СЕМЕСТР

К вам едет поликлиника!

Это началось, когда в Томской области приступили к строительству дороги Асино — Белый Яр. Сотни юношей и девушек работали на этой Всесоюзной ударной комсомольской стройке. Конечно, возникла проблема обеспечения строителей квалифицированной медицинской помощью...

Вот тогда и родилась в Томском медицинском институте идея организовать «поликлинику на колесах». Аспиранты, ординаторы клинических кафедр института, студенты-старшекурсники решили создать специализированный отряд медицинской помощи. Маршрут необычной «поликлиники» пролегал через многие поселки, расположенные по берегам сибирских рек Среднего Приобья.

...Давно построена и действует железная дорога. Но все так же спешат на помощь жителям далеких сибирских сел томские медики-комсомольцы.

Юлия АДУШКИНА

...НА ДВА СЛОВА!

Я как-то проезжал через целинное село Белоглинка и слышал там рассказ о местном учителе, фамилия его Конарбаев. Он собрал дома библиотеку, пользоваться которой может любой его односельчанин. Мне говорили, что книг у него — больше тысячи, а читателей — больше сотни. Вот молодец человек!

Владимир ПОЛУДНЕВ,
г. Семипалатинск

ВЕРШИНЫ МАСТЕРСТВА

«Нить» из глубины веков

В средние века, немногим раньше образования нашего центра стеклоделия — Гусевского хрустального завода, которому недавно исполнилось 225 лет, на острове Мурано, в Италии, образовалась корпорация ремесленников, подаривших миру знаменитое венецианское стекло. Мастера давали строящийся обет неразглашения профессиональных тайн. За его нарушение казнили. Поэтому со временем забылись некоторые тайны рождения стеклянного чуда.

Однако выдвувальщику стеклоизделий белорусского завода «Неман» Анатолию Федоркову удалось заново открыть секрет знаменитого венецианского стекла. Он разработал новую технологию декорирования изделий, получившую название «Неманская нить»: тонкие разноцветные стеклянные стержни вводятся в толщу стекла, образуя причудливый филигранный узор...

Используя свой метод декорирования, мастер-стеклощик выполнил набор ваз «Цветок». Простые и удобные формы, изысканные сочетания голубовато-белого и темно-серого с синим отливом цветов позволяют использовать эти вазы и для сервировки стола и как декоративный элемент интерьера.

Изделия советского рабочего демонстрировались на международной выставке в Яблонце (ЧССР) и были удостоены «Гран при». Затем Анатолий Федорков обучил своим приемам три бригады, и теперь стеклозавод «Неман» выпускает вазы знаменитого стекла серийно.

Своей работой Федорков и его коллеги частенько ставили в затруднительное положение квалификационные комиссии. Ведь подобный стиль исполнения задания более близок к творчеству, нежели к регламентированному разрядами труду среднего рабочего. Однако художественный совет отрасли нашел достойный выход: отныне рабочим, перешагнувшим высший квалификационный разряд, присваивается звание «мастер-художник». Носит это звание и Анатолий Федорков.

В юбилейные дни в Гусь-Хрустальном состоялся очередной художественный конкурс. На нем чувствовали алмазчика гусевского завода Николая Зайцева. Еще один рабочий стал мастером-художником. Участники совета ознакомились также с работой школы мастеров, действующей на заводе. Теперь в ее программе записано и непрерывное знакомство с таким методом декорирования, как «венецианская нить», тайну которой открыл и по-своему интерпретировал Анатолий Федорков.

Татьяна ГНИДЕНКО

ДАРЫ НАДЕЖДЫ ЛЕЖЕ

«Я поставила перед собой цель — подарить всем крупным музеям Советского Союза, а также передать в отдаленные районы страны репродукции знаменитых произведений».

Эти слова принадлежат Надежде Леже, вдове известного французского художника-коммуниста Фернана Леже. Сбылось задуманное ею: около трех тысяч копий с шедевров мировой живописи, несколько подлинников находятся сейчас в советских музеях.

...Родом она из Белоруссии. Ее девичья фамилия — Ходасевич.

Когда началась первая мировая война, семья Ходасевичей эвакуировалась в городок Белев, что недалеко от Тулы. После победы Великого Октября в Белеве был открыт Дворец искусств. Туда и спешила по вечерам Надя, девочка из бедной крестьянской семьи. Она постигала азы прекрасного, с наслаждением рисовала, работала акварелью и красками. Потом она училась в Смоленске — в Высших государственных художественных мастерских у авангардиста живописи Малевича.

По стечению обстоятельств Надя оказалась в начале двадцатых годов в Польше. Затем переехала во Францию, вступила там в компартию, участвовала в движении Сопротивления, помогала партизанам, была

сподвижницей Мориса Тореза. Фернан Леже, профессор Парижской Академии современного искусства, был ее другом по партии. Их объединяли любовь к творчеству, преданность общим идеалам...

В 1972 году в павильоне «Советская культура» ВДНХ демонстрировались мозаичные портреты деятелей мирового прогресса, созданные художницей. Особенно привлекли посетителей портреты Карла Маркса, В. И. Ленина, космонавта Ю. А. Гагарина, Мориса Тореза. Эти произведения Надежда передала в дар Советскому государству. Она создала также тридцать портретов Ленина, один из которых украшает представительство Аэрофлота в столице Франции. Ей доверили художественное оформление аэропорта Шереметьево.

За большой вклад в развитие советско-французского сотрудничества Надежда Петровна Ходасевич-Леже награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Некоторое время назад в адрес Надежды Леже, живущей на юге Франции, пришло письмо с берегов Оки, из Белева. Трудящиеся сердечно благодарили ее за коллекцию факсимильных копий классической живописи, которую она передала Белеву. В коллекции 80 копий всемирно известных работ, в том числе «Мадонна со щеглом» Рафаэля, «Спящая красавица» Буше, полотно Леонардо да Винчи, Поля Сезанна и других мастеров. Кроме того, в Белевском краеведческом музее размещалась большая коллекция слепков со скульптур, хранящихся в Лувре. Их изготовила Надежда Леже.

Валерий ПЛЕШАКОВ

ИНТЕРВЬЮ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Уважаемая редакция! Я слышал о введении новых статей в уголовное законодательство Российской Федерации. Неужели вымогателя теперь можно отдать под суд? Как-то не верится... Хотя говорят, что, согласно этим статьям, преступлением теперь считается и припрятывание дефицита в магазинах и даже наем со стороны лица, находящегося при исполнении служебных обязанностей, что, дескать, его надо отблагодарить за услугу. Так ли это?

Александр ДАНИЛИН,
г. Новосибирск

Вымогательство строго наказуемо,—

напоминает начальник управления Прокуратуры СССР Георгий Степанович ТАРНАВСКИЙ.

— Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 сентября 1981 года о дополнении Уголовного кодекса РСФСР (аналогичные дополнения внесены и в законодательства союзных республик) статьями 156² и 156³ позволяет теперь работникам следственных органов, МВД и прокуратуры привлекать к уголовной ответственности и тех, кто получает незаконное вознаграждение от граждан, работа в сфере обслуживания, торговли.

— Георгий Степанович! Допустим — как нередко бывает, — слесарь такого-то жэка, обходя квартиры жильцов, берет за свои хлопоты «тройки». Хотя при этом выполняет свою непосредственную работу... Можно ли в этом случае с помощью закона защитить жильцов от поборов?

— Безусловно, такой умелец из жэка рискует быть строго наказанным. И также кассир, который намекает вам про «одно-единственное» свободное место в интересующем вас поезде, или работник ателье, который не прочь сорвать с вас дополнительные деньги под предлогом ускорения выполнения вашего заказа, — они совершают уголовно наказуемые преступления.

В соответствии с новыми статьями УК РСФСР за вымогательство в любой форме работники торговли, общественного питания, бытового, коммунального, медицинского, транспортного или иного обслуживания населения наказываются исправительными работами на срок до одного года или штрафом до ста рублей. Те же действия, совершенные неоднократно или в крупных размерах, — лишением свободы до трех лет или штрафом до пятисот рублей.

При этом не имеет значения, когда — до оказания услуги или после — получено вознаграждение. Не менее строго могут быть наказаны должностные лица за прода-

жу товаров со складов, баз, из подсобных помещений или сокрытие товаров от покупателей, совершенное из корысти. Меры наказания предусмотрены разные: лишение права занимать определенные должности или заниматься той или иной деятельностью в торговых предприятиях или выплата денежного штрафа.

— Последний вопрос, Георгий Степанович. Если, допустим, я сам захочу отблагодарить врача или мастера за приветливое ко мне отношение и принесу ему, скажем, коробку конфет или какую-нибудь мелочь. Это тоже квалифицируется как нарушение закона?

— Закон не может вам запретить быть благодарным. Однако все мы должны помнить, что, проявив к нам профессиональное и человеческое уважение, работник медицины или службы быта не оказал нам никакой особенной услуги, он лишь выполнил свой профессиональный долг.

В заключение: новое законодательство уже применяется. Органы внутренних дел и прокуратуры рассчитывают, что активная позиция граждан поможет преодолеть и искоренить вымогательство, взяточничество и прочие нарушения, противоречащие законности и социалистической нравственности.

Записал Борис ПЕТРОВ

УМЕЛЫЕ РУКИ

...А ШАРИК ЛЕТИТ!

В воздушном пространстве над Люблинским районным дворцом пионеров и школьников города Москвы состоялась встреча двух, к сожалению, не совсем привычных для нынешней детворы летательных аппаратов. Сначала на тридцатиметровую высоту поднялся треугольный воздушный змей с роскошным хвостом, а спустя полчаса, прямо от парадного входа дворца, был запущен раскрашенный воздушный шар.

Так отметили пятнадцатый день рождения своего дворца ребята из авиамodelьного кружка, который работает под руководством своего наставника Виктора Ивановича Козлова. Здесь авиамodelьщики имеют свои долговременные и постоянные интересы в самых разных областях воздухоплавания. Все зависит от возраста и квалификации каждого. Ребята постарше строят модели с настоящими моторами, и это считается высшей ступенью авиамodelьного мастерства. Но «асы» не забывают и прежней своей «профессии» — с удовольствием помогают тем, кто помладше, разбираться в конструкциях планеров, собирать их, готовить к полету. Ну, а новички начинают с постижения тайны свободного полета хвостатых змеев и воздушных шаров.

Запуском этого летательного аппарата, который вы видите на снимке, шести-

ЭКСПЕДИЦИИ ТАЙНЫ ПЕЩЕРНОГО МОНАСТЫРЯ

Наш рассказ не об экзотическом путешествии по пещерам Кавказа, Крыма или Урала, а всего лишь страничка из дневника одного из полевых отрядов группы краеведов-спелеологов Московского областного совета ВООП, который закончил недавно работы по обследованию пещерного комплекса Троицкого Сканова монастыря в Пензенской области.

«В 1,5 верстах от монастыря находится гора, называемая «городок»... Внутри горы, в разных направлениях, ископаны пещеры шириною в 18, вышиною в 40 вершков, длиною до 256 сажен, и на образец малых комнат сделаны затворы, без всяких украшений. Над ископаем их первый трудился послушник обители Иоанн, за ним и другие, но более всех монах Арсений 2-й, который почти всегда и жил здесь».

Однако легенды утверждают, что эти пещеры использовались людьми с давних времен, а монахи лишь приспособили их для своих целей. Свидетельство тому — городище IX—XI веков над пещерами.

Сейчас в наземном архитектурном комплексе Троицкого Сканова монастыря ведутся реставрационные работы. Со временем в этом живописном месте, на берегу реки Мокши, будет большой туристский комплекс. А нельзя ли и пещеры использовать в качестве туристского объекта? Управление культуры Пензенского облисполкома заинтересовалось этим вопросом и пригласило для проведения исследований нашу группу.

В результате первого этапа обследования подземных полостей установлено, что подземный лабиринт расположен в три переплетенных яруса. Общая протяженность известных на сегодня полостей составляет 670 метров. Для сравнения скажем, что длина полостей знаменитой Киево-Печерской лавры равна 507 метрам.

А что скрывается за завалами, перекрывающими отдельные участки подземелья? Много тайн и загадок предстоит еще раскрыть нашим полевым отрядам. Но это уже будет следующий этап спелеологических исследований.

Игорь ПРОКОФЬЕВ,
руководитель группы краеведов-спелеологов

классник Кирилл Сергеев и пятиклассник Саша Когутский отметили конец первого этапа своего обучения в кружке. «Это наша последняя модель, — сказали они. — С завтрашнего дня начинаем строить планер».

Иван КОСТЫЛЕВ.
Фото автора

ЦИРК

«...ДРУЖОК, АП!»

Это — настоящее цирковое представление, в котором участвуют жонглеры и велосипуристы, акробаты и дрессировщики-клоуны.

Первая постановка циркового спектакля для детей с интересом встречена юными зрителями. Еще бы! В главной роли выступает собака Дружок, которой не очень легко вести сложную партию вместе с клоунами.

Сюжет несложен, но именно цирковое действие делает его занимательным и в то же время поучительным. Где еще увидишь путешествие непослушных клоунов в страну Наоборотию, где вместо компота дают керосин, а сладкое оказывается соленым и ходят на руках, а не на ногах...

Пьесу для цирка написали молодые авторы Валерий Карасев и Вячеслав Баринев. Постановка студента ГИТИСа Валерия Белова.

Людмила
КОХАНОВА

...НА ДВА СЛОВА

Наш Центральный научно-исследовательский автомобильный и автомоторный институт приступил недавно к интересной разработке. Вместе с коллегами из других заинтересованных учреждений мы готовим проект специального автомобиля для сферы торговли. Предполагается, что

он будет иметь грузоподъемность около полутора тонн, а выпуск его различных модификаций будет налажен на АЗЛК, Волжском и других автозаводах.

Вячеслав ГРИГОРЬЕВ,
Москва

А ЧТО У ВАС?

НА ПЕДЕСТАЛЕ

Зельбсманн налил в стакан воды, глотнул пилюлю и запил. Плеснул и во второй стакан.

— Вот, прошу. Остыньте.

— Но вы ведь не спросили меня о главном: почему я пошел по селам?

— Действительно, почему? Спасибо, что напомнили.

— Видите ли, вам этого не понять, я, честно говоря, и сам пришел к такому решению в большей степени интуитивно. Да, я в самом деле признаю только мир, вместившийся во мне, но ведь его объем не обязательно должен ограничиваться моей физической оболочкой, телом. Я включаю в свой мир все, что в состоянии объяснить ум: космос, землю, ее людей. Это — мое «я». В какой-то миг понял, что себя, Иосифа Христюка, я изучил достаточно полно, но еще не осознал своего настоящего «я», то есть и тех, других, входящих в мой мир. Я пошел узнавать...

— Ну-ну!..

— ...узнавать и в меру своих сил делать так, чтобы мир в полном объеме моего «я» соответствовал своему назначению.

— Картина проясняется. Стало быть, в вашем мире для нас места не нашлось, поэтому вы и...

— Да.

— Гм. Послушайте! Ведь я тоже существую. В том мире, который вы охватываете собой. Значит, рассуждая логически, я объективно вписываюсь в ваш мир, в ваше «я», подтверждением чего и является эта наша беседа.

— Все логично и закономерно. Вы существуете реально, но лишь как антипод, как субстанция, которую необходимо преодолеть на пути к самоопределению.

— Будем считать, — предложил Зельбсманн, — все точки над «и» мы расставили. Осталось прояснить некоторые детали. Следствие, обвинение, приговор вас не интересуют...

— Я человек свободный и, если потребуется, сам найду способ распорядиться своей жизнью.

— Несомненно. Позволю себе последний вопрос: с какой целью вы назвались Михайличем? Неужели до такой степени разуверились в собственных идеях, что, отчаявшись, бросились очертя голову, рассчитывая таким образом сохранить за собой последний шанс на проявление своего «я»? Настоящий Михайлич сидит у нас. И ваш поступок еще больше усугубил его положение.

— У Михайлича хватит сил выстоять и без моей помощи. Для меня же главное — выкатить камень на гору. А там...

— Камень слепой, дороги не выбирает.

— Но зрячие его видят.

— А слепые? Допустим, лучшей участи мы не заслужили, мы намеренно останемся слепыми, а как быть тем, кого вам не удалось просветить? Сколько тысяч заложников? Им-то ваши рассуждения и прекрасные метафоры, уверен, были и останутся безразличны. А вам лично? Особенно, когда вырвем кусок из вашего мира: крестьяне, их жены и дети, которых мы вскоре расстреляем... Вы ведь тоже приложили руку к их гибели, руководствуясь самыми благими намерениями. Не самоубийство ли это для вас: своими руками разрушать мир? Вот над этим, уважаемый, и подумайте. А заодно и о том, действительно ли переход к смерти является последней вершиной...

7

Вступление армии в город означает свершившийся факт, закономерность, естественность, которую такой и воспринимаешь, поэтому, когда красные с песнями, усыпанные цветами, не маршировали, а словно плыли по старой брусчатке Львова, в бытии Иосифа Христюка, собственно, ничего и не изменилось. И чуть раньше, когда профессор Хайдукевич накануне вступления красных собрал своих самых способных, подававших наибольшие надежды учеников и сказал, что отныне студентам будут вбивать в головы марксизм и для них начнется не постижение смысла и истины, а учеба... Даже тогда Иосиф Христюк не пытался представить, как отныне сложится его судьба — судьба его, он убедил себя, всегда была с ним, она была вечной. Иосиф ушел из университета, никого не поставив в известность, без заявлений и демонстраций, просто ушел — и не из нежелания изучать марксизм: их классиков, поскольку запрещали, он читался достаточно, — уйдя, сам удивился, почему не сделал этого раньше. В душе он испытывал скуку, но чтобы покончить с ней, не хватало какого-то толчка, без сожаления расстался даже с профессором Хайдукевичем.

В следующий вечер, когда на улице остановил Турпак, высокий, полный, с черными длинными волосами, в чер-

ном тонком, под горло, свитере. Иосиф в душе усмехнулся. Раньше подобных мелочей он вовсе не замечал, а теперь они бросились в глаза: возможно, потому, что какой-то период в жизни закончился и — еще неопределенно — начинался другой. Все еще было шатким и неясным, вот мелочи и не ускользали от внимания, заполняли пустоту, которую сознательно оберегал, пребывая в сладостном предчувствии надвигающегося океана мысли, — радовался отшлифованным, размытым дождями каменным прямоугольникам брусчатки, назнакомой надписи на древней кладке зданий, голубям, сидевшим на загаженных карнизах; потому-то и отметил, что Турпак высокий и полный, в черном свитере. А вообще-то таким он, кажется, был всегда: вспомнились стихийные дискуссии в университете, где то и дело вспыхивал украинско-польский вопрос, и они превращались в сборища: голос Турпака, тонкий, но хорошо поставленный, слишком гулко звенел тогда в коридорах; еще помнится, Турпака изгоняли из университета, но он появлялся снова, несколько, кажется, не меняясь...

Турпак обнял его за плечи, весь какой-то теплый, ласковый и домашний, и, почти касаясь губами уха, зашептал:

— Молодец, Иосиф, воистину молодец! Лучшая часть украинской интеллигенции оставила университет, и списки протестантов уже ходят в городе среди верных людей, — ты тоже попал в эти списки. Не нужна нам такая наука, скоро мы дождемся своего часа...

Иосиф почти не прислушивался к этому пустословию, его немного раздражало, что Турпак крепко прижал к себе — идти было не совсем удобно. А тот водил и водил Иосифа по улице — сверху вниз, снизу вверх, улица здесь тихая, вечерняя — и шептал о судьбе Украины, которая воспитывает своих мыслителей, но сначала солдат, сокрушался: мол, напрасно Иосиф столько времени яхтался с поляками, испокон веку душившими нацию, но Турпак скажет, где следует, что то была ошибка молодости, с Иосифа снимут любые подозрения, поскольку он оставил университет: сожалел, что не немцы первыми вступили во Львов, всего на несколько десятков километров опередили их схизматики, рассказывал, какое это впечатляющее зрелище, когда в скрытном месте, в одном из яров за городом, вспыхивают сотни факелов, освещающая фигуры солдат свободы... У Иосифа даже плечи онемели, и он с облегчением вздохнул, когда, приведя его к самой квартире, Турпак наконец-то ушел, пообещав на прощание всяческую помощь и поддержку.

В квартире Христюка ожидал сюрприз: приехала пани Зося Кишиж-Барановская, несказанно обрадовавшаяся его появлению: ведь квартиру-то застала открытой, ждала-ждала — ни матери, ни квартиранта не слышать... Квартиру забыла закрыть Иосиф, что касается пани Эльжбеты, то она, всего лишь несколько дней назад, поддавшись патристическому порыву, уехала с какой-то миссией на передовую поднимать дух жольнежев, сражавшихся против немцев. А пани Зося именно в эти же дни спешила к матери — швабы ей на пятки наступали...

Утром пани Зося окликнула из своей комнаты:

— Пан Иосиф, пан Иосиф! Идите-ка сюда! — И, показывая в окно, удивленно спросила: — Пан Иосиф, у нас что, революция?

Внизу на улице толпились народ, на тротуарах, у стен домов сгрудились узлы одежды, ящики с посудой, стулья и столы, кровати и шкафы, бегали, посвистывая, дети.

— Революция, — подтвердил Иосиф, по ожилению внизу понявший, что началось переселение народов — из подвалов, чердачных комнат и закоулков в просторные покои бывших хозяев, частью исчезнувших, — тем же, кто остался, предстояло потесниться.

Возбужденная пани Зося, не отрываясь, продолжала наблюдать за переселением, а Иосиф ушел к себе и принялся за чтение, но вскоре и к ним постучали: пришли члены какой-то комиссии, походили, посмотрели, потом заявили: их уплотнить не будут — всего две комнаты, к тому же живет студент; с тем и ушли. Пани Зося приуныла, не зная, как сложится теперь ее жизнь, и лишь перед обедом потихоньку постучалась к Иосифу.

— Пан Иосиф, вы не знаете, возможно, у нас где-то имеется чай, прошу извинить...

Иосиф почувствовал угрызение совести: пани Зося хоть и дочь хозяйки квартиры, но сейчас она вроде бы его гостья, а он и не подумал ее угостить. Второпях бросился на улицу, накупил хлеба, сыра, колбасы, спустился в подвал, набрал картошки, отрезал сала — из остатков, привезенных от отца, когда возвращался с каникул, — и вскоре они, мешая друг другу, вдвоем состряпали кое-какое подобие обеда, а пани Зося, хлопая от восторга в ладошки, еще

добавила себе в тарелки жареной картошки. Потом, после чая, пани Зося, не смущаясь Иосифа, открыто всплакнула: она ведь оказалась в полной неизвестности, события менялись молниеносно, она и понять ничего толком не успела, как оказалась в советском Львове, мать, вероятно, у немцев, а муж, летчик, вообще неизвестно где. Иосифа же происходящее волновало мало, но одно он все-таки ощутил: пани Зося попала в другое, худшее, чем у него, положение, к тому же с ее представлениями о жизни, судя по всему, вряд ли можно было наладить взаимопонимание между ней и окружающим миром. Все складывалось так, что ему надлежало включить пани Зося в свой мир, то есть принять на себя заботу о ней. Для этого ему виделось два пути: либо убедить Зося, что все преходяще — превратности судьбы, либо устроить так, чтобы в пани Зося был завтрак, обед и ужин, сапожки взамен, если поизносятся те, что сейчас на ней, и тому подобное. Поскольку пани Зося, наверное, была далека от его философии, а Иосифу никто не давал права сковывать чужую свободу, устраивать чужой мир на свой вкус, оставалось второе. Краснее и смущаясь, будто снова проснулся в нем селок, впервые переступивший порог университета, попытался ее успокоить: пока они смогут перебиться, немного продуктов у них есть, а со временем, смотришь, положение и прояснится...

Выручил их старый Христюк, из самого села громыхал возом, четыре дня ехал, нужно было ехать — хотелось посмотреть, куда клонится жизнь в городе, заодно и сыну дать наставление, чтобы бодрей смотрел на будущее. Но сперва он снес в подвал два мешка картошки, в каморку, устроенную в квартире, поставил овощи и муку, дал денег Иосифу, и лишь затем, выпив немного за ужином, старик повел речь: теперь жить можно, учеба бесплатная, наоборот, платить будут тому, кто учится, недолго и развратить студента, смотри, Иосиф, vedi себя как следует, и сельчан теперь дорога открылась, не придется больше сермягу трижды опоясывать, выводя детей в люди, эх-ма, новая жизнь начинается!

Иосиф сочувственно смотрел на отца, в душе скрытно шевелилась жалость к старику. Отец вот верит, что и к нему наконец-то жизнь повернулась другой стороной, но разве он в силах понять иллюзию, внешние изменения, даже если в душе и сдвинуло, то опять же соответственно внешним изменениям, параллельно, обусловлено, мир все равно придется покинуть невесомо, так и не узнав, для чего жил, хотя отец убежден — он-то старается ради своего единственного сына, Иосифа: а какой в этом смысл, если в конечном итоге всех ожидает смерть, с той лишь разницей, что одни сумеют подчинить ее себе, другие она унесет, словно муху; эту мысль стоит потом записать...

Прощаясь, старик еще раз напомнил: сын должен вести себя примерно, в политику не влезать, и приструнить! смотри, эта паночка или пани запросто может тебе голову вскружить, к панам нынче льнуть незачем, хватит, — и уехал, уверенный, что сын, как и положено, безоговорочно исполнит отцовский наказ.

Немного оправившись, пани Зося пошла по советским учреждениям, намереваясь разузнать что-то о матери, о муже; ей пообещали, но посоветовали ждать, на Западе идет война, будут запрашивать по дипломатическим каналам. Иосиф тем временем сидел дома и читал, благо, книгами обзавелся у буквистов и отцовские деньги не растратил впустую. А через месяц его снова ласково обнял за плечи Турпак — высокий, полный, в черном тонком, под горло, свитере — и сказал, не скрывая обиды:

— Это как, Иосиф, понимаем, мы ведь, кажется, договорились, а ты, более того, с поляками крутишь? Прогони вон. И к нам клонись, пока безопасность не замела. В Сибирь захотелось? Университет ты в знак протеста оставил, совиты, наверное, занесли в черные списки...

Водил по улице, сверху вниз, снизу вверх, доверительно говорил о легионах солдат свободы, которые сбросят красных в Днепр и пойдут дальше... Водил, пока не опустились сумерки, на прощанье напомнил: а с паненкой возиться довольно.

Дома из комнаты в комнату ходила, нервничая, пани Зося: о матери ничего не слышно, а муж, представляете, пан Иосиф, в Лондоне, сбежал, а о ней и не подумал, забыл и не разыскивает, ей можно интерпретироваться, но тогда что получается: она к нему набивается. Неужели все в мире перевернулось и от достоинства шляхетского и следа не осталось? Возможно, он и герой, и продолжает борьбу, но не позаботиться о жене... Время такое смутное, немцы почти рядом... Нет, все равно, если бы муж захотел, смог бы что-то для нее сделать. Предал, предал, предал! Остается дожидаться матери.

В своем бессильном гневе, в отчаянии, придававшем ей силы, пани Зося была прелестна. Ее одиночество, детское и беспомощное, вызывало симпатию. Пани Зося следовало кормить, он вынужден был поступаться собственным одиночеством: это уже какой-никакой, а выбор, поэтому пришлось устроиться в магазин ночным сторожем — единственная работа, позволявшая оставаться наедине со своими мыслями. Как отнеслась к этому пани Зося, Иосиф не допытывался, однако ощущал на себе многозначительные взгляды соседки. Однажды пани Зося, смущаясь, попыталась завести разговор о благодарности, но Иосиф, глядя мимо, сказал: это он делает не столько для нее, сколько для себя, пусть пани Зося не беспокоят моральные обязательства, наоборот, благодарить должен ее, ведь, таким образом, он глубже познает себя... Со свойственным ей востор-

гом пани Зося в ответ высказала уверенность, что из пана Иосифа выйдет великий философ: она старалась лишней раз не беспокоить его и спрашивала о каждом клочке бумаги: можно ли выбрасывать? Со временем Иосиф свыкся с хлопотами, и теперь ему казалось, что иначе и быть не могло.

— Я тебя, Иосиф, предупреждал! — укоризненно сказал Турпак, появившись, словно призрак, третий раз на их тихой, вечерней улочке. — Разве нет? О той полячке? А ты ей исподнее стираешь...

Теперь Турпак пришел не один, из сумерек вынырнули еще три фигуры; Иосиф и опомниться не успел, как цепи от велосипедной передачи впились в его плечи.

— Разве я не говорил? — горестно вскрикнул Турпак, перед глазами Иосифа поплыло, и брусчатка поймала его на свою жесткую спину.

— Разве я не советовал, с кем надо водиться?

Ботинки туго вгрызались в его тело, боли словно не чувствовал, только что-то обрывалось в груди, в животе, после каждого удара силы, казалось, из него испарялись, не было мочи даже крикнуть; Иосиф понял: козь уж не закричал сразу, теперь разжать зубы не сможет; запоздав, крик застыл в гортле.

— Эй, что вы делаете?!

Иосиф узнал голос Юры-фотографа, услышал топот ног убегающих.

— Иосиф, царица небесная, за что они тебя?

Иосиф пожал плечами: разве у ничтожных людей мало поводов наброситься на того, кто их выше...

— Турпак, кажется? — допытывался Юра-фотограф.

— Какое это имеет значение, Турпак или другой?

— Я увидел и сразу понял — это Турпак, его повадки, я не раз наблюдал из мастерской, как вы в обнимку прогуливаетесь. Видишь, отомстил. Пошли, Иосиф, пошли, — сказал Юра-фотограф.

— Матка боска! — вскрикнула пани Зося и бросилась за водой.

Руки у пани Зося были прохладные, как вода...

— Юра-фотограф говорил правду? Вас избил из-за меня? — допытывалась пани Зося, но, не желая причинять ей боль, он рассмеялся: пустяки. Турпак — сволочь, не стоит о нем и думать. Иосифу вдруг стало радостно оттого даже, что его избил, что рядом с ним пани Зося, беспокоится о нем, радость была какая-то первозданная, граничившая со слабостью, но душа тянулась к ней, а в голове мелькали разные силлогизмы, пока не зацепились за краугольный камень: тяготение к естественности, крушение логических схем, выстроенных умом, не что иное, как суть бытия... Волна чувств вознесла его на гребень, и он спрятал лицо в Зосяных ладонях.

Иосиф потерял счет времени, но когда проснулся, понял: еще рано, по-утреннему красноватые лучи струились в

щель между занавесками, солнце совсем недавно заглянуло к ним на второй этаж. Интересно, сколько он проспал? Мысленно подсчитал — получалось, часа три, не более. Однако спать нисколько не хотелось, кровь горячила голову, мысли начали метаться: неужели я так просто ввергся в тошнотворный мир обыкновенных смертных? Неслышно дыша, рядом спала Зося...

Иосиф сознался самому себе: мучит его то, что больше он не свободен. Свободу отняла Зося, сначала по капельке, а с сегодняшнего дня ливиную долю, она возложила на него обязанность заботиться, беспокоиться о ней, с ней считаться... Зося спала очень красиво, как нарисованный ангел, ни разу не шевельнувшись, а он ворочался, ворочался и наконец около полудня случайно разбудил ее.

— Доброе утро, милый, — ласково сказала Зося.

— Зося, — отважился он. — Я обязан тебе сказать... Я, наверное, не смогу на тебе жениться.

— Почему? — улыбулась Зося.

— Видишь ли... Благодаря тебе у меня только что, утром, появилась цель жизни: увязать последние противоречия, существующие в моей философии. Этого до конца не удавалось еще ни одной философии, никогда, со времен древних греков.

— И люди будут счастливы? — восхищенно спросила Зося.

— Да! Они получат окончательный ответ на вопрос, мучивший их веками. И, открыв истину, обретут свободу. Я сегодня же начну работать.

— Я буду самая счастливая! Какой-то лучик твоей славы согреет и меня. Извини... я женщина, закончила всего лишь полный курс гимназии и толком не умею красиво высказаться...

— Зосенька, я сейчас же сажусь за стол!..

— ...обедать, — засмеялась Зося. — Никуда не денешься, тебе нужны силы, чтобы жить, надо есть, видишь, я тоже вспомнила латинскую поговорку, забыла только, как звучит в оригинале.

Стараниями Зося их бытие упорядочилось, его течение, неизбежно натывавшееся на рывины житейских забот, обходило Иосифа стороной, он даже не замечал, как жизнь их течет, не нарушая установившегося расписания, прямо как маленькое отражение общей картины мира, микромир, выделенный из хаоса; каждое утро Иосифа теперь ждала на столе стопка чистой бумаги, лежавшая как раз на середине, а слева, в углу, росла такая же стопка черновиков... Ему казалось, что он взвалил на себя малые и большие хлопоты ради счастья всего человечества и собственной радости; и так продолжалось до 24 июня 1941 года, когда все нарушилось в их мирке. Выбив плечом ветхую дверь, в комнату влетел взмыленный Турпак, все в том же черном, под горло, свитере, однако на этот раз с черным пистолетом в правой руке, а вслед за Турпаком — словно запыхавшиеся псы, еще трое, потные, в

одинаковых темно-зеленых, строгого фасона рубашках, воротники наглухо застегнуты, и тоже вооружены. Зося в свежем выглаженном халатике сидела и пила чай, от неожиданности едва не уронила стакан, не успела его поставить, как Турпак, оказавшись за спиной, схватил ее за волосы, глаза его бежали, будто загнанные.

— Ну что, дождался?! — Турпак не крикнул, а завизжал, голос у него сорвался. — Я же говорил тебе? Доигрался с поганой полячкой? Вот тебе!

Выстрела Иосиф не слышал, но голова Зося странно дернулась в Турпаковой руке: тот отпрянул, как будто ему обожгло пальцы, а Зося продолжала сидеть, неестественно далеко запрокинув голову на спинку стула, встречая своими широко открытыми глазами черных ангелов.

— Ну что, досочинялся?! — Турпак подскочил к столу и принялся разъяренно — стопка уже была пухленькой — рвать в клочья написанное. Иосиф испуганно наблюдал, как странички, подобно бабочкам, взлетали в воздух, кружились и падали, а некоторые, упав в тоненький ручеек, бежавший по желобку в прохлудившемся полу от стула к стене, пропитывались кровью... И когда комната опустела, переступить тот ручеек он так и не смог, что-то вытолкнуло его в город, но и там свирепствовал погром, и таких, как Иосиф, было много, вероятно, потому он и уцелел, бессмысленно блуждая по улицам, ночью, где придется; однако со временем начал одолевать голод, природа снова брала свое, случайный человек, пожалев, дал ему пристанище, устроил чернорабочим в авторемонтные мастерские. Течения времени он не замечал, видимо, никак не мог выйти из предвещенного, творческого состояния, а тут еще смерть Зося, которая настолько его ошеломила, что он, словно застывший, продолжал жить в минувшем; а возможно, он до такой степени предался творчеству, что докопался до самого дна, увязнул в иле и не может теперь освободиться, всплыть на поверхность.

— Надо бороться, — сказал ему однажды пан Станислав, — работавший в тех же авторемонтных мастерских не то слесарем, не то электриком, а может быть, и электрослесарем. И это откровенно прямое предложение вывело его из оцепенения, колесики в мозгу начали вращаться, приводя в движение механизм памяти. — Разве вы можете смириться, хотя бы со смертью любимой? — сказал пан Станислав.

— Мечь?

— Нет, борьба, — уточнил Станислав.

— Подполье — значит, явки, тайники, убийства, конспирация. Неизбежно используются методы врага, не теряет ли смысла в таком случае сама борьба? И скажите, где тогда добро, а где зло?

— Истории бухгалтерия не нужны, она сама в будущем подытожит и приобретет и потери. Но ее-то, историю, надо двигать.

— Подполье — это меньшинство по сравнению с большинством, отличие большинства в том, что они просто живут. Брать на себя ответственность еще и за других я не могу. Она разделена на всех поровну, по справедливости. Я не могу воевать в подполье ради себя одного. Так или иначе это выделит меня из среды большинства. Какой же смысл бороться за самого себя?

— Раб, уяснивший свое рабское положение, уже не раб, помнишь? Я думаю, вы не сможете не участвовать в борьбе.

— Да, вы правы. — Новые мысли, одна за другой обуревали Иосифа. — Я хочу, чтобы вообще не было рабов, слышите? Только тогда я смогу включить это большинство в свой мир. И отвечать за него.

Вскоре Иосиф Христюк ушел из Львова.

8

— Такие вот дела. Мышко. — вздохнул Артем Лихван. — до сих пор не удается обнаружить иуду. Вроде бы и зла особого не причиняет, но ощущение такое, будто гестапо о каждом нашем шаге известно. Помнишь, на трюну ликвидировали полицейский пост? Куда исчез командант Голяк? Кто постарался предупредить его в последний момент? Потом, во время расстрела карателей, Голяк снова смылся. Сейчас, правда, редко наезжает в село. Поливода правит практически один, притих-то он притих, да не больно таятся. Тут еще вопрос, кто команданта оберегает и чем закончится их дружба?

— Пора вам собираться в лес — к нам, — сказал Коляда, Мышко-«схидник», — и в самом деле, переловят, как шпалы. Оружия у вас, собственно, нет, своих действий в случае нападения не представляется, списки подпольщиков скорей всего составлены, может, их уже и гестапо передали. Почему пока оставляют в покое... трудно сказать... Может, чего-то выжидают?

— Чего? Пока мы потихоньку снимаемся и уйдем? А ты представляешь, как нам такой почти небооруженной группой пробиваться к Пинским болотам?

— По цепочке, связанные проведут.

— Дорогу-то найдем, но, случись наткнуться на парочку гнилых полицейских, они нас запросто передадут. Люди, Мышко, не подготовлены. Да и в Залесах необходимо после нас сохранить какое-то ядро, на его подготовку, поди, время потребует. Вот так. Ну, что это я все о себе да о себе, а ты не сиди, ешь и рассказывай, как там у вас.

— Да что у нас... Еле пробилась за Днепробугский канал.

— Далеко...

— Далеко. Много отрядов там.

— Может, радио слушаете, как там на фронте?

— На фронте, врать не буду, тяжело. Немцы на Волге. Лето предстоит жаркое, а осень — и говорить не стоит.

— Да-а, дела...

— Правду от народа не скрывать, пусть знают, насколько сейчас тяжело, и каждый помогает в меру своих сил. Еще немного, и немцам так дадут по зубам, что до Берлина не опомнятся.

— Дадут, конечно. Но пока наши от Волги придут...

— Дождется.

— Само собой. Я вот еще чего боюсь. Народ наш, залесцы, на фашиста волком смотрит. Продукты прячет, военнопленных укрывает, а недавно сено отказались сдавать.

— Радоваться надо, ваша работа, подпольщиков.

— Я уже начинаю беспокоиться: не бояться ли Поливоды, ни полицейских. Ничего не страшно. Прямо сельсовет открывай и красное знамя вывешивай.

— Может, вскоре так оно и будет.

— Как?

— Знаешь, зачем я снова появился в эти края? Говорю пока что только тебе. Я должен установить связь с группами, которые действуют в Борсовских, Двинских, Кортелевских лесах. Пора собирать силы в кулак. Здесь будет действовать Брестское партизанское объединение, это уже, брат, целая армия. Ну, по крайней мере дивизия. Создается партизанская зона. Вот тогда, может, и в самом деле знамя поднимем.

— Будем надеяться. Однако боюсь, не замышляют ли немцы сейчас чего-нибудь? Случи разные ходят, будто села собираются уничтожать, партизанские в первую очередь.

— Такие слухи распространяются с начала войны. В принципе от них, конечно, можно ожидать всего. Ничего, вскоре создадим отряды самообороны...

— Но ты представляешь, что произойдет, если каратели нагрянут вскорости? У нас только партизанских семей больше сотни. Подполье, комсомол, активисты... А родственники? Вполне тысяча людей наберется. Ты же знаешь повадки фашистов: у них счет идет на головы, им безразлично: старики, женщины, дети... Все село в лес не уведешь.

— Не уведешь...

— Кто же их тогда защитит?

— Артем, почему ты так на меня смотришь? Сам знаешь — наш отряд далеко. Двинемся сюда — немцы нас

вмиг засекут. С нашими силами вступать в открытый бой безрассудно. А беспокойство твое понятно, я обо всем доложу командиру.

— Ты лучше скажи, Мышко, что делать-то?

— Людей по крайней мере предупреди. Пусть временно по другим селам, по родственникам разойдутся, переждут.

— Такое количество людей — не иголка в сене...

— Кто решился нам помогать, тот знал, на что шел. И о детях не думал. Нет, в первую очередь о детях-то и думал, после победы, когда вырастут, они спросят: а что ты, мать, или ты, отец, сделали для разгрома фашизма? Понял? Народ так и думает. Люди после тридцати девятого гордость свою почувствовали, второй раз их на колени не поставишь.

— Верно говоришь.

— Враг все время ждет, чтобы у нас опустились руки. Видишь, чересчур громко кричат о своих победах. Не годится нам врага на своей земле пугаться, несмотря ни на что. Тут кто кого. Народ везде поднялся. И стар и млад. Горит и кровью истекает Белоруссия. Ты речь товарища Сталина об активизации партизанского движения читал? Так, значит, и действовать. Народ свое слово скажет. Земля горит, люди кровью истекают, но ты покажи, покажи мне щель, куда можно спрятать наш партизанский тыл в этом тылу, за спиной немецкой армии, покажи мне эту щель! Нету ее, мы здесь единое целое — со стариками и детьми, и еще народившимися, одно целое, понимаешь, каждую минуту от нас отрывают по живому куску, в нас каждую минуту стреляют. И не терзай мне душу, я и так зол! И сам держись, чтобы глаза не слезились и видели мушку на карабине, слышишь?

Коляда перевел дыхание и вытер покрасневший лоб. Погода, сказал уже тише:

— Делайте все возможное, это я передаю от имени командования, чтобы сохранить людей. И еще одно. Пропал Михайлич, есть сведения, какой-то мужик на одном из хуторов выдал его немцам.

— Комиссар щорсовцев?

— Да, Владимир Михайлич. Очевидно, его отправили в Брест, но не исключено, что привезут в Залесы для опознания. Тогда действовать решительно. Отбить — и в лес, ясно?

— Ясно...

— Вот. Пожалуй, у меня все.

— Если все, так все. Ко мне вопросы будут?

— Военнопленные продолжают появляться, бежавшие? — Ничего редкого. Двое больных, отдали на хутора. Поправятся — к нам направим.

— Присматривайтесь, сейчас гестапо может лезучика подослать, так что проверяйте.

— В душу не заглянешь. Мы же не разведка, опыта нет. Как сможем.

— Во всяком случае, не спешите. Свои дорогу к своим всегда отыщут. Обид здесь быть не должно. Мужиков в селе осталось много?

— Хватает. Мобилизовать всех не успели. А что толку? С десятком, может, наберется, кто в польской армии служил, а остальные винтовку в руках никогда не держали. У вас там, на Востоке, хорошо, учебу разную проводили. А здесь...

— Научим. Дай срок. Было бы желание.

— Будет зона — мобилизуем, это ясно. Настроение у народа есть, это я тебе как коммунист говорю. Немцев ненавидят.

— Вот это и главное. Ну, Артем, мне пора. В Самары бы еще успеть. По пути Высочко, там как?

— Спокойно. Разве что собаки облают.

— Собак обойду.

— Ну, пока. В дорогу что-нибудь возьмешь?

— Не надо. Лишние хлопоты. Там накормат.

— Счастливого пути. Я провожать не пойду. Катерина твоя на подворье зажалась и замерзла, поди, прощай или как?

— До скорого, Артем, до скорого. А не свидимся — знать судьба такая.

Сентябрьская ночь повеяла прохладой. Стоя на пороге сенной двери, Коляда загляделся на бездонное, густо усеянное звездами небо; прикрыл глаза, привыкая к темноте, и тихо свистнул. От грюши отделилась темная фигура, Михаилу хорошо были видны ее очертания: шла его Катерина, крепкая, невысокого роста, широкая в талии. Он неслышно пересек двор, идя ей навстречу, обнял Катерину за плечи, а она спрятала лицо у него на груди. Нужно было торопиться в Самары, а Катерина словно прикипела. Коляда взял в ладони ее голову, осторожно преодолевая сопротивление, поднял лицо Катерины, пытаясь заглянуть ей в глаза. Даже в темноте почувствовал ее умоляющий взгляд и, не осмеливаясь сказать о немедленном уходе, начал целовать сухими губами.

— Катя, Катюша, — прошептал погоды, — не провожай меня.

— Я и не собираюсь. Как бы не сглазить, — услышал наконец ее голос. — Я ведь тебя ни разу еще не провожала, только выглядываю каждый день.

— Не сглазишь, не сглазишь. Выглядывай, я скоро приду.

— Как мне хочется, чтобы ты пришел навсегда.

— Приду, не вечно же нам расставаться. Да и как мне тебя такую оставить, — нарочито грубовато пошутил Коляда.

Засмеявшись, Катерина снова уткнула в грудь ему свое лицо.

— А кто виноват? — откликнулась на шутку. — Ты сам. Уже третий месяц...

— Как?

— Говорю же тебе, третий месяц пошел...

— Отец и мать знают? Артем?

— А почему бы и нет?

— Как же они мне-то ничего не сказали? Небось, ругают, в селе, без мужа, незаконного собралась рожать?..

— Какие сейчас законы, Мышко? А отец-мать знают, от кого ребенка ношу. И Артем тоже. Одно говорит: смотри, берегись.

— Береги его, Катюша... Не волнуйся, все будет хорошо. А свадьбу сыграем потом, в отряде, верно?

— Успеем, все еще успеем. Если останемся живы.

— Останемся. Я теперь и за него, за двоих, нет, за троих, чтобы быстрее... А сейчас, Катя, мне пора. Уже, наверное, за полночь.

— Иди, милый, иди. Уже точно на двадцать третье перевалило, я теперь каждый день считаю.

— Катя, прошу тебя, слушайся Артема. Делай, как велит, слышишь?!

— Хорошо, милый, будь спокоен. Не следовало тебе говорить, у тебя и так столько хлопот, а тут еще и мы...

— Нет, нет, ты молодец! Но провожать не нужно. Иди первая, видишь, холодно, недолго и простудиться, а тебе болеть сейчас никак нельзя.

— Как скажешь.

Он, подсознательно чувствуя, как торопит время, как неумолимо надвигается рассвет, поспешно поцеловал девушку и побежал из хутора через лужок.

9

— Давайте продолжим, Михайлич.

Должен сознаться честно: время уходит катастрофично, втягивает меня в водоворот текущих, ежеминутных дел, уже завтра не имеющих ни малейшего значения, однако все же вынужден ими заниматься, просто вынужден считаться с моментом, существующим порядком вещей — представляете это извечное противоречие между желанием и действительностью? — так вот, даже при такой быстротечности мгновений я склонен довести наш разговор до конца.

Теперь, чтобы не отвлекаться, я не буду вынуждать вас отвечать мне даже мысленно, но если хотите, размышляйте себе на здоровье — дело ваше, но мысли ваши я фиксировать не буду, лучше выложу один бесспорный факт. Вы человек умный, совладаете с ними на досуге; да будет вам известно, меня больше не занимает, станете вы или нет на путь истины: ведь ее утверждение в конечном счете не зависит ни от вас, ни от меня, ни от других; она вне нас, в сути самой природы и неотвратима, как смена осени зимой. И если вы это осознаете, то поймете и бесполезность так называемой борьбы, и партизанской и вообще, скажем, классовая; пользуясь вашей терминологией.

Известно ли вам о существовании секретной, тайной философии? Наверное, нет, ведь тайное у вас ассоциируется с определенными изобретениями, планами генеральных штабов, подготовкой политических акций. Глупости. Глупости, иллюзия тайнства, профанация разведки и контрразведки, реквизиит сейфов и наигранное глубокомысленное молчание. И я вовсе не боюсь открыть вам, казалось бы, своему врагу, содержание этой философии, одновременно являющейся и главной, сокровенной идеей нашего дела — фашизма. Ухмыляться: мол, все известно, не стоит, это не пачкотня Розенберга или ему подобного «титана» мысли; это — дело будущего, закладываемого сегодня. Повторяю, открываю сознательно, вы мне не страшны, вы — никто, и, даже заявившись к своим с секретными сведениями, на самом деле пришли бы с пустыми руками; да и став вдруг чем-то, оказалось бы, что делить нам с вами нечего. Кроме мыслей. Вы заметили: смертью, как залогом молчания, я вам не угрожаю? Сделайте вывод. Вывод более глубокий, чем при обычном приглашении к взаимному доверию.

Так вот. Мы, стоящие на самой вершине, начинали нынешнюю войну, заранее зная о проигрыше, к окончательной победе мы еще не готовы. Не исключено, следующую тоже придется проиграть. Там посмотрим. Нынешнюю, вторую мировую, делаем все возможное для победы, вынуждены проиграть, к сожалению, неизбежно проиграем. Наша армия рвется к Волге, она вышла к ее берегам. Правительству, генералам, солдатам мнится близкий финиш, но это и есть начало конца. Скоро зима, поражение потом спишут на морозы, на русские просторы, засосавшие, рассредоточившие нас, но уже ясно: армия потому в крови вашего народа и безостановочно покатится до Берлина, где и наступит крах.

Зачем же спрашивается, было начинать?

Война — локомотив прогресса. Она неизбежно вызовет к жизни, словно джинна выпустит из бутылки, научные открытия, способные ошеломить мир, больше того, они поставят его с ног на голову. Возьмем, к примеру, ядерное оружие, слышали о таком? В двух словах: эта штука, уничтожающая все живое и неживое в радиусе пяти километров. Ученые давно предсказывают его появление. Над созданием атомной бомбы работают американцы, нам

до окончания войны вряд ли успеть, да это и не имеет принципиального значения. Главное — атомная бомба появится, и она станет не только оружием, но и способом запугивания. Теперь вам понятно? С одной стороны, война тормозит духовное развитие человечества, с другой — ускоряет его техническую вооруженность; у нас, на Западе, она, скажем так, станет основой власти, управления, поможет противостоять вам, Востоку. Считаю, разделение так и произойдет: Запад — Восток, по идеологическому принципу.

По-вашему, социализм выйдет из войны еще более монолитным и окрепшим? Ошибаетесь! Хотя на первый взгляд — да. Но поскольку носителями убежденности, мужества выступают обычные люди, то в связи с гибелью лучшей их части истощаются и запасы этих качеств. Погибнут миллионы, цвет, надежда! И для этого тоже имело смысл начинать войну.

Немного о Западе. Запад — уж такой у него характер — попытается вскоре забыть о войне. Запад захочет жить, как и прежде, не прикрываясь из скромности прекрасными идеалами. Запад потонет в роскоши и разврате. Так им и надо — тем, кто не в состоянии покорить вершину. Повторю, так им и надо, пусть не мешают, не путаются под ногами, пусть глаза им застит собственная персона, и они не смогут заглянуть далеко вперед. Конечно, от бедных, нищеты и, как пишут у вас, подневольных не избавиться. У нас бы хватило энергии поднять их к среднему уровню, но без группы обнищавшего населения никак нельзя — они будут вести «борьбу» за свои права, создавая впечатление государственной демократии.

Земля всех прокормит не в состоянии. Да и стремительный прогресс техники, как молот, сжирающий природу, нарушит в ней равновесие, расплодит на планете выродков, зальет ее грязью, отравит атмосферу. Тогда что прикажете — всем крышка, заживо гнить, коль кто не успеет предусмотрительно улететь в другие миры, в поиски рая? Нет, любезный. Когда столбик на шкале кризиса поднимется к отметке, разделяющей «да» и «нет», именно тогда и пройдет время и мы перетрясем мир ради его же собственного спасения, а уж потом скрывать нам будет нечего, и мы в открытую сможем назвать себя. Мы вычистим грязь и заживем на зеленой и чистой планете, титаны, равные среди равных, властелины космоса.

Вы скажете, мол, ничего нового я вам не поведал, обыкновенный фашизм, да и только? Ошибаетесь. Обыкновенный фашизм, если хотите знать, вы сейчас видите вокруг себя, но он всего лишь ответ генеральной доктрины избранных, невидимых вершителей судеб, тайного братства великих, гигантов, не довольствующихся границами рейха или России, они держат в своих руках планету. Гитлер не более чем пляшет под их дудку, а «его борьба» — лозунг, кусок мяса, приманка для толпы, государственная идея нынешнего этапа развития истории, направляющая толпу на «завоевание жизненного пространства», приводящая это быдло в ярость, чтобы быдло уничтожало себе подобных, проба сил, пугало для обывателя с единственной целью — загнать его глубже и глубже в нору; «обыкновенный фашизм» — всего-навсего полуправда, маска, бутафория.

Вас, несомненно, сильно подмывает спросить, но гордость сдерживает: кто же такие эти «мы»? Нас пока мало, но, разбросанные по всему земному шару, наши люди имеют в своих руках реальную власть — деньги, банальное золото, очень много золота и, держа рычаг экономики, само собой, корректируют политику, короче, управляют миром, не афишируя свою власть. Представляете, как возрастет наш капитал в ходе войны? Еще задолго до ее начала наши эмиссары, словно монахи, разошлись по планете, имея задачу сеять зерна фашизма, а другие, рангом пониже, где-то в джунглях, пустынях, горах, укрытиях готовят резиденции, будущие интеллектуальные центры, куда сойдутся все нити. Посеянные зерна, не сомневайтесь, взойдут, верхи нуждаются в фашистской доктрине.

Ваша коммунистическая философия — реальность, по силе влияния, по силе логики она могла бы стать сильнее нашей, но мешает один маленький нюанс, который, я уверен, в конце концов приведет ее к гибели. Вы делаете ставку на большинство, на массу, на толпу, на мужиков, в целом неспособных постичь себя; а если отдельные индивидуумы и вырываются вперед, то, подчинившись императивам вашей морали, вынуждены тянуть за собой «коллектив», в котором либо растворяются, либо тонут, ну и надсаживаются от бесконечных конфликтов, недоразумений, мук совести и тому подобного. Вы делаете ставку на добро, которое будто бы заложено в самой человеческой природе, свойственно ему. Откуда? Почему? История — непрекращающаяся грязь. Природа безжалостна, а человек — дитя ее, он полностью от нее зависит. Дикая орда. И толпа никогда не изменится. И даже разделив по справедливости материальное, все равно грызни не избежать, если духовное всего лишь наденет маску, напоминающую человеческий облик.

Но, может, хватит слов? Завтра, 23 сентября, в Залесах я вам продемонстрирую, смогу наглядно подтвердить сказанное. Проведем там массовое истребление. И вы увидите все: ничтожность, страх, безвольные толпы; они будут идти, словно бессловесные овцы, под нож, разве что моля о пощаде. В этом причина вашего проигрыша в будущем.

Вечером, еще не было и десяти, в камеру № 72 доставили четвертого. Его шатало, и, чтобы не упасть, он прислонился спиной к металлической обшивке двери, которая сразу же закрылась. Вошел, словно в пустую камеру, и заключенные, шагавшие было поддержать его, остановились в нерешительности; четвертый посмотрел сначала на левое, потом на правое плечо, руки его висели безвольно вдоль тела, судя по всему, ранили в оба плеча — сквозь бинты, видневшиеся из-под остатков немецкого френча, проступали темные пятна крови.

— Снайпер, — объяснил, не поднимая головы, новичок, — иначе им бы черта с два взяли меня живьем. Оставил без рук, гадина. Теперь крышка. Ногами ту сволочь тоже не достать, равновесия тело не держит.

— Били? — спросил Иосиф.

— Зачем? — четвертый наконец-то посмотрел в их сторону. — Что я знал, я сказал, а большего мне неизвестно.

— Как?! — не понял Михайлич.

— А так: о чем спрашивали, то и сказал. Плевать мне на них. Я один, как палец. Отряд погиб, а уцелевшие, поди, далеко. Плюнул и сказал: я — офицер Красной Армии, командир, в отряде двадцать человек. Больше года давали им прикурить, колесили по всей Белоруссии, не задерживаясь на одном месте. Парни мои — бойцы-кадровики, из окруженцев, обученные, тренированные. Мобильный отряд. Кормились и одевались на счет рейха. О боевых операциях сообщил с удовольствием — список солидный. И никаких фамилий! Да и зачем они им? Народ окрестил меня Невидимцем — этого тоже не скрывал. Не зачем.

— Невидимцем? — переспросил Михайлич.

— Невидимец — самое популярное. Ветер, Хорунжий, Без Погон, Домовой, называли по-разному, меня же никто в лицо не видел...

— Я о вас слышал, — молвил Михайлич. — Зачем дали им повод порадоваться? На всех перекрестках шум подымут: неуловимого Невидимца и того поймали...

— Радость небольшая. Да и не резон кричать, много мы им соли на хвост насыпали, за год почти тысяча солдат, не считая техники... Вместо нас десятки новых Невидимцев появятся, точно. Чего ради я должен прятаться и перед кем?

— Вам бы лучше сесть, — предложил Михайлич, — стоять тяжело. Иосиф, помогите.

Вдвоем с Христюком они отвели Невидимца к стене, поддерживая руки, усадили, а чтобы удобней было сидеть, осторожно развели их в стороны.

— Мне уже осталось немного, — криво улыбнулся четвертый. — Вы-то как сюда угодили?

— По глупости, — нахмурился Михайлич. — Я лично по глупости.

— Понятно... От ума сюда не попадают.

После длинной паузы Невидимец спросил:

— Коммунисты среди вас есть?

— Есть, — откликнулся старик и указал глазами на Михайлича. — Вот он. Комиссар партизанского отряда имени Щорса — товарищ Владимир Михайлич.

— Верно?

— Что, вид не вызывает доверия?

— Ну да, вид-то у вас слишком уж приличествующий. Даже пальцем не тронули? Зельбсманн на художества мастер...

— Не верите? Я его встречал в Берестянах, когда отряд заходил. Это действительно Михайлич, — вмешался дед, — не сомневайтесь.

— Вам больно? — склонился над пленным Михайлич. — Может, воды хотите?

— Чепуха. Вот был себе Невидимец... — раненый неожиданно умолк, задумавшись.

— Душа всегда покоя жаждет, — зашевелился дед, — только никогда его, этого покоя, нет. Какой там покой, когда нищета... А успокоившись, снова просится на свободу, к людям. Раскажи, сынок, не мучайся.

— Возраст у вас почтенный, кажется, не пристало врать. Я это к слову, отец, не обижайтесь.

— Тебе, сынок, предстоит лишь перед богом отчитываться. Людям, что следовало, все сказал. Да и мы сродни тебе.

— Кто на бога может опереться, тому легче. А если себе, самому себе песчинкой кажешься?.. Вас-то, отец, за что криминалу?

— Длинная песня, сынок. Годков моих не хватит всю снова спеть, — махнул рукой старик. — Сюда, однако, сам подался.

— Это как, добровольно?

— У нас здесь ситуация особая, — пояснил Михайлич. — Все трое — Михайличи. Я — настоящий, они — самозванцы.

— Самозванцы? Понятно... Какой же смысл? Зачем такие подарки? Повод крик поднять: комиссары в плен сдаются?

— Ну и пусть, пусть знают: на этой земле каждый может стать Михайличем! — крикнул Иосиф, все более заинтересованно присматривавшийся к Невидимцу.

— Видишь ли, сынок, — продолжил погодя дед, — в политике я не очень силен, не чета философу, живу, как бог на душу положит, судьбы не изменить. Я здесь, значит, душе моей так угодно, так и должно быть. Не ждать же на хуторе судного дня. Пусть и перед смертью, но скажу изуверам правду в глаза.

— Не прошибет...

— Ну, не скажи. Смерть — великое таинство. Перед тем таинством и звери на миг замирают. А эти... вида, может, и не покажут, но что-то у них, небось, всколыхнется. — вздохнул старик.

— Машина, отец, раздавит — не остановится.

— О чем теперь разговор, когда мы здесь? — вмешался Иосиф. — Так было нужно: мне, ему... На подобное без смысла не идут. Хватит.

— Ну, ладно. Грешно вас разочаровывать. Поди, карательные акции готовятся, а вы хотите спасти, желаете отвлечь?

— Думай, как тебе угодно, — вздохнул дед.

— Народишка жаль, много погибнет...

— Другого от фашистов ожидать не приходится. Против народа войной пошли.

— И как, скажи, разрубить этот узел? — заходил по камере Михайлич. — Борьба есть борьба, а заложничество?

— Огонь. Огонь из-за каждого куста — единственный выход сохранить народ. Диктовать врагу свои условия.

— Я понимаю. Но что происходит в душе?

— Держись, комиссар, — словно продолжая разговор, сказал старик. — Пока болит душа — ты и человек.

— Хлопцы, хлопцы, — откликнулся Невидимец, — что мы все о смерти да о смерти? Ведь жизнь прекрасна, правда, отец? — Они увидели, что Невидимец, еще раньше закрыв глаза, так и продолжает сидеть, очевидно, ему сделалось хуже.

— Что верно, то верно!

— Сейчас хоть проповеди читай, грехи замаливай или успокаивай себя, но я вам скажу одно: немцы до Сталинграда дойти-то дошли, победу предвкушают, однако будут вскоре дранать восвося. Поверьте, это вам говорю я, Невидимец. И хорошо дранать. Для нас пока и этого достаточно, а оставшиеся, понятное дело, пойдут дальше.

— Немец что, отступает или как? — приободрился дед.

— Пока нет, но собирается. Источники надежные, сам видел. Намечают ливню обороны в Белоруссии, закрывающую самый краткий путь в Германию. Работы пока не ведутся, но топографы уже сняли план местности, и его проект у нас есть. Пусть они, как хотят, меняют дислокацию объектов, это, хлопцы, мелочь, важен факт, сам факт!

— А мне Зельбсманн молот: войну будто бы для того и начали, чтобы ее проиграть, зато нас обескровить, — сказал Михайлич.

— Лучше бы начальству своему подобную басню рассказал. Изворачивается от бессмыслия. Пусть болтает! Но дело, хлопцы, принимает другой оборот. Как бы ни свирепствовали, наша верх берет... Невидимец притих, ему казалось, что стены камеры раздвинулись, к лучшему изменилось настроение людей, даже лампочка, тлевшая под решеткой, вспыхнула ярким светом.

— Хотите, расскажу? — спросил Невидимец.

Молча кивнули, боясь остановить, расплескать теплую волну чувств, нахлынувшую на раненого.

— Я сначала... Что смогу... Старик наклонился над раненым, вытер платком пот со лба, тревожно взглянул на Михайлича: может, не надо? Жар у человека. Но Михайлич понял: никакая сила не вынудит Невидимца замолчать, он загорелся и обязательно должен выговориться; это было не беспамятство, а напряжение памяти, воля его сжималась в кулак, раскрепощая чувства. Михайлич лишь кивнул головой, словно говорил: если у Невидимца хватит сил говорить, пусть говорит, а сам удивился упорству четвертого, до сих пор сохранявшего ясность мысли.

— Не знаю почему, но хочется начать с детства, — не открывая глаз, извинительно усмехнулся Невидимец. — Ведь почти все позабыл, а это нет: бегу по траве босиком, все детство пробегал по траве босиком. Мать и отец на работе. Еще запомнил, что я Миколка, Коля Варавка. И больше ничего, дальше сразу война.

А здесь все предельно ясно, как дважды два. Я со своим спецотрядом пограничников во втором эшелоне, на станции Березки. Проверяем эшелоны, ловим диверсантов, дезертиров... Случайно мне передали двух немцев, перебежчиков, к нам они явились в первый же день войны, искренне уверовав, что им тут же выдадут оружие и зачислят в нашу армию. А нам бы самим во всем разобраться. Начальство говорит: пусть посидят парочку часов в пакгаузе, может, приказ относительно них поступит. А спустя час на станцию выбросился воздушный десант, и вскоре от моего отряда осталось несколько человек. Фашисты в тылу, впереди тоже, видим, их разведка на мотоциклах. Выдал я перебежчикам оружие, не знаю, каким чудом вырвались мы из окружения. Выдал я им оружие несколько не из отчаяния, что-то другое почувствовал, но воевали наши немцы исправно. На восток мы отходить не торопились, верилось: наши вот-вот придут в себя и вернуться. А потом встретил знакомого майора, и решили мы с ним остаться в Белоруссии, приказ-то отступать нам никто не давал.

Авторизованный перевод с украинского
Владимира СЕРЕДИНА.

Продолжение следует.

КОНКУРС «НАША РОДИНА»

Первый тур

«ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ»

Проведенный журналом «Смена» в минувшем году Конкурс эрудитов завоевал большую популярность у наших читателей. Многие из них высказали пожелание сделать его постоянным и предложили провести на страницах журнала в этом году, когда страна отмечает 60-летие образования СССР, новый конкурс.

Редакция охотно поддерживает это предложение и совместно с Бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ объявляет о начале конкурса «Наша Родина».

Конкурс пройдет в три тура, в каждом из которых читателям будет предложено 15 вопросов, касающихся общественно-политической и научно-технической жизни советских республик, истории Советского государства, географии, литературы, искусства и культуры, быта и обычаев населяющих его народов.

Вопросы для всех туров редакция, по традиции, отберет из ваших писем, дорогие читатели. При этом вопросы первого тура, которые мы предлагаем вашему вниманию, взяты в основном из писем читателей, как раз и предложивших провести конкурс «Наша Родина».

Ждем от вас вопросы для второго тура — до 15 апреля и третьего — до 15 мая. Присылайте их в любом количестве с обязательной ссылкой на справочную литературу. Самые интересные опубликуем в номерах с указанием вашей фамилии.

Жюри будет подводить итоги как по каждому туру, так и по конкурсу в целом, выявляя победителей по количеству набранных очков. Правильные ответы на все вопросы каждого тура могут принести претенденту 50 очков. За каждый неточный или неполный ответ жюри вправе снизить оценку.

А призы?

Для тридцати участников каждого тура, показавших наивысшие результаты, — это книги и альбомы, дипломы.

Для трех победителей конкурса в целом — путевки для путешествия по СССР.

Итак, конкурс «Наша Родина» начинается. Ответы на вопросы первого тура редакция ждет от вас до 15 мая. Вы облегчите работу жюри, если будете отвечать на вопросы в таком порядке, как они заданы, и писать четким почерком на одной стороне листа.

Желаем вам успехов!

ЗАДАНИЕ ПЕРВОГО ТУРА

1. Когда и в какой Совет впервые был избран депутатом В. И. Ленин? Кто выдвинул его кандидатуру? (3)

Ф. МОРЕНЕЦ, г. Жданов

2. Сколько народов, ранее бесписьменных, получили письменность в ходе строительства СССР? Назовите хотя бы десять языков, получивших тогда письменность. Какой термин принят для их совокупного обозначения? (2)

А. ПАРАМОНОВ,
г. Касимов Рязанской области

3. Известный советский актер, готовивший главную роль в спектакле «Встречи с Маяковским» в 1952 году, увидел на сцене студенческого театра МГУ в этой же роли студента-химика и предложил ему сыграть ее вместо себя в Ленинградском театре драмы имени А. С. Пушкина. Студент согласился, выступил с большим успехом, ему предложили стать профессиональным актером, но он остался верен науке, стал академиком, Героем Социалистического Труда. Назовите и актера и ученого. (5)

В. ШЕСТЫХ,
г. Канск Красноярского края

4. Народ какой автономной республики после победы Великого Октября образовал самостоятельное государство? Как оно первоначально называлось? Как называлась его столица? (3)

Д. ПОЛЯКОВ,
г. Холмск Сахалинской области

5. «...И девушка наша проходит в шинели, торящей Каховкой идет». Кому именно посвятил «Песню о Каховке» М. Светлов? Какую награду получила героиня этой песни за участие в освобождении города от белогвардейцев? (5)

В. КУРОЧКИН, г. Ижевск

6. Композитор и певец вышли из одной национальной культуры. У них одинаковые имя и фамилия. Творческий расцвет композитора пришелся на первые десятилетия Советской власти, певец с успехом выступает в концертах сейчас. Композитор написал оперу «Наргиз», чем она примечательна? Назовите композитора и певца. (3)

В. БАШИРОВ, г. Грозный

7. Житель какой союзной республики во время Олимпиады-80, проходившей в нашей стране, получил целых двадцать золотых медалей? За что их ему вручили? (4)

А. ЧЕРНЫЙ, г. Николаев

8. Каждый второй советский снаряд, выпущенный во время Великой Отечественной войны, был сделан из металла, выплавленного одним предприятием. Каким? Строителям его посвящено литературное произведение, названное словами из марша В. Маяковского. Назовите произведение, кто его автор? (4)

В. ТРАЦЕВСКАЯ,
пос. Боровляны Минской области

9. Все знают песню об «огненном трактористе» Петре Дьякове, в которой есть слова: «Прокати нас, Петруша, на тракторе...» Он едва не сгорел, спасая народное добро от пожара. В 70-х годах его подвиг был повторен. Кем, когда и где? Известный писатель посвятил герою очерк. Как он назывался, где опубликован и кто его автор? (4)

Е. ШИЛОВ, г. Саранск

10. Какой документ полностью вошел в самую первую из советских конституций? (2)

З. ФРУНЗЕ,
г. Рыбница Молдавской ССР

11. Только один советский летчик во время Великой Отечественной войны сбил тараном 4 фашистских самолета. Назовите героя и даты боев. (4)

Н. КАСЛОВ, г. Чита

12. Комсомольско-молодежную стройку БАМ назвали стройкой века. Почему? По какому участку магистрали прошел первый поезд? Сколько станций будет на БАМе? (3)

И. ТАБУНЩИКОВ,
г. Тында Амурской области

13. По территории каких двух автономных республик и автономной области текут и в какие крупные реки впадают три левых притока с одинаковым названием? (4)

У. ЦЫЦЫКТУЕВА,
г. Улан-Удэ

14. Кто из советских спортсменов и когда установил первый мировой рекорд? Какой именно? (2)

А. ГРИШАНОВ, г. Ленинград

15. У юношей какого народа принято загадывать на клевере имя любимой? (2)

А. МАМЕДАЛИЕВ, г. Баку

Ждем ваших писем с ответами на вопросы первого тура до 15 мая этого года.

(Продолжение. Начало см. в №№ 1—5 журнала)

Шестой тур

Белые начинают и дают мат в три хода. (2 балла).

II

Ход черных. Как должен завершиться поединок при лучших действиях сторон? (3 балла).

III

Ход белых. Могут ли они добиться ничьей? (3 балла).

IV

Назовите шахматистов, которые будут представлять нашу страну в очередных межзональных турнирах личного мужского первенства мира. (1 балл).

Открытки с ответами на задания шестого тура высылаются в адрес редакции не позднее 10 июня 1982 года. Просьба учесть, что регистрационные номера будут сообщены участникам олимпиады до середины апреля.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.02.82. Подписано к печати 04.03.82. А 05042. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 784. Заказ № 2111. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ИСТОРОБАНДО

ЛЮБВИ НЕГРОМКИЕ СЛОВА

Музыка
Владимира ШАЙНСКОГО

Стихи
Бориса ДУБРОВИНА

И уплывут снежинки эти чистые,
В них растворится неба синева,
И заблестят капелью золотистою
Моей любви негромкие слова.

Они в саду прикинута черешнями,
Их повторит доверчиво листва,
И зазвучат слышнее грома вешнего
Моей любви негромкие слова.

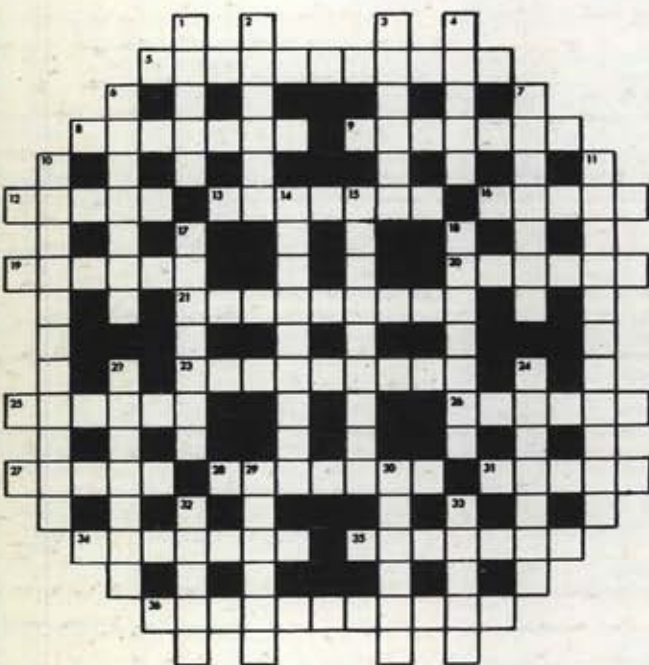
Представь себе, что все еще исполнится,
Что вновь душа надеждою жива...
Что вспыхнут ночью ярким светом солнечным
Моей любви негромкие слова.

Представь себе: такое вдруг случается,
Чему поверить можно лишь едва,
Представь себе, в снежинки превращаются
Моей любви негромкие слова.

Примечание: вторая половина каждого куплета
повторяется дважды.

К Р О С С В О Р Д

Составил Г. КОРЖОВ,
г. Горловка

По горизонтали:

5. Применение в производстве и в быту специального горючего вещества. 8. Нарезное охотничье ружье. 9. Духовой инструмент народов Средней Азии и Кавказа. 12. Прохождение войск торжественным маршем. 13. Специалист по выращиванию одного из видов злаков. 16. Экваториальное созвездие. 19. Декоративное растение семейства жимолостных. 20. Поэт-декабрист. 21. Птица семейства ибисов. 23. Минерал, сырье для керамических изделий. 25. Слесарный инструмент для разметки заготовки. 26. Поэт, зачинатель латышской письменной поэзии. 27. Спутник Сатурна. 28. Пьеса М. Горького. 31. Очертания предмета. 34. Действующее лицо драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 35. Героиня поэмы С. А. Есенина. 36. Основной закон государства.

По вертикали:

1. Единица веса в ювелирном деле. 2. Атолл в архипелаге Маршалловых островов. 3. Японский город на острове Хонсю. 4. Заключительная встреча в спортивных соревнованиях. 6. Предельные очертания вагонов, машин, сооружений. 7. Хор певчих. 10. Совместное нахождение в земной коре минералов. 11. Историко-филологическая дисциплина, изучающая развитие письменности. 14. Аппарат для получения сливок. 15. Певчая птица рода соловьев. 17. Приток реки Урал. 18. Научное сочинение. 22. Пушной зверек. 24. Двигатель. 29. Старинный город в Красноярском крае. 30. Столица Бирмы. 32. Искусственный строительный материал. 33. Пристань на Волге.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 5

По горизонтали:

4. Казашка. 5. «Школа». 7. Липси. 9. «Золушка». 10. Астра. 11. Китри. 14. «Синopsis». 16. Теплоход. 17. «Евдокия». 18. «Коммунист». 19. Фарандола. 21. Комаров. 23. Плановик. 24. Валторна. 25. Скудо. 26. Лилия. 27. «Верочка». 28. Вятка. 29. Марал. 30. Руденко.

По вертикали:

1. Сказание. 2. Сатуратор. 3. Балаклея. 6. Космодемьянская. 8. Сурдопедагогика. 12. Чистополь. 13. Поползень. 15. «Свисток». 16. Тимаков. 20. «Запорожец». 21. Киноварь. 22. Варламов.

СОТВОРЕНИЕ КРАСОТЫ

У ЛЕНСКИХ
РЫБАКОВ.

Кто из нас, замороженный удивительным зрелищем, не любовался хоть однажды радугой. Особое, приподнятое настроение царит вокруг, когда появляется она на небе, сияя чистыми, яркими красками. И хочется добежать до радуги, окунуться в ее пронзительное многоцветье, а она, будто в насмешку, остается недостижимой, словно не желая открыть тайну своих сказочных цветов. Вот и на одной из работ Марии Рахлеевой протянула она по зеркалу вод дорожку к бегущему к ней мальчику, как бы приглашая в удивительный мир красок.

Не случайно этот сюжет появился в творчестве молодого якутского графика Марии Рахлеевой. В нем радость художника за свою родину — Якутию, раскинувшуюся чуть ли не на половину Сибири, за живущих на ее просторах людей. Картина эта символична. Ведь радость-радуга спустилась на ту землю, где и жить-то некогда считалось наказанием.

Нелегкое детство Марии прошло в Якутске: отец умер, когда была совсем маленькой. Как и многие, она охотно рисовала в школе. Может быть, немного лучше других, потому что была постоянным художником стенгазеты. После восьмилетки — республиканское художественное училище, где занималась у известного якутского графика Афанасия Мунхалова. Он посоветовал девушке продолжить художественное образование. Рахлеева едет в Москву, поступает в институт имени В. И. Сурикова,

ТУНДРА.

ОЛЕНЬКА.

работает в мастерской народного художника СССР Е. А. Кибрика. По возвращении домой преподает в Якутском художественном училище. Недавняя его выпускница, она решила, что радость творческого труда будет неполной, если не поделится полученными знаниями с другими.

В 1978 году первые ее выпускники покинули стены училища. И как воспоминание о работе с ними, о времени летней практики — поездках со студентами по живописным уголкам республики — появилась литография «На пленэре». В центре листа, устроившись поудобнее, увлеченно рисуют две девушки. Вокруг них — буйное цветение трав. Воздух наполнен звонким мошкар, голосами птиц. Все в природе словно спешит насладиться солнцем, теплом короткого северного лета: покрывшие пригорки кусты, серебристая вдали река... Этот мотив повторится позже и в цветной литографии «И снова лето после студенческой зимы», и в работах, написанных темперой — «Якутские просторы», «Теплый август. Томпо», «У ленских рыбаков». Любит Мария это прекрасное время года, и потому на большинстве ее работ — лето.

Произведения Рахлеевой пронизаны любовью художника к родному краю. Ее работы — словно строки задушевной песни о Якутии, превращенные автором в штрихи, линии и краски.

— Несмотря на кажущееся однообразие нашей небогатой природы, все районы Якутии заметно отличаются друг от друга, — рассказывает Мария. — На самом севере — ровная, безбрежная, как море, тундра, словно ковром покрытая летом цветущими травами и мхами. На юге и в средней полосе — сопки, бесконечная тайга. А в Тикси — те же сопки, но без единого деревца. И повсюду — необычайное разнообразие красок, будто и вправду выплеснутых на землю радугой.

Художница бывала во многих городах республики, на стройках и лесозаготовках, заводах и приисках. Но с особой силой влекут ее тихие, уютные села вдали от городской суеты, где работают колхозники, пастухи, оленеводы. Ей по душе непривычный для горожан быт местных жителей — немудреный, суровый и такой соразмерный здешней природе. Эту гармонию матери-земли и человека Мария Рахлеева стремится показать в своих произведениях.

Владимир ШУМКОВ

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820